

Тыну40k
Gobline

РАЗВЕД ОПРОС

ЕГОР ЯКОВЛЕВ

ВОЙНА НА УНИЧТОЖЕНИЕ

ЧТО ГОТОВИЛ ТРЕТИЙ РЕЙХ
ДЛЯ РОССИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ДМИТРИЙ GOBLIN ПУЧКОВ

Annotation

Слова, вынесенные в название книги, – это не эмоциональное преувеличение автора. «Война на уничтожение» – так охарактеризовал будущую войну против СССР сам Адольф Гитлер. Попытка доказать, что фюрер готовил только разгром коммунизма, а народам России желал свободы и процветания, лукава и научно несостоятельна.

Множество документов Третьего рейха вполне ясно говорит о том, что нацисты стремились завоевать жизненное пространство за счет советских территорий, навсегда уничтожить российское государство в Европе и ослабить славянскую биологическую силу настолько, чтобы она уже никогда не могла оказать сопротивление германским народам.

Аналитики нацистов даже
заблаговременно высчитали, сколько

советских граждан должны умереть для благоденствия Великой Германии. Выжившим они отводили роль невольников немецкого господина. Зловещие планы германских элит могли бы стать явью, если бы не беспримерное сопротивление народов Советского Союза.

- [Егор Яковлев, Дмитрий Пучков \(Goblin\)](#)
 -
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Введение](#)
 - [Глава первая. Сияющий град на холме: идеология и практика завоевания жизненного пространства](#)
 - [Гитлер и Виннету: подсказки для будущего фюрера](#)
 - [«Лучше им умереть»: повседневный геноцид, избыточное насилие и принцип «мы здесь одни» как](#)

инструменты очищения
Lebensraum

- «Таково предначертание
судьбы»: экспансионистские
доктрины США и нацистская
Германия
- «Раса загнивает из-за смешения
кровей»: философия и наука XIX
века как источник вдохновения
для нацистов
- Глава вторая. Славяне – это рабы:
риторика и практика расового
превосходства
 - Дикий Восток: нацисты и
восприятие России в
ретроспекции
 - «Опасность немцам исходит от
крови других народов, прежде
всего славянских»:
антиславянская расовая
политика Третьего рейха
 - «Азиаты и русские роботы»:
пропаганда и германские

представления о русских в ходе войны

- Другой сценарий на Западе: не захват, а воссоединение
- Глава третья. Война на уничтожение: политика истребления на территории СССР
 - План Бакке: первая программа массового убийства на Востоке и принцип «мы здесь одни»
 - Влияние плана Бакке на Гиммлера: СС готовы внести свой вклад
 - Убийство советских военнопленных как следствие плана Бакке
 - Голод на Украине, в блокадном Ленинграде и оккупированной Ленинградской области как следствие плана Бакке
 - Истребление по линии СС и вермахта: карательные операции с избыточным насилием,

холокост и преступные приказы
в контексте плана Бакке

■ План «Ост»: пересмотр мифов

- Заключение
- Избранная библиография

● notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)

- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)

- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)

- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)

- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)

- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)

- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)

- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)

- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)

- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)

- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)

- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)

- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)

- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)

- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)

- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)

- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)

- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)

- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)

- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)

- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)

- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)

- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)

- [570](#)
 - [571](#)
 - [572](#)
 - [573](#)
 - [574](#)
 - [575](#)
 - [576](#)
 - [577](#)
 - [578](#)
 - [579](#)
 - [580](#)
-

**Егор Яковлев, Дмитрий
Пучков (Goblin)**
**Война на уничтожение.
Что готовил Третий Рейх
для России**
*Идеология и реальность
нацистской агрессии
против СССР*

Технический редактор *Е. Семенова*
Литературный редактор *О. Андросик*
Художники *И. Граве, С. Заматевская*
Корректоры *Н. Баталова, В. Ганчурина*

Верстка Л. Егорова

© ООО Издательство «Питер», 2017

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

*

*Если они нам не нужны,
пусть умирают.*

*Начальник партийной
канцелярии НСДАП
Мартин Борман о
советском населении. Из
письма министру
восточных территорий
Альфреду Розенбергу 19
августа 1942 года.*

Предисловие

Не так давно в родной стране невозможно было жить и не знать, что такое Великая Отечественная война. Не было ни одной семьи, которую эта война не затронула. Мужчины воевали, женщины работали в тылу, дети, и те стояли у станков. Война была настоящей катастрофой, и коснулась она всех и каждого.

Невозможно было жить в родной стране и не знать, что у нас творили нацисты. Уничтожение военнопленных, массовые расстрелы на оккупированных территориях, концентрационные лагеря, лагеря смерти, сожжение людей заживо и разрушение сотен деревень. Кровь стыла в жилах даже у самых неразумных и маленьких. Большинство взрослых, переживших войну, предпочитали об этом не говорить – настолько тяжелы были воспоминания.

При этом невозможно было понять – в чём причина столь жестокого нападения и откуда такие зверства? Вроде немцы – цивилизованная нация, носители высочайшей европейской культуры. Что произошло в Германии? Каким образом немецкий народ начал вытворять такое, что содрогнулась вся планета? Почему именно эта война была настолько жестокой?

В Советском Союзе про такие вещи говорить было не принято. Ибо немецкий народ – он хороший. Плохими были нацисты, которые ловко одурманили этот замечательный народ. Как нацисты ухитрились это сделать – понять было крайне затруднительно. Лично я располагал исключительно отрывочными сведениями, и сложить из них целостную картину никак не получалось.

Совсем недавно (в исторической, понятно, перспективе) познакомился с историком Егором Яковлевым. Егор – настоящий историк: отлично подготовленный,

глубоко знающий и по-питерски прекрасно воспитанный. В продолжительных беседах с ним наконец-то сложилась цельная картина – откуда вырос нацизм и что он собой представлял. Причём масса важнейших аспектов раскрылась совершенно с неожиданной для меня стороны. Оно понятно – время идёт, открываются архивы, выясняются новые обстоятельства. Но всё равно лично для меня многое рассказанное Егором – настоящее открытие.

Повествование Егор ведёт как подобает историку: беспристрастно, с документами в руках. Кто и что придумал, кто руководил, кто исполнял, о чём докладывал. Но главное – для чего всё это было, какие цели преследовались и чем всё должно было закончиться. Поскольку речь идёт о цивилизованных европейцах, мы на каждом шагу видим высочайшую организацию и строгую дисциплину. И то и другое было направлено на физическое уничтожение наших соотечественников, дабы освободить

жизненное пространство для «людей высшей расы».

В настоящее время в родной стране интересоваться подобным не принято. Теперь принято считать, что мы были плохие, а нацисты – хорошие. Что мы – дикие варвары, а нацисты пытались нести нам культуру.

Всем, кто разделяет подобные взгляды, настоятельно рекомендую прочесть книгу Егора Яковлева. Надежды на то, что мозг вдруг заработает как надо, не питаю, но хотя бы интерес к действительному положению вещей появится.

Всем, кто любовь к нацистам не разделяет, ещё более настоятельно рекомендую прочесть книгу, ибо масса вещей предстанет совершенно в другом свете. А когда прочитаете сами – дайте прочитать подросткам детям. Они всё это должны знать в первую очередь.

Большое спасибо Егору за проделанный труд. Историческую память надо освежать регулярно. Если этим не занимается

государство – надо это делать самим.

Дмитрий Goblin Пучков

Введение

Почти за два месяца до начала агрессии против СССР, 30 марта 1941 года, Адольф Гитлер лично обозначил отличие будущей войны на Востоке от кампаний на Западе. Схватка с Советским Союзом, сказал он, будет «войной на уничтожение»^[1]. Беспристрастный взгляд на директивные документы, подготовленные нацистскими службами для ведения этой «вернихтунгсриг» (с нем. – войны на уничтожение), позволяет безошибочно определить её основные цели.

Речь шла не только об уничтожении коммунизма, истреблении комиссаров и коммунистической интеллигенции, но и об исполнении давней мечты фюрера – завоевании жизненного пространства «немецким мечом для немецкого плуга». Эта задача была озвучена ещё в «Майн Кампф»^[2], и лидер нацистов раз за разом декларировал её

уже в статусе вождя германского народа. Так, едва приступив к обязанностям рейхсканцлера, Гитлер поднял эту тему, выступая перед командованием армии и флота на квартире генерала Хаммерштейна-Экворда 3 февраля 1933 года. Одной из вероятных и более того – желанных перспектив применения политической власти он назвал завоевание Lebensraum (с нем. – жизненного пространства) на Востоке и его «безжалостную германизацию»^[3]. 18 августа 1935 года министр пропаганды Йозеф Геббельс отметил в дневнике, что фюрер настроен на вечный союз с Англией, и сделал многозначительную приписку: «*Зато расширение на Востоке*»^[4]. Насколько широко Гитлер трактовал понятие «Восток», видно из его публичного заявления 1936 года о том, что «если Урал с его неизмеримыми сырьевыми ресурсами, Сибирь с её богатыми лесами и Украина с её необъятными полями окажутся в руках Германии, то Германия, ведомая национал-социалистами, ни в чём не будет

знать недостатка»^[5]. Эти аппетиты до поры ограничивались военными, экономическими и политическими возможностями рейха.

Однако после Мюнхенского соглашения и захвата Чехословакии предпосылки к осуществлению планов Гитлера уже сложились. Новые исследования показывают, что в 1939 году военное командование Германии всерьез прорабатывало вопрос о подчинении европейской части СССР германской власти. В частности, историки располагают малоизвестным планом командующего группой ВМС «Восток» генерал-адмирала Конрада Альбрехта, составленного в апреле 1939 года. Хотя этот документ в основной части касался боевых действий против России лишь на Балтике, в его преамбуле развернуто говорилось о целях будущей войны.

«Наивысшая цель германской политики видится в том, чтобы охватить всю Европу от западных границ Германии до европейской части России включительно и подчинить её

военному и экономическому руководству держав Оси. Такая Центральная и Восточная Европа будет достаточно сильной, чтобы в ходе войны полностью обеспечить себя продовольствием и обороняться собственными силами и средствами, отказавшись от сырьевых ресурсов других континентов...

Постановка политической цели с направлением главного удара на Восток может быть реализована только в отношении России; будет ли она большевистской или авторитарной, не играет никакой роли, так как от неё Германии нужны только территория и сырьё»^[6].

Последние слова особенно красноречивы. Становится ясно, что ликвидация большевизма, при всей ненависти к нему, рассматривалось как задача более низкого порядка по сравнению с захватом русских земель и ресурсов. 6 июля 1940 года фюрер сказал сподвижникам относительно будущего освоения восточных просторов: «Основной

принцип заключается в том, чтобы этот пирог разделить наиболее сподручным способом, для того чтобы мы могли, во-первых, им владеть, во-вторых, им управлять и, в-третьих, его эксплуатировать»^[7].

Для наиболее вдумчивых современников гитлеровские планы подчинения и колонизации России были секретом Полишинеля. Генерал Деникин, наблюдая, как рейх открыто поощряет украинских националистов, ещё в 1938 году резко и точно определил цели такой поддержки: *«...Это не освобождение, а поход на Россию, на раздел её, на порабощение нашего Юга силою, толкающего две ветви русского народа не против большевизма, а друг против друга, на междоусобие и братоубийство; чтобы по завершении этого каинова дела на развалинах и Великой и Малой России диктовать свою волю»*^[8].

Верным можно считать позднейший вердикт эмигрантского философа Ивана Ильина, которого никак нельзя заподозрить в

просоветской пропаганде: «Коммунизм в России был для них [нацистов] только предлогом, чтобы оправдать перед другими народами и перед историей свою жажду завоевания»^[9].

Таким образом, глубинной целью «войны на уничтожение» нацистам виделась окончательная ликвидация государственного суверенитета любого воплощения России над европейской частью её территории. Далее предстояла та самая «беспощадная германизация», о которой фюрер грезил ещё в год своего прихода к власти. Впрочем, уже в ходе самой войны должно было начаться немедленное изъятие природных богатств lebensraum в пользу рейха. Герман Геринг, которому предстояло руководить этим процессом в качестве шефа экономического штаба «Восток», говорил об этом солдатски прямо: «Я намереваюсь грабить, и грабить эффективно. Всё, что может быть пригодно для немцев на Востоке, должно быть молниеносно извлечено и доставлено в

Германию»^[10].

Следующий шаг, который явно просматривается в подготовительных директивах рейха, это эксплуатация новоприобретённых территорий. В качестве рабочей силы, во всяком случае на первом этапе, планировалось привлекать коренное население, чьё место в новой системе демонстрирует инструкция для колониальных руководителей, написанная статс-секретарем министерства сельского хозяйства и продовольствия Гербертом Бакке 1 июня 1941 года:

«Мы не хотим обращать русских на путь национал-социализма, мы хотим только сделать их орудием в наших руках. Вы должны покорить молодёжь, указывая ей её задачи, энергично взяться за неё и беспощадно наказывать, если она саботирует или не выполняет этих задач...

Русские всегда хотят оставаться массой, которой правят. Так они воспримут и приход немцев, ибо этот приход отвечает их

желанию: “...приходите и владейте нами”».

Никаких объяснений и обоснований, пусть русские видят в вас руководителей.

По отношению к русским следует настаивать даже на ошибке, допущенной немцем.

Нищета, голод и лишения – удел русского человека в течение многих столетий. Его желудок переварит всё, поэтому никакого ложного сочувствия к нему.

Исходя из своего многовекового опыта, русский видит в немце существо более высокого порядка. Заботьтесь о том, чтобы этот престиж немцев сохранялся»^[11].

В реальности нацисты сами видели в себе существ более высокого порядка и пытались убедить в этом других. Такое самомнение, возведённое национал-социализмом в высшую добродетель, проистекало из стародавнего «колониального комплекса» Германии. Германская империя появилась на карте Европы только в 1871 году, а первыми колониями обзавелась лишь в 80-х годах XIX

века, когда мир в общем и целом был поделён и успешно освоен. Берлин никогда не имел своей Индии, Мексики или Калифорнии, а то немногое, что удалось приобрести к Первой мировой, оказалось быстро утрачено в ходе боевых действий. Неудачи прошлых лет не давали покоя не только членам НСДАП, но и деловым элитам, которые поддержали Гитлера: захват России виделся им долгожданным прорывом к будущему могуществу по примеру Великобритании. И Бакке, и фюрер, и сотни других немецких бонз мыслили стереотипами классической колониальной парадигмы, в которой «цивилизованное человечество», или, говоря по-нацистски, высшая раса обладает естественным правом господства над туземными дикарями. Это не исключало привлечения одних аборигенов для истребления других, но выполнение чёрной работы не делало их равными «европейцу». Характерные нотки звучат в докладной командующего 2-й танковой армии генерала

Рудольфа Шмидта о действиях коллаборационистской 29-й гренадерской дивизии СС «Рона» (1-й русской): *«Благодаря успешному развёртыванию русских войск под руководством Каминского стало возможно не привлекать новых немецких подразделений и **сохранять германскую кровь в борьбе с партизанами**»*^[12] (здесь и далее выделено автором).

Однако нацисты собирались не только эксплуатировать территорию СССР, но и разместить на ней миллионы германских колонистов. Таким образом, перед рейхом с самого начала стоял вопрос: как поступить с коренными жителями, которые издавна живут на этой земле? Потенциальных батраков предполагалось переселять в менее комфортные для проживания районы, однако потребности германцев в рабочей силе были ограничены, и со всей неизбежностью вставал другой вопрос: что делать с остальными? По словам антрополога Патрика Вульфа, *«от обсуждения поселенческого*

колониализма не так далеко до вопроса о геноциде. Земля – это жизнь, или во всяком случае она необходима для жизни». Американский историк Роксана Данбар-Ортиз, которая цитирует эти слова в весьма интересной статье о покорении Северной Америки, развивает его мысль: «Люди не отдают свои земли, ресурсы, детей и будущее без боя, и эта борьба порождает насилие. Используя жестокость для достижения своих экспансионистских целей, колониальный режим превращает насилие в закон. Представление, что конфликт “поселенец – абориген” является результатом культурных различий или недопонимания или что насилие колонизаторов и колонизируемых – это одно и то же, размывает исторические процессы. Евро-американский колониализм, аспект экономической глобализации капитализма, с самого начала имел тенденцию к геноциду»^[13]. Эта тенденция и проявилась в том, что Гитлер спланировал против СССР войну, в которой «жестокость будет благом

для будущего».

Несмотря на огромное число современных работ, посвящённых Великой Отечественной войне, в российском обществе нет ясного понимания, что со стороны национал-социалистической Германии с её расовой теорией она представлялась колониальной войной, которая ведётся не против равного, а против «туземного», низшего народа. Внести некоторую определённости в этот вопрос призвана данная книга. В первой главе предпринята попытка проследить такие источники вдохновения Адольфа Гитлера, как англосаксонские стратегии освоения Северной Америки и Австралии, американские Доктрины открытия и явного предназначения, пуританский кальвинизм, концепция прав англичанина Бенджамина Дизраэли, а также расовые теории Артюра де Гобино и Хьюстона Стюарта Чемберлена. Во второй главе показано, в чём коренились и как воплощались в практической нацистской

политике представления о славянах как о низшей расе. Попутно мы дадим ответы на вопросы, почему догмы о расовом превосходстве немцев над славянами не исключали союзных отношений Германии с Болгарией, Словакией и Хорватией и как расовые недостатки русских увязывались с большевизмом. В третьей главе исследуется вопрос существования конкретной нацистской программы уничтожения граждан СССР, отличной от программы истребления евреев. На наш взгляд, она существовала, и смерть военнопленных, блокада Ленинграда, карательные операции и деятельность эсэсовских айнзацкоманд были звеньями одной цепи. В книге предпринята попытка подступить к реконструкции этого бесчеловечного замысла.

**Глава первая. Сияющий
град на холме: идеология
и практика завоевания
жизненного пространства**

Гитлер и Виннету: подсказки для будущего фюрера

В 1939 году Адольф Гитлер получил, возможно, самый необычный подарок в своей жизни. Это было новое, роскошное 65-томное собрание сочинений Карла Мая, автора романов о приключениях охотника Олд Шеттерхенда и его друга индейца Виннету в прериях Дикого Запада^[14].

Книги прислала жена покойного писателя Клара, хозяйка издательства Karl-May-Verlag, которая уже много лет поддерживала нацистскую партию. Не зная биографии лидера НСДАП, можно предположить, что, принимая дар, он всего лишь отдавал дань своей стороннице, и томам предстояло пылиться на полках библиотеки в альпийской резиденции фюрера Бергхофе. Однако это было не так. Между Гитлером и книгами Мая существовала многолетняя связь: эти истории,

по словам близкого к вождю Альберта Шпеера, были для него «путеводной нитью, он читал их на ночь, и они придавали ему смелости, помогали ему, как помогают многим философские труды или Библия – пожилым людям»^[15]. Их появление в доме вождя национал-социалистов накануне Второй мировой войны в высшей степени символично.

К Маю Гитлер пристрастился давно. В начале двадцатого века романы о Шеттерхенде запоем читали все немецкоязычные подростки, и юный Адольф не был исключением. Никто из англо– или франкоязычных новеллистов, проходящих по разряду авторов книг для юношества, не был в Германии популярней «великого Карла». Когда Стивенсона и Джека Лондона перевели на немецкий, обложки их романов в рекламных целях стилизовали под обложки книг Мая. Повстречайся тогда Гитлер, к примеру, с Эйнштейном, который был на десять лет старше, они определённо нашли бы общую

тему для разговора. Великий физик также обожал Мая и на склоне лет произнёс трогательные слова благодарности в его адрес: **«Он помог мне пережить множество часов отчаяния. Так было всегда и остаётся сейчас»**^[16].

Карл Май, бесспорно, был крупным мастером и, по отзывам Германа Гессе, представителем того рода литературы, которая является воплощённой мечтой. Однако любая книга – это не только вопрос писателя, но и вопрос читателя. Русский писатель Юрий Трифонов как-то заметил, что, глядя на Венеру Милосскую, одни видят произведение искусства, а другие – женщину без рук. Гитлер, читая книги Карла Мая, увидел совсем не то, что Эйнштейн. Он увидел в них нечто привлекательное для него, но бесконечно зловещее для всего остального мира.

«Гитлер в своих суждениях опирался на опыт Карла Мая, который, по его мнению, доказал, что для принятия решения достаточно одного воображения, – рассказывал Шпеер, с

1942 по 1945 год занимавший пост рейхсминистра вооружений. – Не нужно знать пустыню, чтобы ввести войска в Африку; ты можешь не знать людей, как Карл Май не знал бедуинов или индейцев, однако с помощью воображения и умения поставить себя на место другого ты узнаешь о них, их душе, их обычаях и привычках больше, чем какие-нибудь антропологи или географы, изучавшие их в полевых условиях. Карл Май убедил Гитлера: чтобы узнать мир, необязательно путешествовать»^[17].

Май действительно никогда не был на Диком Западе, что не сильно выделяло его из числа собратьев по перу. Эдгар Райс Берроуз тоже не ступал на землю Африки, где жил его Тарзан, а Жюль Верн не посещал берегов ангольской Кванзы, ярко описанной им в «Пятнадцатилетнем капитане». Но одно дело беллетристика, и совсем другое – реальная политика, в которой отсутствие крепких знаний и вера в личные фантазии превращаются в самоубийственный

авантюризм. Примером такого авантюризма могут служить суждения фюрера о будущей войне с СССР. Так, 28 июня 1940 года Гитлер безапелляционно заявил главе Верховного командования вермахта (ОКВ):

«Теперь мы показали, на что способны. Поверьте мне, Кейтель, война против России была бы в противоположность войне с Францией похожа только на игру в куличики»^[18].

При этом фюрер полностью игнорировал экспертную оценку военного атташе в СССР Эрнста Кёстринга, который высоко оценивал боеспособность Красной армии. Истоки такого воинствующего дилетантизма, когда воображение, а не наука двигала действиями нацистского лидера, Шпеер видел именно в неверно понятом примере Карла Мая.

Но этим влияние книг «немецкого Купера» на Гитлера не исчерпывалось. Связь между гитлеровским прочтением Мая и самой практикой национал-социализма попробовал определить Клаус Манн, сын литературного

нобелиата Томаса Манна и сам первостатейный прозаик. В 1940 году Клаус, уехавший из нацистской Германии в США, написал статью «Карл Май. Литературный ментор Гитлера», в которой попытался пояснить, чему именно фюрер научился на книгах о Шеттерхенде.

«Одним из самых ярых поклонников Карла Мая был некий бездельник из австрийского Брунау, которому предстояло подняться до впечатляющих высот. Юного Адольфа сильно впечатлили эти книги: они стали любимым, а может, и единственным его чтением, даже в последующие годы. Всё его воображение, все его представления о жизни пропитаны этими остросожетными вестернами. Дешёвые и поддельные понятия о героизме, представленные Маем, очаровали будущего фюрера... Что более всего привлекало неудачливого художника и потенциального диктатора в Олд Шеттерхенде, так это смесь brutality и лицемерия: этот герой мог с величайшей лёгкостью цитировать

Библию и в то же время убивать; совершать чудовищные злодеяния с чистой совестью; он принял как должное, что его враги – это низшая раса и дикари, в то время как он, Олд Шеттерхенд – сверхчеловек, призванный Богом побеждать зло и сеять благо»^[19]. В конце своего текста Манн назвал Третий рейх абсолютным триумфом Карла Мая^[20].

Была ли эта оценка точна и объективна?

Думается, что не до конца. Если бы всё было так, как описал Манн, у Карла Мая не осталось бы шансов сохранить своё место в пантеоне классиков приключенческих романов после падения нацистов. Между тем он не только не канул в литературную Лету, но западногерманские экранизации с Пьером Брисом и Лексом Баркером возвели его книги на новую ступень популярности. Особенно парадоксальная ситуация сложилась в СССР: здесь Мая не издавали из-за гитлеровского шлейфа, но фильмы о Виннету шли в советском прокате и были всенародно

любимы^[21].

С чем же можно поспорить в категоричной оценке Манна? В первую очередь с идеей о примитивном разделении героев Мая на сверхчеловека и «низшую расу». Индейцы, как и белые, наделены у него разными – привлекательными и отвратительными – чертами; благородный вождь апачей Виннету, изображённый наиболее ёмко, вызывает большую симпатию, а его друг Олд Шеттерхенд совсем не выглядит белокурой бестией, лишённой «химеры совести». Пожалуй, зрелый Гитлер мог бы упрекнуть бывалого охотника (как упрекал он, скажем, Кейтеля) в излишней мягкости, в сочувствии к поверженному врагу и нравоучительных призывах оставаться человеком, с которыми герой регулярно обращается к врагам и соратникам. Так, в первой книге трилогии Шеттерхенд упрашивал Виннету не подвергать страшным индейским пыткам бледнолицего негодяя Рэттлера, убившего духовного наставника

племени. Вождь нехотя соглашался при условии, что преступник попросит прощения у Разящей Руки, но тот с проклятьем отверг предложение. Поэтому убийцу, привязанного к пыточному столбу, должны были подвергнуть истязаниям, и он истошно выл, страшась своей участи. Уступая просьбам друга, Виннету объявил жертву трусом, недостойным, чтобы к нему прикасалась рука индейца. Бандита швырнули в озеро и добились выстрелом из ружья.

Гуманность, проявленная Старинной в этом и других эпизодах, отнюдь не принадлежит к «добродетелям» нацистского сверхчеловека. Явно предвзято и обвинение Разящей Руки в лицемерии. Таким образом, в отношении главного героя Манн, очевидно, ошибался. И всё же представляется, что общую линию он уловил верно, только шла она не от главных, а от второстепенных персонажей цикла. В книгах Мая все морализаторские призывы Шеттерхенда, как правило, пропадают впустую. Силач-охотник постоянно

сталкивается с героями, у которых «своя правда» и которые объясняют жестокость тем, что на Диком Западе «иначе нельзя». Иллюстрирует это, например, беседа Шеттерхенда с юным Гарри, у которого бандит Финнети в союзе с индейцами племени черноногих убил семью. Охотник говорит юноше, что он отдал бы убийцу своей матери в руки правосудия, а *«между мстью и наказанием есть существенная разница. Мсть лишает человека тех качеств, которые и отличают его от животного»*. Но собеседника это не убеждает: *«Если человек добровольно отрекается от разума и жалости к ближнему и становится диким зверем, то с ним и надо обращаться как с диким зверем и преследовать до тех пор, пока смертоносная пуля не убьёт его»*^[22].

То же самое слышит Шеттерхенд от приятеля Сэма Хокенса, который не просто убивает, но обязательно скальпирует индейцев из числа своих противников. Главный герой шокирован тем, что его товарищ

пристрастился к варварскому обычаю, но тот объясняет:

«У меня есть на то свои причины, сэр. Мне пришлось воевать с такими краснокожими, что у меня не осталось ни капли жалости к ним, да и они меня не жалели. Смотрите!»

Он сорвал с головы свою потрёпанную временем шляпу, а вместе с ней и длинноволосый парик, под которым скрывался багровый, ужасного вида скульптурованный череп. Однако это зрелище было для меня не новым, поэтому и не произвело должного впечатления.

– Что вы скажете на это, сэр? – продолжал оправдываться Сэм. – Я носил собственную шевелюру с раннего детства, привык к ней и имел на неё полное право, чтоб мне лопнуть! И вдруг появляется дюжина индейцев пауни и отнимает у меня моё естественное украшение. Пришлось идти в город, выкладывать три связки бобровых шкур и приобретать накладные волосы. Не

спорю, парик – штука удобная, особенно летом, его можно снять, если вспотеешь; за него заплатился жизнью не один краснокожий, так что теперь содрать скальп – для меня большее удовольствие, чем поймать бобра»^[23].

Голоса оппонентов Разящей Руки – это хор, поющий о том, что они находятся на особой территории, где не действуют ни законы государства, ни нормы христианской морали. Если в Европе Бог умер, как говорил Ницше, то здесь он и не родился. В риторике нацистского фюрера, призывавшего своих солдат помнить, что все страдания немцев в межвоенный период были вызваны кознями жидобольшевиков и в войне на Востоке незачем жалеть или судить их, явственно различимы аргументы Гарри и Сэма; увещевания Шеттерхенда со ссылками на Евангелие в сознание Гитлера не проникли, их он легко отбросил. Обращаться с врагом «как с диким зверем» – именно в этом контексте встречаем мы упоминание Карла Мая в

донесении командира 707-й охранной дивизии вермахта фон Бертольсхайма. На исходе октября 1941 года этот военный чин сообщал генерал-майору Нагелю, что «в России они имеют дело с преступниками самого худшего пошиба... В качестве инструкции могут быть использованы только Карл Май или Эдгар Уоллес»^[24].

Но, пожалуй, самая важная тема, которая никак не могла ускользнуть от будущего фюрера, – это покорение Америки европейцами. Каким бы привлекательным персонажем ни был Виннету, из текстов Мая видно, что индейский народ обречён. Это понимает и сам вождь апачей. *«Ты знаешь, кто убил их? Ты видел их? – говорит он Шеттерхенду над трупами своего отца и сестры. – Это были бледнолицые, которым мы не сделали ничего плохого. Так было и так будет всегда, пока они не уничтожат последнего краснокожего. На собственной земле индеец всегда будет жертвой белых... Любим ли мы вас или ненавидим – всё равно*

там, где ступает нога бледнолицего, нас ждёт гибель»^[25]. И Разящая Рука, восхищаясь мужеством друга, понимает, что это правда.

Романы о Виннету были для Гитлера, вероятно, первым источником знаний о завоевании «жизненного пространства» колонизаторами. Как оценил эти исторические события двенадцатилетний Адольф, мы не знаем, но зрелый Гитлер, планируя нападение на СССР, этим фактом восхищался. Больше того, именно его он взял за пример. Перед нами, говорил лидер нацистов, «стоит лишь одна задача: осуществить германизацию путём ввоза немцев, а с коренным населением обойтись как с индейцами...»^[26] Развивая эту мысль далее, фюрер вещал: «Нам придётся прочесывать территорию, квадратный километр за квадратным километром, и постоянно вешать! Это будет настоящая индейская война»^[27]. О жертвах её он призывал не жалеть: «Мы совершенно не

обязаны испытывать какие-либо угрызения совести... Едим же мы канадскую пшеницу, не думая об индейцах»^[28].

Познакомив Гитлера с темой колонизации Нового Света, романы Карла Мая косвенно указали ему путь, который превратил бы Германию в сверхдержаву. Образ «своей Америки», богатой и плодородной территории, которую он завоюет для немцев на Востоке, определённо стоял перед глазами нацистов. Волгу Гитлер порой называл русской Миссисипи. В известной нацистской брошюре «Унтерменш» были высказаны сожаления, что территория СССР, принадлежа недочеловекам, пребывает в жалком состоянии, но под управлением высшей расы она могла бы стать «европейской Калифорнией»^[29].

Оборотной стороной всех этих «американских» аллюзий была трагическая судьба коренного населения Америки. На оккупированных территориях Польши и СССР Гитлер собирался повторить тот огромный

опыт господства и геноцида, который был накоплен великими державами за пять веков колониальной политики начиная с Христофора Колумба. Американский этнолог Уард Черчилль был трижды прав, когда в своей монографии «Геноцид между делом» о гибели индейских народов писал:

«Призрак Колумба шёл с британцами в их войнах против зулу и арабов, с американцами против “моро” на Филиппинах, с французами против народов Алжира и Индокитая, с бельгийцами в Конго, с голландцами в Индонезии. Он присутствовал во время опиумных войн в Китае, во время “секретных” бомбардировок в Камбодже, он наблюдал за системным истреблением аборигенов Калифорнии в XIX веке и гватемальских майя в 1980-х. И да: мы очень часто видим его в нацистских коридорах власти, среди охранников Собибора и Трешлинки, в составе айнзацкоманд на Восточном фронте. Третий рейх, очевидно, не был каким-то отклонением, он был

кристаллизацией основных черт – расового превосходства, жажды покорения и геноцида – той европейской традиции, ярким выразителем которой был Колумб. Нацизм не был уникален: это был лишь один из “новых мировых порядков”, запущенных в результате Открытия [Америки]. Он был не более и не менее ужасным, чем то, что сотворил Христофор Колумб на Иspanьоле в 1493 году; 1493 и 1943 – это части одного целого»^[30].

Разница была только в том, что нацисты решили применить этот чудовищный опыт к народам Европы.

**«Лучше им умереть»:
повседневный геноцид,
избыточное насилие и принцип
«мы здесь одни» как
инструменты очищения
Lebensraum**

Итак, Карл Май лишь подсказал будущему фюреру дорогу к «школе». На реальных учителей Гитлера красноречиво указывает его патологический расизм, соединённый с жадой завоеваний.

Исторически расизм сформировался именно как инструмент колониального владычества. По метким словам Ханны Арендт, «империализм неизбежно влёт за собой изобретение расизма как единственно возможного “объяснения” и оправдания своих действий»^[31]. Однако имперский расизм необязательно означал геноцид. Истребление

колониальных народов принимало угрожающие масштабы в тех случаях, когда захватчики не могли извлечь из них выгоды.

Действительно, колониальные агрессии можно разделить на два типа исходя из их цели. В одном случае агрессия преследовала цель выкачать все ресурсы в пользу метрополии, а местное население использовать в качестве невольников. Хотя «колонизация порабощения» не исключала массовых убийств, но, за редкими исключениями, экономическая целесообразность брала верх. По справедливому замечанию крупного исследователя вопроса Ива Тернона, «аморальная политика насаждения рабства... спасала людей от геноцида»^[32]. Этот тип колонизации по большей части применялся для территорий, которые не рассматривались как место постоянного обитания европейца. Так зачастую происходило в Азии и Африке, а наиболее ярким примером можно считать Британскую Индию. По этому поводу

профессор Гейдельбергского университета Мануэль Саркисянц заметил:

«*Туземное население Индии избежало судьбы коренных жителей Австралии (в значительной мере истреблённых) именно благодаря непригодности тропиков для заселения – о чём британские империалисты говорили совершенно открыто*»^[33].

Совсем иначе обстояло дело при другом типе колониальной агрессии – борьбе за жизненное пространство, или поселенческом колониализме: тут европейцев интересовал не только вывоз ресурсов, но и **сама земля** для вольготного размещения на ней. Оседлость аборигена на конкретной территории, с которой он редко готов был уйти по своей воле, превращала его в **конкурента колонизатора**, чьё существование не приносит никаких выгод – только издержки. Жертвами *такой* агрессии, преимущественно британской, стали индейцы Северной Америки, аборигены Австралии и Тасмании, маори Новой Зеландии. Эти народы были

уничтожены или радикально сокращены, а их место заняли новые нации англосаксонского корня.

Очень важно определить механизм колониального истребления. В значительной мере оно было результатом насилия, учинённого множеством отдельных людей, которые, конечно, не получали специальных санкций из Лондона или Вашингтона. Такой тип уничтожения был по сути стихийным и очень быстро принимал обыденный характер, так как зиждился на уверенности общества, что убивать низшую расу вполне допустимо, и на устранении государства от осуждения и наказания на эти убийства. Далее мы будем называть его повседневным геноцидом.

Ярким примером могут служить умонастроения белых колонистов Австралии, о которых в Русское географическое общество сообщал Н.Н. Миклухо-Маклай: «Их [аборигенов] вытесняют внутрь страны, всячески преследуют, и убийство чёрного не считается даже преступлением»^[34]. Душегубы,

учинившие в 1838 году бессмысленную резню на Майелл-Крик в Новом Южном Уэльсе (чуть ли не единственный случай в истории, когда белых австралийцев повесили за убийство «ниггеров»), говорили на суде: «Мы не сознавали, что, убивая чёрных, нарушаем закон... потому что **раньше это практиковалось повсеместно**»^[35]. На первом процессе по этому делу бандитов и вовсе оправдали: местный житель сообщал в редакцию газеты Australian, что один из присяжных заседателей так пояснял своё решение: *«Я смотрю на негров как на стаю обезьян, и чем раньше их сметут с лица земли, тем лучше. Я знал, что эти люди были виновны, но я никогда не видел, чтобы белого человека повесили за убийство чернокожего»*^[36]. На повторном процессе благодаря принципиальности генерального прокурора и главным образом из-за наличия белого свидетеля убийцам вынесли обвинительный приговор, но общество встретило его с негодованием. Симптоматично

заявление газеты «Сидней Морнинг Геральд»: «Эта банда чёрных животных не стоит тех денег, которые колонистам придётся потратить на печать глупых судебных отчётов. Мы и так уже потратили слишком много»^[37]. По мнению исследователя Брюса Элдера, дело о резне на Майелл-Крик лишь усилило в среде белых австралийцев «заговор молчания» относительно убийств аборигенов^[38]. Вторым его следствием стало то, что для расправы с «обезьянами» начали активнее использовать яд: это делало положение убийц «более безопасным» на случай, если некий чиновник-идеалист вдруг захочет расследования.

Помимо молекулярных убийств (обыденных расправ частных лиц над одним туземцем или небольшим их числом) частным случаем повседневного геноцида при очищении жизненного пространства является принцип *избыточного* насилия, когда уничтожение «чужих» формально осуществляется в рамках возмездия, но

масштабы этого возмездия многократно превосходят как сам ущерб, так и меру необходимого устрашения. Об этом тот же Н.Н. Миклухо-Маклай писал корреспондентам в Петербурге: «В северной Австралии, где туземцы ещё довольно многочисленны, в возмездие убитой лошади или коровы белые колонисты собираются партиями **на людскую охоту и убивают сколько удастся чёрных**, не думая о том, что, вытесняя каждый день туземцев из более плодородных областей, они ставят их в положение или голодать, или убивать скот белых взамен растений и животных, уничтоженных или редуцированных вследствие овцеводства и плантаций у белых»^[39].

Признаком избыточного насилия часто выступает **пересчёт жизни одного высшего человека или даже его имущества на значительное число жизней представителей низшей расы**. Когда Вильгельм Кейтель предложил расстреливать

за каждого убитого советскими партизанами немца по пять гражданских лиц, Гитлер возмутился и поднял планку до 50–100 подлежащих казни^[40]. Этот лимит – прямая отсылка к зверствам, учинённым первой, Колумбовой, администрацией в Новом Свете: именно она впервые оценила жизнь одного христианина в сто индейских, что зафиксировал в своих обличительных трудах священник-гуманист Бартоломе де Лас Касас^[41]. Стоит добавить, что политика Колумба была откровенно тиранической: первооткрыватель Америки обязал всех взрослых индейцев острова Эспаньола каждые три месяца платить ему специальный налог – напёрсток золотого песка или двадцать пять фунтов хлопка. На шею несчастным данникам вешали медный жетон с датой последней выплаты. Тем, кому не удавалось сделать очередной «взнос» в срок, отрубали кисти рук, обрекая на мучительную смерть от голода. Естественно, что любви к колонизаторам этот закон не прибавил, и случаи отчаянного

сопротивления туземцев были не так уж редки, как и карательные рейды.

Особенно важную роль в депопуляции коренного населения на «жизненном пространстве» играют массовые **убийства женщин и детей**, так как они больше, чем убийства мужчин, подрывают биологическую силу противника. Последствия таких действий проанализировал профессор Дэвид Стэннард на американском материале:

«Европейская привычка без разбора убивать индейских женщин и детей во время войн с коренными американцами была не просто зверством. Это был категорический и намеренный геноцид. Рассмотрим в этом смысле влияние самых тяжёлых современных войн. В июле 1916 года генерал Дуглас Хейг отправил британские войска сражаться с немцами в битву при Сомме. Он потерял 60 000 человек в первый же день – 21 000 в первый же час! – включая половину офицеров. Когда сражение закончилось, потери Хейга составили 420 000. Между тем война

продолжалась ещё два года. Справедливо считать, что это была самая тяжёлая война в английской истории. Ухудшали положение и отток населения из страны, и смертельная пандемия гриппа, случившаяся в конце десятых годов. Однако между 1911 и 1921 годом население Британии выросло почти на два миллиона человек»^[42].

Та же самая динамика роста наблюдалась, скажем, в Японии во время Второй мировой войны. По обоснованному мнению Стэннарда, *«причиной того, что население могло расти в военных условиях, была непропорциональность гибели мужского и женского населения. Но совсем иначе обстояли дела на Карибах, в Мезоамерике, Южной Америке, на территории современных США и Канады. Там произошло не что иное, как преднамеренное убийство невинных, которое не закончилось с концом колониальной эпохи»*^[43].

Дополним эти данные тем, что самые массовые в истории убийства детей

произошли именно в колониальной Южной Америке: в 1539 году конкистадор Франсиско де Чавес, покоряя королевство Каруа Кончукас в империи инков, приказал убить около шестисот индейских младенцев младше трёх лет^[44]. В XIX веке в ходу у американских поселенцев была фраза «гнида делает вошь», поощрявшая расправы с индейскими детьми: наиболее известным апологетом этого принципа был полковник Джон Мильтон Чивингтон, инициатор садистской бойни на Сэнд-Крик^[45]. Отдавая бесчеловечный приказ, прямо позволявший на Востоке убийство женщин и детей, фюрер германской нации абсолютно наследовал этим иродам из «расы господ»^[46].

Впрочем, повседневный колониальный геноцид мог осуществляться и в формах, которые не требовали прямого насилия над аборигенами. Речь идёт о колонизаторской деятельности, которая просто не учитывала жизненных интересов туземцев и тем самым

создавала условия для вымирания. Относительно укрепившись на новой территории, белые начинали вести себя по принципу «мы здесь одни»: так, будто коренного населения просто не существует. Самым ярким проявлением этой поведенческой стратегии были действия, отторгающие местное население от критических для его выживания ресурсов. По сути, именно об этом на слушаниях в Конгрессе в 1875 году говорил американский генерал Филип Шеридан:

«Охотники за бизонами сделали за последние два года больше для решения острой проблемы индейцев, чем вся регулярная армия за последние 30 лет. Они уничтожают материальную базу индейцев. Пошлите им порох и свинец, коли угодно, и позвольте им убивать, свежевать шкуры и продавать их, пока они не истребят всех бизонов!»^[47]

Форсированное истребление бизонов привело к тому, что индейцы в прериях стали

голодать, и породило эсхатологические представления в среде туземных народов. Симптоматично, что Сенат США проголосовал за принятие закона о защите бизоньего поголовья, но президент Грант наложил на него вето. Правда, Белый дом в 1867 году заключил с индейцами Нерушимый договор, известный также как Договор, скреплённый клятвами в вигваме шамана. Согласно ему, на обширных равнинных территориях коренные американцы получали исключительное право охотиться на бизонов. Однако этот Нерушимый договор очень скоро был нарушен самым бессовестным образом. Как пишет исследователь Дж. М. Уайт, «на закреплённую за индейцами территорию ринулись белые охотники, в основном такие же грубые и бессердечные негодяи и головорезы, как и калифорнийские золотоискатели. Они полностью истребили животных, к которым индейцы относились с трепетом и поклонением в течение столетий. Бизоны были выбиты белыми охотниками за

четыре года: с 1870 по 1874 год... В 1860 году поголовье бизонов в западной части Равнин составляло, по оценкам, 100 миллионов животных; в 1900 году их осталось лишь 1000»^[48]. Особо характерная деталь: на бизонов, отмечает патриарх французской зоологии Жан Дорст, часто «охотились ради развлечения, о чём свидетельствуют рекламы железнодорожных компаний, привлекавшие пассажиров возможностью стрелять в бизонов прямо из окна вагона!»^[49]. Очевидно, железнодорожные магнаты или вообще не задумывались о последствиях этого для индейцев, или не считали это хоть сколько-то важным.

Изучение колониального геноцида осложняется тем, что он по определению слабо документирован. Убийство «зверолодей» или «недочеловеков» не было нужды отражать в документах. Сегодня это открывает широкие возможности для манипуляций цифрами: либо в пользу данного фактора депопуляции, либо, наоборот, для

фактического его отрицания. Вторая проблема состоит в слабой исследованности влияния повседневного геноцида на другие причины депопуляции. Между тем массовые убийства, сожжения жилищ, создание атмосферы постоянного страха за жизнь свою и детей, очевидно, становятся первопричиной голода, стимулируют болезни, уменьшают сопротивляемость организма и в конце концов косвенно приводят к смерти. Всё это мы должны принимать во внимание.

Однако существование самого повседневного геноцида отрицать нельзя по причине множества документальных свидетельств. Та точка зрения, что гибель коренных народов Америки, Австралии и Новой Зеландии является следствием исключительно европейских болезней и отсутствия у аборигенов иммунитета к ним, откровенно наивна. Очевидно, что ни оспа, ни корь, ни грипп, ни даже сифилис, действительно занесённые колонизаторами, не помешали созданию наций современной

Латинской Америки, ядра которых составляют метисы, то есть потомки и индейцев, и европейцев. Между тем ядро американской или австралийской нации составляют чистокровные потомки англичан и других колонизаторов, прибывших в Новый Свет. Пока что наука не представила доказательств того, что причины этой разницы лежат в области биологии. Есть куда больше оснований искать их в области политики и религии.

Тема повседневного геноцида в колониях остаётся мало освещённой в мировой литературе. К примеру, не получила широкой известности трагедия аборигенов Австралии и Тасмании, между тем она является ярчайшей иллюстрацией механизма молекулярного уничтожения в ходе завоевания жизненного пространства. Знаменитый французский историк Марк Ферро, написавший труд «Как преподают историю детям разных стран», горько иронизировал относительно умолчания об этих событиях:

«В высшей степени серьёзный труд профессора А.П. Эткина об аборигенах содержит в себе целый параграф о... “демографическом приросте” у туземцев начиная с 1930 года. Французское издание этой книжки насчитывает 452 страницы. Я напрасно искал на них хоть малейшее указание на демографический спад предшествующего столетия... В конечном счёте больше всего об этом узнаешь, читая “Детей капитана Гранта”»^[50].

Нам нет нужды ссылаться на Жюль Верна, хотя он и не грешил против истины, описывая убийства аборигенов и вкладывая в уста майора Мак-Наббса (персонажа, вообще-то, положительного) симптоматичную фразу, что это обезьяны. Правдивую картину трагедии мы находим у австралийского историка XX века Алана Мурхеда: *«В Сиднее дикие племена были заморены. В Тасмании они были поголовно истреблены... поселенцами... и каторжниками... все они жаждали получить землю, и никто из них не собирался*

позволить чёрным препятствовать этому»^[51].

На острове Тасмания с началом колонизации в 1804 году действительно развернулась вакханалия убийств, сексуального насилия и обращения в рабство местных, не исключая детей. Впрочем, злодеяния совершались не только из-за земли или даже расовой ненависти, но и просто для удовольствия белого человека. Читая свидетельства о колониальных буднях, мы часто встречаем слова «охота» и «спорт» применительно к убийству коренного населения.

«Охота за чёрными была любимым спортом колонистов. Выбирали день и приглашали соседей с их семьями на пикник... после обеда джентльмены брали ружья и собак и в сопровождении 2–3 слуг из ссыльных отправлялись в лес искать чёрных. Охотники возвращались с триумфом, если им удавалось подстрелить женщину или 1–2 мужчин»^[52].

Биогеограф Джаред Даймонд приводит другие

факты кровавого веселья англичан: «Один пастух расстрелял девятнадцать тасманийцев из фальконета, заряженного гвоздями. Четверо других напали на коренных жителей из засады, убили тридцать человек и сбросили их тела с горы, ныне называемой Викторихилл»^[53]. Отчаянные попытки аборигенов защититься, которые в британской традиции принято называть «чёрной войной», жестоко подавляла колониальная армия: «Солдаты сорокового полка загоняли туземцев меж двух каменных глыб, расстреливали всех мужчин, а потом вытаскивали женщин и детей из скальных расселин, чтобы вышибить им мозги»^[54].

В 1828 году губернатор Тасмании просто запретил коренным жителям появляться в той части острова, где уже обжились европейцы. В случае нарушения запрета солдатам было разрешено убивать аборигенов на месте. Зато сами белые зачастили на территорию тасманийцев, так как их похищение и продажа в рабство, так называемый «отлов чёрных»,

стали прибыльным бизнесом: за взрослого давали пять долларов, за ребёнка – два. В результате к 1830 году из пяти-шести тысяч аборигенов на всём острове оставалось всего лишь двести – их в итоге принудительно вывезли за тридцать миль от Тасмании на остров Флиндерс. Итог тасманийской трагедии цинично, но точно подвёл историк и журналист Джон Хэммонд: «**Тасманийцы были бесполезны и все умерли**»[\[55\]](#).

В Австралии белое население восприняло опыт соседей с энтузиазмом. Как рассказывает Даймонд, «австралийское правительство, по образцу карательных отрядов тасманийского правительства, создало подразделение конной полиции, так называемых “полицейских для дикарей”; это подразделение выполняло приказ “найти и уничтожить”: аборигенов либо убивали, либо сгоняли с обжитых территорий. Чаще всего полицейские окружали стоянку аборигенов ночью, а на заре нападали и расстреливали всех. Белые поселенцы также широко

применяли для уничтожения аборигенов отравленную еду»^[56]. Иллюстрацией к последнему тезису может быть красноречивое хвастовство одного из колонизаторов, который в 1885 году говорил: «Чтобы успокоить ниггеров, им дали нечто потрясающее. Еда наполовину состояла из стрихнина – и никто не избежал своей участи... Владелец Лонг-Лэгун при помощи этой хитрости уничтожил более сотни чёрных»^[57]. *«Чёрная кровь на руках “добропорядочных” колонистов Нового Южного Уэльса, и всех вод новой Голландии будет недостаточно, чтобы смыть эти позорные пятна»*^[58], – написал политик и писатель-гуманист Джон Данмор Лэнг об активности соотечественников.

Вполне уважаемые люди открыто заявляли о необходимости полностью избавиться от аборигенов, чтобы они не мешали. Австралийский политик-лейборист из Квинсленда Винсент Лесина в 1901 году публично высказался так: «Ниггер должен

исчезнуть с пути развития белого человека» – так «гласит закон эволюции»^[59]. Ему вторил британский писатель Энтони Троллоп: «Что касается чёрных жителей Австралии, мы определённо можем сказать, что они должны исчезнуть. Сделать так, чтобы их уход не сопровождался излишними страданиями, – вот что должно стать целью всех, кто занят решением этого вопроса»^[60]. В логике геноцида Троллоп, пожалуй, был даже гуманистом. Англосаксонские расисты ни о каком облегчении страданий для своих жертв не думали. В конце XIX века распространённым развлечением для белых была не просто «людская охота», но и загон семей аборигенов в пасть к крокодилам^[61]. Последнее массовое убийство мирного племени, которое подтверждается документами, было совершено отрядом полицейских в 1928 году: жителей захватили, сковали и убили выстрелами в затылок^[62]. До прихода нацистов к власти оставалось пять

лет. И к тому времени Гитлер уже сделал известный комплимент англичанам, одобрительно сказав, что в деле колонизации они совершили неслыханное^[63].

Покорение Австралии и Новой Зеландии было весьма ярким примером успешного завоевания Lebensraum англосаксонской расой. Эти события, очевидно, не могли не привлечь внимания фюрера. Как размышлял Саркисянц, «Гитлер собирался истребить местное население “своей Индии”, своего пространства на Востоке, ради заселения немцами. Таким образом, его “восточный” империализм был скорее похож на колонизацию англичанами Австралии, чем на британский империализм в Индии... Этот пример был настолько впечатляющим, что, пожалуй, именно он... мог послужить прецедентом для освоения Гитлером... “пространств на Востоке”, послужить моделью для германизации земель – после геноцида и низведения оставшихся жителей до статуса “недочеловеков”»^[64].

Америка также в течение нескольких веков была ареной повседневного геноцида. Первыми его начали спутники Христофора Колумба, едва только ступив на американскую землю. Столкнувшись вдалеке от родины с наивным чужим народом, они молниеносно сбросили тот налёт цивилизованности, который наносили на человека религия, закон и государство в Европе XV века. Вырвавшись за рамки своего мира, конкистадоры охотно шли не только на варварский грабёж, который, по крайней мере, совершался по рациональным мотивам, но и на патологические истязания индейцев исключительно ради забавы. Туземцев убивали с тем же животным упоением, с каким в суеверной Европе жгли по праздникам кошек.

«Они разрубали их пополам и бились об заклад, кто одним махом снесёт индейцу голову с плеч, жгли их живьём и творили другие небывалые зверства. Среди прочего рассказал отец Монтесино, что однажды испанцы проводили время в таких забавах на

берегу какой-то реки, и один из них схватил младенца, годовалого либо двух лет, и перебросил через плечо в реку, но тот не сразу пошёл ко дну, а некоторое время держался на поверхности, и тогда этот испанец оборачивается и говорит: “Ещё барахтаешься, такой-сякой, барахтаешься?”»^[65].

Описанное происходило на карибском острове Гаити, где ныне расположены сразу два государства – Доминиканская Республика и Республика Гаити. На всех мировых картах он называется Эспаньола, то есть «испанский», как окрестил его в 1492 году Колумб. В СССР колонизаторскому названию предпочли исконное индейское Гаити, что означает «гористый», которое, по традиции, сохраняется и в современной российской географии. Историки спорят, каково было население острова к прибытию Колумба: цифры колеблются от нескольких сотен до трёх миллионов. Как бы там ни было, но сокращение населения Гаити в любом случае

оказалось катастрофическим: уже спустя двадцать лет на Эспаньоле жили всего 16 000 индейцев^[66]. Остальные были истреблены колонизаторами, умерли от занесённых ими болезней или бежали (впрочем, недалеко и ненадолго); вскоре для работы на золотых рудниках и плантациях испанцам пришлось завозить чернокожих африканских рабов.

То же самое, как рассказывает «История Индий» Бартоломе де Лас Касаса, происходило на Кубе, когда там высадились колонизаторы во главе с Диего Веласкесом, будущим шефом и соперником Эрнана Кортеса в деле покорения Мексики.

«Тут случилось то, что случается всегда и постоянно, а именно испанцы отправились по лесам охотиться за несчастными, “поразмяться”, как они это называют; сие словечко весьма распространено и в большом ходу и в почете; и стоило им наткнуться на кучку индейцев, они бросались на них и убивали мечами и кинжалами всех, кто попадёт под руку, — мужчин, и женщин, и

детей, а прочих связывали и приводили к Дьего Веласкесу и по его слову делили их между собой, столько-то одному, столько-то другому, и хотя индейцы не считались рабами, но должны были служить своим господам пожизненно, и приходилось им ещё тяжелее, чем рабам»^[67].

В скором времени, однако, в испанских колониях геноцид пошёл на убыль. Это было связано с вмешательством испанского государства, католической церкви и общей сменой модели колонизации с очищения жизненного пространства на извлечение ресурсов. Между тем в английской части Америки повседневный геноцид развивался скачкообразно, то затихая, то обостряясь по мере продвижения колонистов вглубь материка. Так, после войны поселенцев с пекотами (1636–1638) один британский священник писал, что «охота на краснокожих стала весьма популярным видом спорта в новой Англии, особенно если за них давали хорошие деньги, а выслеживание не

предвещало чрезмерной опасности»^[68]. Эта тенденция проявлялась и в XVII, и в XVIII веке, но пик её пришёлся на век XIX, когда Соединённые Штаты начали планомерное расширение на Запад.

Красноречивые примеры повседневного геноцида даёт нам автор классической работы «Ружья, микробы и сталь» Джаред Даймонд, рассуждая об истреблении индейцев Калифорнии:

«Многие из этих племён были выбиты или согнаны с земли вскоре после начала калифорнийской золотой лихорадки 1848–1852 гг., когда штат заполнили иммигранты со всего мира. Взять только один пример – северокалифорнийское племя яхи численностью около 2 тысяч человек, из которых никто не владел огнестрельным оружием. Племя перестало существовать всего лишь после четырёх рейдов вооружённых белых поселенцев: утреннего набега на деревню яхи 6 августа 1865 г., в котором принимало участие 17 человек;

нападения на яхи, попавших в засаду на дне оврага, в 1866 г.; расправы над 33 индейцами, перед этим загнанными в пещеру, около 1867 г. и учинённой 4 ковбоями окончательной расправы над 30 яхи, которые снова были вынуждены укрыться в пещере, около 1868 г.»^[69]. Даймонд справедливо замечает, что эти действия не требовали специальных войсковых операций и, как правило, совершались частным порядком.

Другая трагедия индейцев Калифорнии – так называемая Война Мендосино, которая на самом деле была не войной, а резнёй. В конце 1850-х годов в округе Мендосино располагалась резервация, населённая по большей части индейцами племени юки. Поблизости, в Лонг-Велли, находился городок переселенцев, а в местечке Раунд-Велли, тоже неподалеку, стоял 6-й пехотный полк армии США: 23 человека под командованием лейтенанта Эдварда Диллона и майора Эдварда Джонсона.

23 марта 1859 года Диллон записал в

дневник, что местные жители «две недели рыскали по окрестностям в поисках индейцев... и, как сейчас сообщается, убили 240 человек»^[70]. Причиной послужило похищение скота у фермера Х.Л. Холла: кто это сделал – неизвестно, но априори предполагалось, что это юки. Совершив во главе группы поселенцев две сотни убийств без разбора, Холл явился к Диллону и спросил, что он об этом думает. Лейтенант ответил, что не испытывает ни малейшей симпатии к их делишкам и ничуть не удивится, если в ответ индейцы убьют каждого белого в Лонг-Велли. На это фермер заявил, что жители собираются организовать и уничтожить вообще всех индейцев в округе. Лично он, Холл, не видит ни одной причины, почему это не может быть сделано.

Военных такие планы откровенно встревожили. Они боялись, что кровавые экспедиции Холла развяжут крупный конфликт, для которого, казалось бы, не было никаких оснований. 1 мая 1859 года майор

Джонсон отправил губернатору Калифорнии Уэллеру доклад с предостережениями:

«Ни когда-либо за последние два года, ни теперь индейцы юки не начинали открытой войны с белыми. Но белые ведут непримиримую войну на уничтожение, не делая различия между невинными и виновными»^[71].

Джонсон развеивал насаждавшиеся Холлом мифы, будто «дикари» расправились с двадцатью мирными поселенцами. На самом деле, писал майор, за последнее время было убито всего двое белых, и они «вполне заслужили эту участь». В дневнике Диллона 23 марта 1859 года упоминаются изнасилование индианки в резервации и расправа с одним юки за то, что он «выглядел как бандит». Не исключено, Джонсон имел в виду нечто подобное. Резюме его доклада звучало однозначно: «В защите нуждаются индейцы, а не белые».

Тем не менее усилия майора пропали даром. Поселенцы организовали отряд

рейнджеров, который вскоре получил от Уэллера официальный статус и приступил к тотальной зачистке. Операцию возглавил известный в округе ненавистник индейцев Уолтер Джербо. Расправы следовали одна ужасней другой, слухи об этом достигли даже губернатора: Уэллер адресовал Джербо послания с просьбой уничтожать лишь дикарей и не трогать миролюбивых индейцев, а также щадить женщин и детей. Джербо туманно отвечал, что это не так просто – разобраться, кто тут дружелюбен, а кто нет. Холл же в кругу поселенцев прямо говорил, что детей жалеть нечего: «Гнида делает вошь».

Единственным местом, где индейцы могли укрыться, оказался военный лагерь. Очевидец воспроизводит отчаяние одного юки, который, прибежав в полк, кричал солдатам: «Вы призывали нас уйти в резервацию, где нас не побеспокоят, и что теперь?! Наши мужчины, женщины и дети мертвы». Военные отчёты полны сочувствия юки, но стоит признать: оно проявилось лишь

в том, что пехотинцы отказали рейнджерам в совместных рейдах. Полномочий помешать им военные не получили, а действовать на свой страх и риск не решились. Всё это привело к тому, что, по словам Диллона, край, некогда кишевший индейцами, буквально обезлюдел. За 1850–1860-е годы из четырнадцати тысяч юки осталось всего [шестьсот](#)^[72].

Другой пример – резня вийотов на Индиан-Айленд в Калифорнии 26 февраля 1860 года, которую учинили расисты из старательского посёлка Эврика. Подкравшись к индейскому поселению, злодеи зарубили топорами более шестидесяти спящих человек, в основном женщин и детей. Эти события впоследствии получили широкую известность, так как оказались связаны с выдающимся американским писателем Бретом Гартом. Гарт, тогда помощник редактора газеты «Северный Калифорниец», уже 29 февраля написал обличительную статью о расправе... и вынужден был бежать из города, потому что местные жители собрались линчевать

«молодого негодяя»^[73].

Исследователь и правозащитница конца XIX века Хелен Хант Джексон собрала немало свидетельств произвола в отношении индейского населения. Так, она приводит случай у реки Огден, когда группа американских трапперов (охотников на пушных зверей) совершила нападение на лагерь индейцев шошонов, которые им просто не понравились. В результате атаки 25 шошонов были убиты, остальные *«даже не защищались, но бежали в ужасе; и при этом, исходя из свидетельств хвастливых убийц, у индейцев не было оружия. Судя по всему, в крови этих трапперов проснулась дикая жажда расправы, и они учинили ужасное. Они преследовали индейцев, ловили их арканом как скотину и тащили за собой, пока те не умирали»*^[74].

В один из февральских дней 1854 года на территории Орегона шахтёры вступили в перепалку с индейским вождем, дело дошло до взаимных оскорблений. На следующее утро

белые напали на спящий индейский посёлок, убили 16 человек и сожгли все вигвамы. Расследование Бюро по делам индейцев показало, что у индейцев было всего пять ружей, включая два сломанных, и не более пяти патронов, так что они никак не могли угрожать хорошо вооружённым поселенцам. Помощник местного агента Ф.М. Смита писал своему руководству: *«Я расцениваю убийство тех индейцев как один из наиболее ужасных актов насилия, когда-либо совершённых цивилизованными людьми. Но что может быть сделано? Лидеры карательного отряда не могут быть арестованы, хотя правосудие вопиет об их наказании. Здесь у нас нет даже мирового судьи; что касается военных, размещённых в форте Орфорд, то там их всего лишь четверо. Если такие убийственные нападения будут продолжаться, индейским войнам в Орегоне не будет конца»*^[75]. Итак, убийцы остались безнаказанными, как и в сотнях подобных случаев.

В декабре 1863 года было

задокументировано массовое убийство индейцев понка в Небраске. Солдаты американской армии совершили нападение на небольшую группу, которая возвращалась домой из соседнего селения. Жертвы пытались спрятаться, но их выдала собака – как рассказал выживший индейский ребёнок. Услышав лай, *«солдаты спешились и методично, одного за другим, убили беспомощно жавшихся друг к другу трёх женщин и маленькую девочку... Одной из убитых, матери этого мальчика, трижды выстрелили в голову, перерезали горло и почти отрубили голову ударом сабли; с тела другой, самой молодой женщины, сорвали юбку и всю другую одежду, оставив её голой!»*^[76] Вялое расследование этих событий ни к чему не привело.

Гораздо более известной расправой над мирным населением с участием американской армии стала так называемая бойня на Сэнд-Крик. В конце 1850-х годов в Скалистых горах было найдено золото – и туда ринулись толпы

авантюристов. Путь к драгоценному металлу лежал через крупную резервацию, поэтому губернатор Колорадо Эванс, поддержанный федеральными властями, начал принуждать индейцев к переселению. В 1861 году часть племён уступила требованиям белых: территория резервации при этом сокращалась в 13 раз. Однако воины-псы (одно из семи шайенских племен) отказали Эвансу и его эмиссарам. Между поселенцами и коренным населением всё чаще происходили стычки, спровоцированные обеими сторонами. Всё больше и больше белых склонялись к тому, что «дикари» обязаны подчиняться и переговоры с ними излишни: если они не хотят покоряться, их стоит просто истребить. Осенью 1864 года священник Уильям Кроуфорд свидетельствовал, что в Колорадо **«существуют только одни настроения в отношении окончательного решения (!), которое должно быть принято по поводу индейцев: пусть они будут уничтожены все — мужчины, женщины и дети»**^[77]. В

колорадское законодательное собрание внесли законопроект об истреблении всех **скунсов и индейцев**^[78] – и американская армия вместе с местными рейнджерами отправилась зачищать территорию от непокорных краснокожих. Признаком нарождающейся войны стало немотивированное убийство Звезды и Худого Медведя – двух вождей, пришедших на мирные переговоры в американский лагерь у Смоки-Хилл.

Одно из военных соединений возглавил участник Гражданской войны полковник Джон Мильтон Чивингтон. Убеждённый расист своё кредо сформулировал так:

«К чёрту всех, кто любит индейцев!.. Я пришёл уничтожать индейцев и верю, что под небом нашего Господа для их уничтожения хороши и достойны все средства... Убивайте и скальпируйте всех, больших и маленьких; гниды станут вшами»^[79].

Его солдаты, два кавалерийских полка и волонтёры – всего человек семьсот –

несколько месяцев гонялись за индейцами по прериям, но так и не смогли никого поймать. 28 ноября 1864 года они наткнулись на поселение шайеннов и арапахо, которые подчинились требованиям Эванса. Над посёлком развевался флаг США – символ миролюбивых настроений индейцев. Чивингтона, однако, это не волновало: встав наутро, после хорошей вечерней попойки, он отдал приказ атаковать посёлок и уничтожить всех его жителей. Капитан Силас Соул отказался посылать свой 1-й кавалерийский полк выполнять это безумное распоряжение. Но 3-й кавалерийский полк и добровольцы охотно пошли убивать.

Началась кровавая баня. Людей не просто казнили: их разрубали на куски, ломали им конечности, отрезали груди и половые органы. Трое солдат развлекались стрельбой по трёхлетнему ребенку. Одной индианке вырезали из утробы плод и тут же сняли с него скальп. Семидесятилетнему вождю шайеннов Белой Антилопе нападавшие отрезали

мошонку, чтобы сделать из неё кисет. Когда орда, оставив за собой гору по меньшей мере в 160 трупов, вернулась в Денвер, местная газета написала: *«Всё прошло хорошо. Воины Колорадо вновь стяжали славу, и скальпы, снятые с краснокожих, были театрально показаны публике к её неописуемому восторгу»*^[80].

Однако вскоре шайенны начали мстить, и резня в Сэнд-Крик оказалась началом большой и кровавой индейской войны. Комиссия конгресса США начала расследование бойни и, углубившись в материал, ужаснулась деяниям Чивингтона. Главным свидетелем обвинения выступил Силас Соул, не выполнивший преступный приказ командира. Однако хотя государство и выплатило семьям погибших компенсацию, никого из причастных к кровопролитию не осудили. Чивингтон вышел в отставку и благополучно прожил ещё без малого тридцать лет. В 1887 году в Колорадо его именем назвали город.

Капитана Соула ожидала совсем другая

судьба. 23 апреля 1865 года он был застрелен исподтишка во время боевого дежурства. Друзья офицера не сомневались, что ему отомстили за честные показания по делу Сэнд-Крик. Но убийца командира 1-го кавалерийского полка так никогда и не предстал перед судом.

Итак, повседневный геноцид индейцев был фактом пограничной жизни на американском Западе. Для того чтобы все эти расправы происходили, необходимо было такое состояние общества, при котором убийство индейца считалось, во-первых, морально оправданным, а во-вторых, не влекло или во всяком случае необязательно влекло за собой наказание. Это состояние общества и обеспечивал англосаксонский расизм. В 1866 году агент по делам индейцев сообщал из Канзаса:

«Канзасская резервация соседствует с общественными землями и в большинстве случаев окружена белыми поселенцами, которые слишком часто действуют по

принципу, что индеец не имеет никаких прав, которые белый обязан уважать. Поэтому индейцы подвергаются разнообразному физическому и психологическому насилию»^[81].

Радикальный расизм пропагандировали талантливые журналисты и писатели. Так, Фрэнк Баум, будущий автор добрейшей сказки «Волшебник из страны Оз», писал в газете Aberdeen Saturday Pioneer ранней зимой 1890 года:

«Белые, согласно закону завоевания и справедливости цивилизации, – господа американского континента, и лучшая защита наших пограничных поселений может быть обеспечена только полным уничтожением немногих оставшихся индейцев. Почему же не уничтожение? Их слава прошла, их дух сломлен, лучше для них умереть, чем влачить жалкое существование негодяев, какими они являются»^[82].

Через четыре дня после публикации этой

статьи, 29 декабря 1890 года, произошла бойня на ручье Вундед-Ни, в которой 7-й кавалерийский полк из-за случайного эксцесса перебил 150 индейцев племени сиу, включая женщин и детей. Но сам эксцесс возник не на пустом месте: солдаты были наэлектризованы антииндейской пропагандой и психологически готовы убивать. После резни Баум в своей колонке бесстрастно отметил, что они поступили совершенно верно: надо было *«стереть этих диких и необузданных существ с лица земли»*^[83].

Исследователь Уильям Секрест, автор книги «Когда Великий Дух умер: уничтожение индейцев Калифорнии в 1850–1870 гг.», приводит замечание своей коллеги Мэри Сандоз, которая как-то заметила, что *«влияние определённых условий на народ даёт большой процент людей, взирающих на истребление “других” (обладающих к тому же тем, чего нет у них самих) как на уничтожение диких зверей. Не только нацисты или члены Ку-клукс-клана творили такое. Подтолкнуть к*

этому можно каждого, если действовать достаточно убедительно»^[84].

По мнению Секреста, «калифорнийцы 1950-х находились под влиянием. Это было влияние губернаторов, которые твердили о неизбежной войне на уничтожение; под влиянием чиновников, которые называли индейцев грязными дикарями; под влиянием прессы, которая пускала утки и постоянно делала замечания о краснокожих вырожденцах... Главным словечком эпохи было “уничтожение”. Оно уже использовалось давно и часто. Оно было подхвачено газетами, оно звучало в военных отчётах, письмах, правительственных документах и журналах того времени. Это слово подготовило почву для резни»^[85]. События того времени показывают, что замечания историка справедливы не только для Калифорнии, но и для всей пограничной территории, где поселенцы соприкасались с индейцами.

Секрест, изучивший много документов

эпохи, убедительно доказал, что оборот «война на уничтожение» как идиома, обозначающая завоевание жизненного пространства в борьбе с низшей расой, сложился именно во время продвижения на американский Запад. Вот несколько красноречивых цитат.

«Безопасность нам обеспечит только война на уничтожение...» («Сан-Франциско Дейли», май 1850-го).

«Война на уничтожение продолжится, как и раньше. Так будет, пока индейцы не вымрут» (Губернатор Питер Барнетт – Законодательному собранию, 1851).

«Вина за несколько грабежей, как всегда, была возложена на индейцев. Это следствие войны на уничтожение» (Агент по делам индейцев Реддик Макки – губернатору, 1852).

«Группа людей наткнулась на поселение и... убила 140 индейцев. Такова их судьба – быть уничтоженными» (Из письма вевервилльского торговца домой, 1852).

«Северные поселенцы придут к своим

диким врагам с суровой и беспощадной войной на уничтожение» («Мэррисвил геральд», октябрь 1855-го)^[86].

В следующий раз этот зловещий оборот будет извлечён из анналов истории 30 марта 1941 года – на совещании, которое большой поклонник романов о покорении Америки Адольф Гитлер будет проводить с высшими чинами вермахта. Фюрер скажет своим генералам, что будущая война против СССР не будет такой же, как на Западе. Ради будущего рейха на Востоке суровость послужит благом, поэтому там Германия будет вести «войну на уничтожение».

Возражений это не вызовет.

«Таково предначертание судьбы»: экспансионистские доктрины США и нацистская Германия

Колониальный расизм и геноцид на протяжении всей своей истории подпитывались рядом экспансионистских доктрин, которые, без сомнения, оказали влияние на идеологию национал-социализма. Первая такая доктрина начала разрабатываться ещё в католической Испании, однако там она потерпела стратегическое поражение по административным, религиозным и экономическим причинам.

Ранняя испанская колонизация натолкнулась на то, что Гитлер, несомненно, назвал бы «пацифистским хныканьем». В Новый Свет прибыла группа монахов-доминиканцев во главе со святым отцом

Антонио де Монтесиносом. Застав финальный аккорд истребления туземцев на Эспаньоле, набожный фриар пришёл в ужас. Узнав, что у местных жителей были государственная система и довольно развитое хозяйство, убедившись, что они мыслят, чувствуют и даже осведомлены о всемирном потопе, монах понял, что имеет дело с самыми обычными людьми. И это было катастрофично – с точки зрения умудрённого ученого-богослова. Монтесинос осознал, что злодеяния конкистадоров против **людей** повлекут кару Всевышнего, которая обрушится не только на них, но и на католических величеств, чьей волей они оказались в этих отдалённых землях^[87]. Спасая государей, верноподданный отец Антонио нежданно сотряс основы маленького карибского ада обличительными проповедями и призывом щадить индейцев.

Само собой разумеется, что этим фриар вызвал гнев молодой колониальной «мафии», которая очень комфортно чувствовала себя при номинальном контроле метрополии. Не

решившись поднять руку на священника, наместник Новой Испании Диего Колумб (сын) отправил монарху образцовый донос, в котором представил дело так, будто Монтесинос возмущает народ против короны и вообще не признает подчинение «Индий» их величествам. Однако настырный священник сумел вернуться в Европу и хитростью попасть на аудиенцию к слабеющему Фердинанду II. Судя по всему, король на самом деле пребывал в неведении относительно кровавых забав на Эспаньоле и был впечатлён картиной изощрённого колониального садизма, которую нарисовал отец Антонио. Фердинанд немедленно откликнулся на горячую исповедь монаха и повелел создать комиссию, заседая в которой Монтесинос буквально продавил законы, получившие название Бургосских (по названию кастильского города Бургос, где они были приняты). Эти акты признали право индейцев на человеческое обращение с ними – было запрещено бить туземцев плетью и палкой,

обзывать «собаками» и прочей бранью. Эти же законы оформили систему «энкомьенда» (то есть защита), которая изначально задумывалась как программа приобщения туземцев к христианской культуре. Однако достижения Монтесиноса были только первым шагом в вековой борьбе с отвратительным расизмом: на местах законы почти не исполнялись, а энкомьенда скоро выродилась в примитивное крепостное право, просуществовавшее вплоть до XVIII века. Энкомендеро, то есть завоеватели, присваивали себе столько земли, сколько могли контролировать, и под предлогом «заботы» нещадно эксплуатировали живущее на ней население. Тем не менее вопрос о человеческой сути туземцев Америки был поставлен открыто и отчётливо, и уже в 1537 году, то есть через двадцать лет после Бургосских законов, папа Павел III издал буллу *Sublimus Dei*, которая признала наличие у индейцев души^[88].

Таким образом, Монтесинос сумел подать

благой пример, вскоре подхваченный его собратом по ордену доминиканцев Бартоломе де Лас Касасом. Этот энергичный монах – участник второй экспедиции Колумба и свидетель проповедей отца Антонио на Эспаньоле – не только пытался облегчить положение индейцев в колониях, но и много говорил о них в Мадриде, приобретя некоторое влияние на Карла I, воцарившегося внука Фердинанда. Карл и его окружение скоро поняли, что вольница конкистадоров противоречит интересам короны, и решили поставить колониальные дела под контроль. Тут гуманизм Лас Касаса оказался кстати – как инструмент наступления короля на новоявленных «индейских» баронов. В 1542 году при участии доминиканца были введены так называемые Новые законы, по которым индейцы получали личную свободу. Карл таким образом пытался официально отменить энкомьенду, провозгласив, что коренные жители Америки являются вассалами короля, а не конкистадоров. Впоследствии, однако, эту

часть закона пришлось пересмотреть, поскольку распоясавшиеся идалго в Новом Свете саботировали указ государя. Дело запахло бунтом, сил усмирять который у Карла не было даже на пике его могущества. В последующие века более слабые короли Испании законодательно лишь потакали аппетитам энкомендеро. Первоначально право «попечения», то есть эксплуатации некой части земли и населения на ней, официально осуществлялось только до смерти конкистадора и не могло быть передано по наследству. Но фактически оно стало наследным, и корона раз за разом бессильно подтверждала распространение энкомьенды сначала на две жизни, потом на три и, наконец, в 1704 году – на четыре, то есть до правнуков.

Лас Касас, однако, не отступился от своих взглядов. В 1550–1551 годах он выступил защитником индейцев на публичном богословском диспуте, известном в истории как «вальядолидское собрание». Спор был

призван определить, как с богословских позиций следует правильно вести конкисту (завоевание Америки). Сторонники рабства выставили против Лас Касаса священника Хуана Хинеса де Сепульведу, опытного мастера казуистики, который в целом не подвел своих «болельщиков». Дело не в том, что он победил: судьи так и не смогли отдать предпочтение той или иной стороне. Однако Сепульведа впервые мастерски сформулировал систему аргументов, оправдывающих порабощение других народов, и система эта надолго пережила создателя, впоследствии была востребована многими агрессорами, включая Гитлера, и не забыта по сей день. Основные положения её таковы.

Люди рождены неравными. Одни созданы, чтобы повелевать, другие – чтобы служить господам. В этом аргументе Сепульведа сослался на Аристотеля. (Лас Касас остроумно ответил ему: «Зачем нам Аристотель, если у нас есть Христос?»)

Покоряемый народ не способен сам без

внешней помощи организовать у себя порядок. Индейцы не могут сами управлять собой, поэтому испанцам сам Бог велел взять эту миссию на себя.

Покоряющие выполняют при этом освободительную миссию. Одни индейцы жестоко угнетают других, в частности приносят в жертву своим языческим богам, и благородные конкистадоры, испытывая сочувствие к угнетённым, должны освободить их.

Культура покоряемого народа примитивна. То, что можно принять за шедевры их творческой мысли, например большие благоустроенные города, самобытная архитектура и скульптура, – это результат инстинкта. Индейцы строили всё это не как люди, но как муравьи или пчелы.

Индейцы греховны и отвратительны даже внешне. Застрельщиком этого тезиса выступил ещё Колумб, сообщивший в своём судовом журнале, что «на большом расстоянии

отсюда есть мужчины с одним глазом, и есть другие, с собачьими мордами, которые едят людей». Здесь обозначены и явные признаки физического уродства, и намёк на каннибализм: именно первооткрывателю Америки мы обязаны самим словом «каннибалы», которое является не чем иным, как искажённым словом «карибы», то есть названием одного из племён Карибских островов. Сам Колумб никаких людоедов не видел и в конце концов пришёл к выводу, что слухи о них – вымысел. Но в Европе легенда об индейцах как о пожирателях человеческой плоти получила широкое хождение.

Другой слух, который с ужасом пересказывали друг другу добрые испанские католики, сообщал, что индейцы постоянно и без стеснения предаются греху мужеложства. Пропагандистом этой легенды был этнограф-конкистадор Гонсало Фернандес де Овьеда-и-Вальдес, которого Лас Касас клеймил грабителем, убийцей и лгуном: «Ни один человек из тех, кто знал этих индейцев и

общался с ними, не обвинял их в подобном грехе; и только Овьедо, который осмелился писать о том, чего не знал и не ведал, и о людях, которых отроду не видывал, ложно приписал им этот гнусный порок, сказав, что все они – содомиты»^[89].

Несложно заметить, что все пять аргументов Сепульведы спустя 400 лет были использованы Гитлером. Неравенство людей обусловила нацистская расовая теория. О невозможности низшей расы славян построить крепкое государство фюрер громко заявил в «Майн Кампф». Концепция «Гитлер – освободитель от большевизма» настойчиво звучала в пропагандистских материалах Геббельса. Ничтожную ценность культурных творений на Востоке провозгласил приказ фельдмаршала Рейхенау^[90]. Наконец, «познавательные агитационные брошюры» рассказали жителям рейха, что люди советской России не соблюдают элементарные правила гигиены и предаются беспорядочным половым связям. Но, как и во времена

конкистадоров, всё это было только ширмой.

Между тем под влиянием буллы папы римского и законов испанской короны истребление коренного населения в колониях Мадрида постепенно прекращалось. Аборигены работали согласно правилам энкомьенды, галеоны исправно везли в Европу колониальные богатства, католические миссионеры обращали индейцев в христианство, не гнушаясь даже диспутов с языческими жрецами. Главное же, одинокие конкистадоры охотно женились на индианках, что неизбежно влекло за собой синтез культур и появление огромного числа метисов – так был запущен этногенез современных мексиканцев, парагвайцев, венесуэльцев и других народов Латинской Америки. Однако в Америке Северной всё складывалось иначе.

В ноябре 1620 года британский корабль «Мэйфлауэр» доставил на побережье Виргинии первую группу переселенцев из Англии. Все они были пуританами (от слова *rigus* – чистый), то есть протестантами

кальвинистского толка, бежавшими от европейских религиозных войн и греховности Старого мира. В Новом Свете они собирались создать другой мир – сообразно канонам своей, истинной, как они считали, веры.

Кальвинизм внёс в христианство идею *предопределения*, суть которой состояла в том, что Бог предвечно уже предназначил каждого человека либо к спасению, либо к вечной гибели. Эта ветвь реформаторства разделила людей на изначально *избранных и отверженных*. «Хотя и говорят, – писали кальвинисты, – что Бог послал сына своего для того, чтобы искупить грехи рода человеческого, но не такова была его цель: он хотел спасти от гибели лишь немногих. И я говорю вам, что Бог умер лишь для спасения избранных»^[91]. Изменить или исправить свою судьбу, согласно кальвинизму, было нельзя. В событиях жизни можно было лишь искать знаки того, что уготовил Всевышний.

Учение об *избранности к спасению* (термин Макса Вебера^[92]) самым роковым

образом сказалось на отношениях английских колонистов с индейцами. Переплыв океан, пуритане вскоре стали свидетелями страшных эпидемий оспы, которую они сами же и принесли в Новый Свет. Индейцы Массачусетса умирали сотнями у них на глазах, отчего «ранние колонисты назвали эти земли “новообретённой Голгофой”. Но эта Голгофа радовала пуритан – не только потому, что занесённые болезни не угрожали их жизням, но и потому, что покрытые язвами тела индейцев выглядели однозначным признаком божественного одобрения их колониальных усилий»^[93]. Поскольку пилигримы считали себя вторым богоизбранным народом, пришедшим в неизведанные земли строить «сияющий град на холме», они часто искали в Ветхом Завете параллели с происходящим. Америка под пером ряда пуританских богословов представляла Ханаанской землёй, которую Бог обещал дать в наследство своему народу. Как говорится в книге Исход, «Господь позволил

Израильтянам войти и завладеть Ханааном, истребив народы, прежде обитавшие там, по причине беззакония и греховности этих народов»^[94].

На греховность индейцев явно указывало то, что пуританское миссионерство, за которым не стояли мощь и богатство Ватикана, оказалось менее успешно, чем католическое. С другой стороны, и сами пуритане не проявляли должного усердия в христианизации: они полагали, что раз население Америки сразу не отзывается на слова Священного Писания, то такова воля Бога, отвергающего этих существ.

Образ жизни и обычаи индейцев поселенцы также не понимали, вопрос об их принадлежности к человечеству вызывал споры. Кто-то допускал, что жители Америки – потомки Ноя, которые выродились в дикарей. Иные полагали, что это вообще создания сатаны. Среди части пилигримов зрела уверенность, что местное население должно быть окончательно уничтожено – так

же как ветхозаветные ханааняне. И хотя другие не разделяли этих взглядов, но отношения с индейцами, поначалу вроде бы добрососедские, постепенно пропитывались отчуждением и антагонизмом. Как писал крупный философ XX века Леопольд Сеа, *«пуританский коммерческий проект, относящийся к XVII в., как раз и не предусматривал включения какого бы то ни было племени или народа в создаваемое общество. Это общество не включало, а исключало. Оно было обществом индивидов среди индивидов, каждый из которых преследовал свои собственные интересы. В нём не было места индейцам с их отсталостью и естественным неприятием чуждых и непонятных им обычаев и законов... Эти люди не признавали своим того, кто не сумел доказать свою способность быть частью создаваемого ими общества. Новый Иерусалим открывал врата только для званых»*^[95].

Такая аттестация переселенцев,

разумеется, не значит, что индейцы всегда были мирными, никогда не совершали набегов на колонистов или, скажем, не практиковали жестоких пыток. Всё это было. Но трагическую судьбу коренного населения Северной Америки определила именно базовая пуританская установка – отказ от вовлечения аборигенов в свой круг в сочетании с постоянной территориальной экспансией. В *этой* логике индейцы были просто лишними. В междоусобных войнах с другими европейцами, вроде Семилетней, их использовали как инструмент, как пушечное мясо, но никогда как полноправных союзников. Войны с самими индейцами превращались в войны на уничтожение. Так, исход первой индейской войны – с пекотами (1636–1638) – решила так называемая резня в Мистик, когда ополчение колонистов во главе с Джоном Мейсоном просто сожгло крупнейшую пекотскую деревянную крепость, где в тот момент вообще не было зрелых мужчин – только около семисот стариков,

женщин и детей. Пытающихся выбежать из-за горящего частокола убивали на месте или швыряли назад в огонь. Жестокость этой расправы потрясла наррангасеттов и мохеган, которые шли на пекотов с белыми. Мейсон признавал: *«Все наши индейцы, кроме Ункаса (вождя мохеган), покинули нас»*^[96]. Но сам он не видел в произошедшем чего-то страшного: *«Нападение на пекотов было Божьим актом, Который смеялся над Своими врагами и врагами Своего народа, с презрением отправив их в геенну огненную. И сделался Господь судьей над язычниками, заполняя Мистик трупами... Пусть вся Земля будет наполнена Его славой! Таким образом, Господу угодно было поразить наших врагов и дать нам их землю в наследство»*^[97]. Другой писатель-пуританин несколько раз с чувством повторял, что таким образом *«Господь наш Иисус заставил их (индейцев) склониться перед Ним и лизать прах»*^[98]. После следующей индейской войны, так называемой

войны короля Филиппа, в Новой Англии, на территории пяти современных штатов северо-востока США, индейцев почти не осталось.

В течение следующего столетия идея богоизбранности американских пуритан развивалась и шлифовалась в связи с их успехами. По словам Арнольда Тойнби, «в XVIII в. противоборство между народами Западной Европы за главенство в заокеанском мире закончилось полной победой протестантов, говоривших на английском языке... Это было большим несчастьем для человечества, ибо протестантский темперамент, установки и поведение относительно других рас, как и во многих других жизненных вопросах, в основном вдохновляются Ветхим Заветом; а в вопросе о расе изречения древнего сирийского пророка весьма прозрачны и крайне дики»^[99]. В XIX веке эти установки эволюционировали в две философско-политические доктрины Соединённых Штатов Америки, которые не утратили своего влияния по сей день.

В первую очередь это доктрина явного предназначения (Manifest Destiny), которая окончательно оформилась к середине 1840-х годов для обслуживания планов расширения американской территории.

В это время американское общество было охвачено эйфорией после череды крупных успехов – завоевания независимости, выгодной покупки Луизианы у Франции и аннексии Флориды. Публицисты всех мастей призывали правительство не останавливаться на достигнутом: Соединённым Штатам, формулировали они, свыше предназначено распространиться на весь континент, так как американская цивилизация превосходит прочие. Она исключительна, ибо впервые в истории защищает права и свободы человека. Под влиянием этой концепции в 1845 году США осуществили захват Техаса, а позже разгромили мексиканцев и приобрели земли современных штатов Калифорния, Нью-Мексико, Аризона, Невада и Юта. В те годы влиятельный журналист и редактор Джейсон

Гордон Беннет провозглашал:

«По нашему твёрдому убеждению, рано или поздно не только Техас, но и Мексика, Канада и Орегон будут поглощены могущественной Североамериканской республикой. Таково предначертание судьбы»^[100].

В высшей степени характерно, что «предначертание судьбы» по-прежнему было тесно связано с пуританским расизмом. Как сообщает современная исследовательница, «большинство экспансионистски настроенных газет пропагандировали теорию расового превосходства англосаксов, были исполнены презрения к мексиканскому народу, который, согласно “Illinois State Register”, был “не намного выше уровня негра»^[101]. В официальном сообщении Конгресса по иностранным делам мексиканцев называли «полуварварским народом»^[102]. Газета Nashville Union объясняла аннексию Калифорнии тем, что «мексиканцы не

доросли до демократии»^[103]. Democratic Review заявляла, что «процесс изгнания индейцев или уничтожения их как расы должен быть проведён и на юге» в отношении мексиканцев^[104]. Сенатор Джордж Макдаффи из Южной Каролины вообще не представлял себе другого исхода войны, как только «перебить всех мексиканцев»^[105]. Другой сенатор, Джон Кэлхаун, говорил: «Больше половины мексиканцев – индейцы по крови и не лучше чироков»^[106].

Мы ничуть не удивимся, когда найдём вариацию «явного предначертания» в гитлеровской «Майн Кампф». Именно сама судьба, утверждал Гитлер в 1923 году, предназначила Германии захватить территории России, населённые низшей расой. Он узрел этот знак провидения в том, что власть в бывших владениях царя захватили кровавые жидобольшевики, которые не смогут удерживать её долго.

«Мы хотим приостановить вечное

германское стремление на юг и на запад Европы и определённо указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвём с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе.

Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены.

Сама судьба указывает нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось её государственное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства»[\[107\]](#).

Ещё более явно просматривается связь нацистских идеологических концептов с американской доктриной открытия. Именно она узаконила **господство над территориями,**

которые населяли народы, менее развитые в технологическом смысле, чем завоеватели.

Первым юридическим фундаментом доктрины стала *Romanus Pontifex* – булла папы Николая V, который в 1452 году разрешил христианам захватывать **нехристианские** территории в Западной Африке. В 1493 году положения этой буллы были распространены на земли, открытые Колумбом. Спустя всего двадцать четыре года после появления европейцев в Новом Свете философ-католик, советник английского короля Генриха VIII Томас Мор в своей «Утопии» подбирал аргументы в пользу колониальной политики:

«Утопийцы признают вполне справедливой причиной для войны тот случай, когда какой-либо народ, владея попусту и понапрасну такой территорией, которой не пользуется сам, отказывает всё же в пользовании и обладании ею другим, которые по закону природы должны питаться от неё»^[108].

В XIX веке доктрина открытия была

оформлена и утверждена решениями Верховного суда США. Согласно ей в момент Великих географических открытий заокеанские земли были «**ничейными**», так как на них не жили **цивилизированные христианские** народы. Поэтому ныне они принадлежат тем государствам, которые **открыли их для Европы**: США в данном случае выступали как преемник Великобритании. Из всего этого вытекало, что коренные народы Америки хотя и могут *проживать* на этих землях, но не имеют права *владеть* ими. Таким образом, вашингтонское правительство получило идеологические основания *переместить* аборигенов с их исконных плодородных и, как выяснилось к тому времени, золотоносных территорий в юго-восточных штатах на необжитые просторы за рекой Миссисипи, для чего Конгресс в скором времени принял Закон о переселении индейцев (1830).

Важнейшая деталь: речь шла не о каких-то воинственных дикарях. Переселить нужно

было пять так называемых цивилизованных племён – чироков, чикасо, чокто, маскоков и семинолов, чей образ жизни к тому времени был вполне сопоставим с образом жизни «бледнолицых». Известный чешский этнограф, профессор Карлова университета Милослав Стингл так описывал их достижения:

«Чироки открывают собственные школы, их поля возделываются лучше, чем поля европейских поселенцев. Более того, племя быстро развивается не только экономически, но и в культурном отношении. Из его рядов выходит несколько выдающихся деятелей культуры. В числе их был и создатель чирокского алфавита Секвойя. В результате длительного общения с белыми Секвойя пришёл к выводу, что основой могущества и силы европейской цивилизации является письменность. И этот высокоодарённый индейский просветитель разработал чирокское силлабическое (слоговое) письмо... В 1828 году начала выходить первая чирокско-

английская газета “Чирокский Феникс”, а затем и другие издания, печатавшиеся уже только по-чирокски, – “Чироки мессенджер” (1844), “Чирокский альманах” и т. д.

Чироки первыми среди североамериканских индейцев составили собственную конституцию и заменили старые племенные советы выборным двухпалатным парламентом!»^[109]

Добавим, что чироки приняли христианство. Их правитель, носивший имя Джон Росс, хорошо образованный метис с шотландско-индейскими корнями, в утро депортации возносил молитвы Христу. Между тем американская пресса всё равно настаивала на отчуждённости индейцев от «белой Америки» и категорической невозможности общежития с ними. Президент Эндрю Джексон, главный лоббист Закона о переселении, уверял, что совершается акт величайшего гуманизма, который отвечает интересам индейцев, ведь он сохранит их культуру и обычаи в неприкосновенности.

Обращаясь к аборигенам, хозяин Овального кабинета говорил:

«Друзья мои, обстоятельства не позволяют вам процветать в условиях цивилизованного сообщества. Есть только одно средство, к которому вы можете прибегнуть: это перебраться на Запад. И чем раньше вы это сделаете, тем быстрее вы сможете встать на путь развития и изобилия»[\[110\]](#).

В свете сказанного выше о положении дел на землях чироки слова Джексона выглядят образчиком изошрённого лицемерия.

Особый цинизм ситуации состоял в том, что Закон о переселении не обязывал индейцев уезжать, те, кто хотел, могли остаться. Но реальная политика чиновников, поясняет знаток вопроса Энтони Уоллес, состояла в том, чтобы подтолкнуть к отъезду всеми возможными способами, не брезгуя ничем. В 1838 году, несмотря на несогласие индейцев, выраженное в петиции более чем с 15 000 подписей, и публичное осуждение

этого акта знаменитым поэтом Ральфом Уолдо Эмерсоном, на основании сомнительного документа, который подписала горстка отступников, не имевших на то никаких прав и полномочий, американская армия насильственно изгнала племя на территорию Дикого Запада. Участник высылки, рядовой 2-го полка 2-й бригады горной пехоты Джон Г. Барнетт, так вспоминал те события:

«Беззащитных людей выволакивали из их домов и штыками загоняли на сборные пункты. На моих глазах октябрьским утром под ледяным дождём их как стадо овец погрузили в шестьсот сорок пять фургонов и отправили на запад...

Многие из этих несчастных не имели ни одеял, ни тёплой одежды, ни даже обуви на ногах. Такими их выгнали из домов. Семнадцатого ноября мы попали в бурю с градом и мокрым снегом при минусовой температуре, и до самого окончания нашего путешествия, 26-го марта 1839 г., условия существования индейцев были просто

кошмарными. Им приходилось спать в фургонах или прямо на земле без огня. Дорога в изгнание стала для них дорогой смерти. Я помню, как только в одну ночь двадцать два человека погибло от пневмонии, усталости, унижения. Среди них была и жена вождя Росса, настоящая красавица. Эта благородная женщина отдала своё единственное одеяло больному ребёнку и осталась под дождём на ледяном ветру безо всякой защиты. Через несколько часов она умерла от воспаления лёгких»^[111].

На этом пути чироки потеряли 4000 человек, то есть примерно 20 % или даже четверть своего народа^[112]. «Тропой слёз» проследовали и остальные «цивилизованные» племена. Дольше всего сопротивлялись воинственные семинолы. Их нежелание покидать родной дом привело к войне – индейское сопротивление возглавлял вождь Оцеола, широко известный по роману Томаса Майн Рида. Но в конце концов он был пойман и умер в заточении, а его соратники

уничтожены или загнаны в лесные чащи. Бывшие индейские земли заняли белые переселенцы.

Интересно, что ровно те же концепты звучали и при захвате мексиканских территорий в 1846–1848 годах. Так, к примеру, *Hartford Times* писала, «что война (с мексиканцами) неизбежна, поскольку сами небеса призывают американцев спасти эту землю (Калифорнию) из рук недостойных и передать в руки людей, которые знают, как повиноваться воле небес»^[113].

Таким образом, в ходе освоения Америки колонизаторы выработали важный идеологический инструментарий захвата чужих земель. Суть его сводилась к следующему: **по справедливости** территория должна принадлежать не тому, кто исторически живёт на ней, а тому, кто более «цивилизован» и может распорядиться ею самым эффективным образом. Если же реальность расходится с этой максимой так очевидно, как в случае с чироки, то

необходимо использовать самую назойливую пропаганду, которая выведет обладателей вожделенных земель за рамки цивилизации агрессора, демонизирует и принизит их до уровня диковатых и кровожадных чужаков.

Этот концепт был полностью принят нацистами и развёрнут в ходе нападения на СССР. Его энергично проповедовал министр сельского хозяйства Германии Рихард Дарре, ещё в 1936 году говоривший: «Регион, предназначенный самой природой для поселения немецкого народа, – это область от восточных границ нашего рейха до Урала... Мы поселимся в этом регионе в соответствии с законом, что более способный народ всегда имеет право захватить земли менее способного и владеть ими»^[114].

Абстрактные размышления Томаса Мора, высказанные в XVI веке, были развиты подчинёнными шефа СС Генриха Гиммлера на конкретном русском материале в брошюре «Недочеловек»:

«Бесконечно тянется степь русской территории – это Восточная Европа. Внезапный и резкий контраст, культурная пропасть в сравнении между Центральной Европой и этим огромным пространством. По обе стороны границы одна и та же земля – однако не один и тот же человек... Для самого человека есть возможность наложить свой отпечаток на территориальный ландшафт. В то время как на немецкой стороне упорядоченное изобилие, спланированная гармония полей, хорошо продуманное размещение сёл, по другую сторону зоны непроходимые леса, степные просторы, бесконечные первозданные лесные массивы, через которые пробивают себе путь реки с песчаными отмелями. Плохо обрабатываемая плодородная почва могла бы быть раем, европейской Калифорнией, а в настоящее время – это заброшенная, запущенная на огромных пространствах земля, которая по сей день катится в бездну культурного нигилизма»^[115]. Таким образом,

читатель подводился к мысли, что необходимо передать эту почву «человеку цивилизации».

Наконец, речь Альфреда Розенберга от 20 июня 1941 года также обнаруживает сходство с иезуитским обращением к чирокки президента Джексона, который уверял, что депортация проводится для блага индейцев. За два дня до агрессии министр ещё не захваченных восточных территорий предполагал, что *«возможно, будущая Россия одобрит когда-нибудь это решение [о завоевании немцами её европейской части], конечно, не в ближайшие 30 лет, а лет 100 спустя... Если русские теперь будут изолированы от Запада, тогда они, возможно, вспомнят о своих первоначальных силах и о том пространстве, к которому они принадлежат»*^[116].

Все эти параллели, разумеется, не случайны. По большому счёту история Гитлера – это история немца, который хотел стать англосаксом. Глядя на Британию и США, фюрер видел процветающие империи, которые шли к успеху, не считаясь с издержками.

Старые пуританские приёмы казались основателю нацизма универсальным рецептом для строительства «тысячелетнего рейха». И в этой уверенности Гитлера укрепил его духовный учитель, философ, писатель и германофил Хьюстон Стюарт Чемберлен.

«Раса загнивает из-за смешения кровей»: философия и наука XIX века как источник вдохновения для нацистов

Толчком к появлению псевдонаучных расовых теорий стала Великая французская революция. Европейский расизм конца XVIII века – это болезненная реакция феодальной аристократии на утрату своего положения в обществе. Так, в среде французских роялистов-эмигрантов большую популярность приобрела теория графа де Буленвилье, согласно которой правящий класс Франции составляли потомки германцев, а низшие классы происходили от покорённых ими галлов^[117]. Соответственно, революция 1789 года трактовалась свержнутой знатью как бунт иноплеменных рабов против германской расы. Бежавшие от гнева толпы дворяне искали

поддержки у аристократии других государств, которая, как им тогда казалось, была родственна им не только по духу, но и по крови.

Связь философии такого рода с демократизацией общества хорошо заметна на примере революционных событий в России. Знаменитый русский писатель Иван Бунин писал в 1918 году: *«Сколько лиц бледных, скуластых, с разительно асимметричными чертами среди этих красноармейцев и вообще среди русского простонародья, – сколько их, этих атавистических особей, круто замешенных на монгольском атавизме! Весь, Муром, Чудь белоглазая...»*^[118] Часть правой русской эмиграции, подобно Бунину, видела в крестьянах белоглазую чудь, то есть **чужую** им расу, и точно так же, как некогда французские роялисты, ждала поддержки от родственников ей германцев. Так, бывший депутат Государственной думы Марков Второй, близкий к нацистским кругам, говорил в гитлеровском Берлине:

«Русский есть не только славянин, но славянин с примесью немца; и только при наличии этого сочетания выявляется вся чистота русского характера»^[119].

Это заявление вызвало гневную отповедь Антона Деникина, который понимал, какую роковую роль могут сыграть подобные заявления в судьбе родины. «Итак, – с горькой иронией писал белый генерал в 1938 году, – во имя освобождения России нашествие на неё двенадцати языков и... принудительная расовая примесь немца. Дальше этого, в холопском усердии, идти некуда»^[120]. Нацисты же, наоборот, могли только аплодировать воззрениям Маркова Второго и ему подобных: этот концепт давал им возможность использовать правых эмигрантов в своих целях и одновременно пестовать славянофобию. Впоследствии идея о существовании в толще малоценной русской массы людей с нордической кровью позволит формировать из местных жителей соединения СС – разумеется, с практической целью:

уничтожать их руками «низшие расы».

В случае с французской революцией концепт де Буленвилье вскоре позабылся, так как после поражения Наполеона полной реставрации не произошло. Историки-интеллектуалы обдумывали новые теории, объясняющие крах аристократии времён Людовика XVI. Одну из таких теорий в 1853 году предложил барон Артюр де Гобино в труде под названием «Опыт о неравенстве человеческих рас»^[121]. Как отмечала Ханна Арендт, «он был вынужден объяснять, почему лучшие люди, дворяне, не могли даже надеяться вернуть себе своё прежнее положение. Шаг за шагом он приравнял падение своей касты к падению Франции, потом – западной цивилизации, а затем – и всего человечества. Таким образом, он пришёл к открытию... о том, что падение цивилизаций происходит из-за вырождения расы, а раса загнивает из-за смешения кровей»^[122].

Для нашей темы важно отметить, что

частным случаем такой загнивающей расы Гобино называл славянство. «Славяне, – писал он, – выполняли в Восточной Европе ту же функцию долгого и молчаливого, но неотвратимого влияния, какую в Азии взяли на себя семиты. Подобно последним, они создавали стоячее болото, в котором, после кратковременных побед, тонули всё более развитые этнические группы. Неподвижное как смерть, неумолимое как смерть, это болото поглощало в своей глубокой темноте самые пылкие и благородные принципы, не претерпевая при этом почти никаких изменений и после редких всплесков активности вновь возвращаясь в прежнее состояние спячки»^[123].

По мнению автора, «на Западе славяне могут занимать только подчинённое социальное положение и вряд ли будут играть заметную роль в будущей истории, как не играли её в прошлом, если бы не огромная территория, которую они занимали»^[124].

В нацистской Германии труд Гобино

провозгласят классическим, и немецкие школьники будут знакомиться с ним в рамках школьной программы. Однако на современников «Опыт» не оказал серьёзного влияния. Его актуальность проявилась только спустя 30–50 лет, когда мир вступил в первую фазу активной глобализации.

Детища прогресса – быстроходные суда, железные дороги и телеграфная связь – окончательно связали воедино большую часть территорий планеты. Это вскоре сделало общим достоянием цивилизованных стран ту мысль, что Земля конечна и её ресурсов не хватит на всех. Немедля обострились намерения великих держав разведать и присвоить любые богатства, которые несут в себе свободные земли, – месторождения золота, алмазов, каучука или, скажем, нефти, когда обнаружилось её гигантское значение. Ещё одним мотивом для захвата стал контроль над новыми транспортными коммуникациями вроде Суэцкого канала – этим, в частности, было обусловлено вторжение Англии в Египет

в 1882 году. Таким образом, за последнюю треть XIX века великие государства колонизировали в мире всё, что ещё оставалось свободным до этого момента.

Динамику колониальных захватов стимулировало появление новых игроков на большой шахматной доске геополитики. Владычица морей Англия неожиданно для себя обнаружила, что её бывшие колонии в образе США вышли на первое место в мире по промышленному развитию и властвуют над Западным полушарием. В Европе на пятки англичанам наступала молодая и дерзкая Германская империя, которая не только перегнала Альбион по добыче угля и выплавке чугуна и стали, но и строила мощный океанский флот с явным намерением господствовать над морями. На Востоке поднималась загадочная Япония, силы которой были до конца не ясны. После отмены крепостного права в эру модернизации вступала Россия, которая нанесла поражение туркам в 1878 году, освободила Болгарию и

запустила скачкообразный процесс распада Османской империи, явно претендуя унаследовать её влияние на Балканах. Получив новые импульсы от капиталистического прогресса, все эти государства стремились изменить миропорядок в свою пользу.

К колониальной политике свои правительства поощряли, а в некоторых случаях и понуждали (через прессу и агентов влияния) юные транснациональные корпорации. Они также были заинтересованы в захвате ресурсов, рынков сбыта и рабочей силы для преумножения капитала. Именно алмазная корпорация «Де Бирс» и её лидер Сесиль Родс вовлекли Британскую империю в англо-бурскую войну для захвата золотоносных жил Трансвааля. В других случаях бизнес приходил уже на готовое. Так, знаменитый резинотехнический гигант «Мишлен» приобрел огромные плантации гевеи во французском Индокитае. На них за бесценок трудились местные жители, которые сохранили о влиянии корпорации такую

память, что в 1954 году, во время войны вьетнамцев за независимость, солдаты Хо Ши Мина ругали французских военнопленных не просто оккупантами, но и «слугами Мишлен».

Что особенно важно, империализм (и расизм в качестве его инструмента) виделся сильным мира сего как лучшее средство борьбы с внутренней смутой. Тяжёлое положение подталкивало рабочих к стихийным бунтам против властей и борьбе за свои права. Но империализм предлагал действенные лекарства от этой социальной болезни. Аристократы и буржуа узрели возможность умиловить собственную «чернь» за счёт ограбления заморских дикарей.

Более всего в формировании этой концепции преуспели британцы. Хотя английские пуритане и бежали массово в Новый Свет, но пуританские претензии на богоизбранность вошли в государственную идеологию Великобритании так же прочно, как и в США. Уже в начале XVII века, пишет

Дэвид Стэннард, «британцы считали себя самым цивилизованным народом на Земле и вскоре одобрительно кивали в ответ на слова Оливера Кромвеля: “Бог был англичанином”»^[125].

Реакцией на лозунги Великой французской революции «Свобода, равенство и братство» в Англии стала философия Эдмунда Бёрка. По словам Ханны Арендт, *«не посягая на права привилегированных классов внутри английской нации, Бёрк распространил принцип... привилегий на весь английский народ, представив англичан как своего рода дворянство среди других наций. Отсюда его презрение к тем, кто претендовал на освобождение как реализацию прав человека, претендовать на которые, по его мнению, подобало только как на права “английского человека”»*^[126]. Такой подход должен был преодолевать социальные противоречия.

Далее большой вклад в формирование представлений о национальной исключительности англичан внёс

викторианский премьер-министр Бенджамин Дизраэли с его максимой «права англичанина для меня выше прав человека». Именно Дизраэли первым в политической риторике осуществил биологизацию ветхозаветных представлений о богоизбранности; по его мнению, Бог избирает тот народ, у которого чистая кровь. Или ещё проще: Бог есть кровь. Дизраэли мечтал о создании расы господ из англичан и призывал искоренить все вредные учения о естественном равенстве людей. Для среднего класса это означало, что отсутствие некоторых привилегий в рамках британского общества будет с лихвой компенсировано привилегиями в мировом масштабе^[127].

Вскоре эта программа стала учитывать и английский рабочий класс. С пугающей откровенностью об этом говорил крупный колониальный деятель Британии Сесиль Родс: *«Я был вчера в лондонском Ист-Энде (рабочий квартал) и посетил одно собрание безработных. Когда я послушал там дикие речи, которые были сплошным криком: хлеба,*

хлеба! я, идя домой и размышляя о виденном, убедился более, чем прежде, в важности империализма. Моя заветная идея есть решение социального вопроса, именно: чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединённого Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках. Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами»^[128].

Между тем новый виток эксплуатации колониальных народов, естественно, был сопряжён не только с насилием, моральным унижением и экономическим обманом, но и с прямым геноцидом. Так, с 1865 по 1908 год было уничтожено от трёх до десяти миллионов африканцев в Свободном государстве Конго, личном владении

бельгийского короля, из которого Леопольд II методично выкачивал каучук и слоновую кость [\[129\]](#). В указанные годы эта страна представляла собой огромный Освенцим, где всё население принуждали к рабскому труду на плантациях Его Величества, а за невыполнение нормы отрубали кисть руки или ступню, не исключая малолетних детей, – одна из ужасных фотографий запечатлела конголезца, смотрящего на отрезанную конечность своей шестилетней дочери. Это изуверское наказание неминуемо обрекало человека на смерть, поэтому командирам карательных отрядов, ещё по колумбовской традиции, рекомендовалось отсекалть руки и жителям бунтующим деревень – из экономии, ведь патроны стоят денег.

Огласка всех этих гнусностей вынудила монарха, сказочно разбогатевшего к тому времени, продать страну государству Бельгия, что не слишком изменило колониальные порядки. О душевных муках короля, на счету которого миллионы жертв, нам ничего не

известно. Марк Твен, возмущённый вскрывшейся правдой, опубликовал на эту тему горький сатирический «Монолог Леопольда II», в котором приписал венценосному людоеду такие слова:

«Как уже не раз бывало, люди опять начнут спрашивать, неужто я надеюсь завоевать и сохранить уважение человечества, если буду по-прежнему посвящать свою жизнь грабежам и убийствам. (Презрительно.) Интересно знать, когда они от меня слышали, что я нуждаюсь в уважении человечества? Не принимают ли они меня за простого смертного? Уж не забыли ли они, что я король?»^[130]

Не исключено, что эта сатира не была далека от истинных мыслей бельгийского государя. А уважения Леопольд II, между прочим, и не лишился: сегодня в центре Брюсселя ему стоит памятник как выдающемуся государственному деятелю.

Другим чудовищным примером колониального геноцида на рубеже XIX и XX

веков стало истребление войсками германского кайзера племён нама и гереро в Намибии. Бунт аборигенов против немецкого гнёта на алмазных приисках привёл к тому, что экспедиционный корпус, профинансированный «Дойче Банком», частично расстрелял мятежные племена без определения личной вины, а частично загнал намибийцев в пустыню Калахари, где люди тысячами гибли от голода и жажды. Когда канцлер фон Бюлов намекнул Вильгельму II, что подобные действия не соответствуют правилам ведения войны, император красноречиво ответил: «Правилам ведения войны в Африке это соответствует»^[131]. Запомним цитату: всего через тридцать с лишним лет Адольф Гитлер скажет своим генералам то же самое, но уже по поводу России^[132].

Очевидно, империалистические державы очень нуждались в расистско-колониальной идеологии с научным фундаментом, которая оправдывала бы такое положение дел. С одной

стороны, тут очень пригодилась теория Дарвина: постулаты о естественном отборе вульгарно переносились на отношения стран и народов. С другой – на свет божий был извлечён уже изрядно подзабытый труд Артюра де Гобино, который привязывал развитие к чистоте и качеству крови, псевдонаучно ранжировал расы и косвенным образом оправдывал деспотизм цивилизаторов.

Вскоре у Гобино появилась масса последователей. Самым талантливым из них стал Хьюстон Стюарт Чемберлен, сын британского адмирала, который также черпал вдохновение из максим Дизраэли и мыслителя-антидемократа Томаса Карлейля. Теория Чемберлена всецело наследовала пуританским установкам «общества, которое исключает». Чистота арийской расы и крови, по мнению этого философа, подвигала человека творить, грязнокровие ввергало в пучину разрушения. Все создатели мировой истории были объявлены им арийцами;

Чемберлен громко настаивал на том, что к арийцам принадлежал даже Христос (подразумевалось, что в Галилее, откуда был родом Сын Божий, находилось много греков и ассирийцев, чья кровь текла в жилах Иисуса)

[133]. Евреи же в писаниях этого автора выступали расой самой «вредной» (но тоже чистой) крови, которая испокон веков разрушала арийскую культуру. Признавая за древними славянами арийское происхождение и даже видя в былинах проявления германского духа, современных ему русских в основной массе расистский теоретик презирал как народ, созданный в результате чудовищного кровосмешения. *«Русские – новое воплощение вечной империи Тамерлана»*, – говорил он [134]. Курьёзным следствием этой ненависти был категорический отказ философа... от чтения Достоевского [135].

Крайне характерно, что Чемберлен отвергал не только кровосмешение британцев

с колониальными народами, но и возвышение низших классов через механизмы парламентской демократии. Старая Британия представляла в его труде «Основы XIX века» идеалом государства расы господ, но нынешнее состояние родины скорее удручало Чемберлена, на улицах он видел **«скотские лица крестьян... убогие, отражающие все пороки негодяйские лица рабочего класса»**.

Надежды на спасение арийского или, как он выражался иначе, германского начала философ связывал не с деградирующей, по его мнению, Британией, а с творением канцлера Бисмарка – юной Германской империей, где сохранялись императорская власть (в отличие от европейских демократий) и расовое единство (в отличие от России с её сословной моделью империи). Сильное влияние на философа оказало творчество Рихарда Вагнера: в героях его опер на сюжеты древнегерманского эпоса Чемберлен увидел истинных «господ», способных защитить Культуру от низших рас и морлоков из рабочих

кварталов. Кроме того, в мировоззрение гения входила откровенная нелюбовь к иудеям – настолько сильная, что Вагнер требовал от знаменитого дирижера Германа Леви, чтобы тот принял христианство перед исполнением его «Парсифаля». Всё это очень импонировало Чемберлену.

Между Хьюстоном Стюартом и супругой Вагнера Козимой завязалась переписка. Спустя несколько лет философ женился на дочери композитора Еве и переехал в Германию. Там, в знаменитом Байройте, он и провел остаток жизни. Вильгельм II весьма почитал нового подданного, который отвечал ему горячей поддержкой во время Первой мировой войны. На родине Чемберлена за это предателем и «английским перевёртышем».

Но пока немецкие войска бились с англичанами насмерть, в доме Вагнеров наблюдалось полное англо-немецкое согласие. В 1916 году в Байройте появилась ещё одна уроженка Британских островов – 19-летняя

Винифред Уильямс, молодая жена 46-летнего Зигфрида Вагнера. Эта красивая юная особа оказалась расисткой и антисемиткой едва ли не большей, чем сам Чемберлен. В 1923 году пассионарная Винифред познакомилась с радикальным лидером НСДАП Адольфом Гитлером и быстро привязалась к нему. Их тёплые отношения длились много лет: после поражения «пивного путча» Винифред приезжала в тюрьму поддержать друга, а потом ввела будущего фюрера в свой домашний круг. Об их близости говорит, например, такая любопытная деталь: Винни дала Гитлеру прозвище Вольф («Волк»), и с тех пор, звоня в Байройт, лидер нацистов в шутку представлялся капельмейстером Вольфом. Дети Винифред писали «дядюшке Волку» трогательные письма, сам фюрер, вероятно, с оглядкой на то, как звали его в Байройте, позже назвал свою ставку в Восточной Пруссии «Волчьим логовом» (Вольфсшанце). В начале 1930-х, после смерти мужа Винифред, желтая пресса намекала на её

скорый брак с набирающим популярность правым политиком. Этого не случилось, однако своеобразную верность фюреру Уильямс хранила всю жизнь и защищала его даже в конце 1970-х.

Именно эта женщина убедила престарелого Чемберлена, что не кто иной, как Гитлер, воплотит наяву его фантазии о победе арийцев над низшими расами. В 1923 году тяжелобольной, наполовину парализованный философ принял своего наследника. По легенде, которая сложилась потом, Чемберлен протянул Гитлеру руку для приветствия, но фюрер упал на колени и поцеловал её. Скорее всего, это неправда, однако преемственность идей, которые нацисты бережно заимствовали у «английского перевертыша», миф отражает абсолютно верно.

«С самого начала и до сегодняшнего дня мы видим, как германцы уничтожают целые племена и народы или убивают медленно, деморализуя, чтобы получить для себя их

место... Каждый должен согласиться, что именно там, где они были особенно жестоки, например англосаксы в Англии, германский орден в Пруссии, французы и англичане в Северной Америке, закладывались самые высокие и нравственные основы»^[136].

Напутствуя последователей, Чемберлен вновь ссылаясь на авторитет Аристотеля. Старинный аргумент Сепульведы, кочуя по трудам десятка посредников, добрался до Гитлера. Таким образом, лидер нацистов прямо наследовал большой европейско-пуританской традиции. Накануне прихода к власти он был убеждён, что история учит лишь одному: люди неравны, и одни народы естественным ходом вещей призваны повелевать другими. А если потребуется, то и уничтожать их.

**Глава вторая. Славяне –
это рабы: риторика и
практика расового
превосходства**

Дикий Восток: нацисты и восприятие России в ретроспекции

Антиславянские взгляды нацистов, представления о Востоке как о потенциальной германской колонии также вытекали из многовекового европейского «тренда».

Взаимное отчуждение России и Запада уходит корнями во времена разделения церковей, когда средневековая католическая Европа идентифицировала себя как передовой цивилизованный мир, а все территории вовне – как дикие земли с низшим, варварским населением. Для крестоносцев, наступавших на земли Новгорода и Пскова в XIII веке, местные жители были не просто врагами, но «еретиками». Так, Ливонская рифмованная хроника сообщает нам, что русские «хотели подняться против христианства»^[137]; очевидно, что настоящими христианами её

автор признавал только католиков. Немецкий хронист Герман Вартберг рассказывает, как в начале XIII века Магистр божьего рыцарства разрушил и уничтожил пограничные города на Двине – Кокенгузен (Куконос в русских летописях) и Герцеке (предположительно Городище), в которых *«тогда жили еретики (русские)»*^[138].

Татаро-монгольское нашествие на несколько веков практически скрыло русских из поля зрения Европы. С середины XIII по начало XVI века представления о народах, живущих к востоку от Польши и Литвы, подпитывались в основном смутными страхами перед диким азиатским кочевником. Эти страхи европейцы подспудно переносили и на саму Русь, которая формально была западной границей Монгольской империи. После её распада контакты Европы с русскими землями возобновились, а представления европейцев о соседях стали более конкретными благодаря изобретению печатного станка. Наступил короткий период

надежд Ватикана на то, что Московия сама добровольно примет католическую веру и западноевропейское политическое влияние.

Тогда, в XVI веке, Европу разрывали религиозные войны. Целые страны уходили из-под власти папы, принимая учение Лютера и его последователей. В этих условиях приобретение многочисленной паствы московитов весьма укрепило бы пошатнувшиеся позиции Святого престола. Играло свою роль и то, что Русь была заново открыта для Европы в одно время с Америкой. По этому поводу крупный исследователь проблемы Александр Филюшкин делает очень важное для нашей темы замечание:

«Германский мир не принимал участия в открытии Нового Света, и поэтому проникновение на восток стало для Священной Римской империи её колониальной задачей и перспективой, а Московия – её Новым Светом»^[139].

В первой половине XVI века описания европейцами Руси, по наблюдению историка,

весьма напоминают контакты конкистадоров с индейцами: «Авторы с восторгом пишут об обмене простодушными русскими на обычный железный топор столькох соболиных шкурок, сколько пролезет в отверстие, на которое насаживается топорнице»^[140].

Однако вскоре эта относительно миролюбивая тональность радикально изменилась. Василий III намекал папским легатам на возможность унии православия с католицизмом, предполагая получить поддержку в борьбе с Польшей и Литвой. Однако ни понтифик, ни император не спешили помогать великому князю московскому. Поэтому политического смысла вливаться в «семью европейских монархов» на Руси не увидели. Сын Василия Иван Грозный сделал окончательный выбор в пользу собственного имперского проекта, провозгласив Русское царство, то есть свою империю, альтернативную империи Запада. Именно принятие Иваном IV титула царя (то есть кесаря) в 1547 году стало точкой разрыва

Московской Руси с Европой. Вместо богатой колонии западный мир получил конкурента и, как справедливо замечает С.Г. Кара-Мурза, оппонента по ответам на основные вопросы бытия^[141].

После этого умеренная благожелательность Запада быстро сменилась демонизацией. Уже первая война Русского царства с частью Европы – Ливонская – рассматривалась как война цивилизаций. В ходе её расцвели теории о принадлежности русских к разрушительному дьявольскому этносу, во всём уступающему европейцам, кроме жестокости и садизма. Европейские писатели вроде поляка Станислава Сарницкого рассказывали, что москвиты это не что иное, как библейский народ Мосох, который, согласно предсказаниям пророка Иезекииля, принесёт неисчислимые бедствия, прежде чем будет уничтожен гневом Господа^[142]. Ветхозаветный Мосох должен был прийти с севера из земли Магога, чтобы разрушить Иерусалим и погубить Израиль. В реалиях XVI

века под Израилем понимался весь христианский мир, в первую очередь Западная Европа, и жителям Кракова, Праги и Нюрнберга казалось, что на их глазах сбываются зловещие пророчества Священного Писания.

Атмосферу ужаса в Европе поддерживали «летучие листки» вроде «Письма ужасного и страшного врага-московита Королю Польскому». В нём московский князь, угрожающий благочестивому польскому монарху, назван фантастическим именем Нефталинио. По мнению учёных, это была аллюзия на библейских нефалимов – гигантских монстров, врагов богоизбранного народа. В сочинении протестантского пастора Пауля Одеборна Иван Грозный представал маньяком, который отрезает уши, губы и нос тем, кто проиграл ему в шахматы. По словам историка, «здесь содержатся довольно рискованные аллюзии: образ отрезанных губ, носов и ушей тесно связан с эсхатологическими пророчествами пророка

Иезекииля. Отсюда и до отождествления Ивана IV с Антихристом было недалеко»^[143].

Наряду с сатанизацией России в Европе раскручивался мотив её азиатизации. Не оправдавшая надежд Европы Русь всё более и более отождествлялась с Татарией. Этому немало способствовало участие этнических татар в составе русских войск, пришедших в Ливонию. На одном из этапов войны бывший казанский царь Шигалей (Шах-Али) вообще был царским главнокомандующим. Видя мусульман в рядах московской армии, Европа испытывала культурный шок. Пропагандисты тут же использовали возможность увязать противника с привычным образом христианского врага – турками. В «летучих листках» воины Ивана Грозного часто изображались в турецкой одежде и с турецкими кривыми саблями, а сам царь – в платье турецкого султана^[144]. Эти обстоятельства повлияли на появление живучего европейского мифа о русских как об азиатах.

Присутствие автохтонных народов в московской армии подводит нас к разговору о русской колониальной модели, которая представляла собой прямую противоположность модели англосаксов. Вековым принципом русского движения было не общество, которое исключает, а «общество, которое включает», инкорпорация миров во всём их многообразии, а не присоединение голой земли с зачисткой населения. Русское царство формировалось как империя, куда все новые народы входили с тем же сословным положением, что они имели до присоединения. Государи сразу признавали автохтонов своими подданными и делегировали им те же права и обязанности, что и всем прочим. На их земли распространялась та же система административно-территориального управления, что и на старые великорусские области. При этом русская модель законодательно сохраняла за туземным народом ту землю, которую он уже занимал на

момент инкорпорации в Русь. По закону русские колонисты могли селиться только на свободных территориях.

О значении этого шага Москвы пишет современная исследовательница:

«Право коренных этносов Сибири на землю является одной из важных особенностей русской колонизации, выделяющей её из всех европейских колонизаций Нового времени. Впервые оно было зафиксировано в основном правовом документе Московского государства – Соборном уложении 1649 г. Этот свод включал несколько статей, относящихся к ясачному населению всех регионов, входящих в состав государства, и распространял их действие на будущие земли. Так, в XVI главе Уложения “О поместных землях” (ст. 43) было записано, что под страхом “от государя быть в

*опале” русским запрещалось
покупать, менять, закладывать,
сдавать в наём какие-либо земли,
принадлежащие ясачным, то есть
подданным государства»^[145].*

Интересно, что Соборное уложение 1649 года разрешило автохтонам приносить присягу царю по тем обычаям, которые были приняты у них в народе. Браки с жителями новоприобретённых территорий поощрялись, вскоре они стали рядовым делом и не могли считаться предосудительными. Потомки туземной знати легко вошли в элиту Русского царства, а потом и Российской империи. Так, тунгусские правители стали русскими князьями Гантимуровыми, калмыцкие – дворянскими родами Калмыковых и Дундуковых, от татарских мурз произошли Державины, Карамзины, Урусовы, Ростопчины, Аракчеевы. Представители этих фамилий часто не оставались на землях предков, а, в отличие от латиноамериканских

метисов, делали блестящую карьеру в имперских столицах – Москве и Петербурге.

Очень важно, что туземцы никогда не использовались Русским царством как рабы. России оказался чужд колониальный расизм: с коренными народами могли воевать подчас жестоко и кроваво, но их никогда не считали низшей расой или животными.

Показательны в этом смысле известные строки А.С. Пушкина:

*Слух обо мне пройдёт по всей Руси
великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней
язык,
И гордый внук славян, и финн, и
ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык*^[146].

Крупнейший национальный поэт первой половины XIX века не считает своё творчество предназначенным для «расы господ», оно для

всех. Очень характерным словом здесь выступает малозаметное «ныне» относительно «дикого тунгуса». Оно означает, что тунгус дик только *сейчас*, но надлежащие просвещение и образование сделают его таким же культурным, как и представители других этносов. Это вытекало из поддержанной православием установки русской культуры, что каждый может изменить свою жизнь: пути совершенствования и спасения не закрыты ни для кого. Между тем отношение современных Пушкину англичан к аборигенам Австралии не оставляло им шанса когда-либо перестать быть «обезьянами». В этом видится кардинальная разница двух мировоззрений.

Этническое смешение европейцев с туземцами не могло быть адекватно понято и принято в Европе, особенно в той её части, что испытала сильное влияние кальвинизма. Европейцев ужасал факт мирного и равноправного общежития славян с народами Азии. Особенно очевидно это становилось в ходе европейских войн с участием России.

Присутствие в рядах армии Александра I башкирских полков, которые сражались в своей национальной одежде и были вооружены луками, шокировало Наполеона. Отступая, французская армия рассказывала, что по её пятам идут дикие азиаты, которые питаются человеческой плотью и, как отмечал генерал А.Н. Раевский, «особенно охочи до детей». «Правда, что одежда и вид башкирцев, которые в сие время входили в город, – продолжал Раевский, – поразили немцев. Но вскоре невинное простосердечие сих “людоедов” совершенно рассеяло всякое сомнение»[\[147\]](#).

Кстати, пропагандистская «азиатизация» России использовалась и как инструмент отторжения от неё спорных европейских территорий. Так, в середине XIX века польский эмигрант Франтишек Духинский, живший в Париже, приписал русским происхождение от туранского племени с территории древней Персии. При этом он преследовал цель доказать, что малороссы и

белорусы не имеют к русским отношения, а родственны лишь полякам, поэтому европейские державы обязательно должны восстановить Польшу в границах 1772 года (то есть с большей частью Украины и Белоруссии в её составе). Это, по словам Духинского, будет исторически справедливо и политически дальновидно, ведь возрождённая Речь Посполитая станет форпостом на пути русско-азиатского деспотизма^[148]. Такая любительская этнография вызвала жёсткую отповедь русского историка Николая Костомарова, но в Европе нашла своих почитателей^[149].

Важным элементом принижения русских как народа на Западе стала «норманнская теория» об основании российской государственности. Адольф де Кюстин, автор скандальной книги «Россия в 1839 году», пересказал её устами некоего русского князя-либерала:

«За много столетий до вторжения монголов скандинавы послали к славянам, в ту

*пору ведшим совсем дикое существование, своих вождей, которые стали княжить в Новгороде Великом и Киеве под именем варягов; эти чужеземные герои, явившиеся в сопровождении немногочисленного войска, стали первыми русскими князьями, а к их спутникам восходят древнейшие дворянские роды России. Варяги, принимаемые за неких полубогов, приобщили русских **кочевников** (!) к цивилизации»[\[150\]](#).*

Эта вульгарная интерпретация отрывка из «Повести временных лет», в котором нет ни слова о «дикости» и «полубогах», не говоря уже о славянских «кочевниках», стала для европейцев основной и часто домысливалась как доказательство склонности славян к подчинению и отсутствию у них государственных талантов. В качестве дополнительного довода в середине XIX века приводили то, что ни один славянский народ, кроме русских, которыми якобы руководили германцы, не создал или не сохранил свою государственность в Европе. Интересно, что

после того, как Болгария, Черногория и особенно Сербия обрели независимость, германский мир захлестнула волна славянофобии: в балканских славянах под покровительством русского царя немецко-австрийские элиты неожиданно увидели геополитических конкурентов. Старое пренебрежение слилось с новой ненавистью. В первые дни Великой войны кайзер Вильгельм II сказал одному из приближенных: *«Я ненавижу славян. Я знаю, что это грешно, но ничего не могу с собой поделать»*^[151].

Другим проявлением дикарской сущности русского народа считалась его низкая образованность и культура. Мало внимания обращалось на то, что в XVIII–XIX веках эпизодический синтез просвещения с русской народной натурой давал результаты мирового значения; в конце концов, именно сын холмогорского помора Михаил Ломоносов открыл существование атмосферы у планеты Венера и впервые получил в лабораторных условиях замерзшую ртуть, доказав, что это

металл; бывший крепостной графа Строганова Андрей Воронихин построил величественный Казанский собор в Петербурге; крепостной графа Шереметева Даниил Бокарев разработал технологию добычи масла из подсолнечника и тем самым произвёл революцию в кулинарии. Тем не менее основная масса населения действительно не могла раскрыть свои таланты, так как была лишена возможности полноценно учиться. К 1917 году Россия оставалась единственной европейской страной, в которой не было законодательно введено всеобщее бесплатное начальное образование. Николай II планировал такую реформу с 1906 года, однако её проекты утонули в бюрократическом болоте. По самым оптимистичным оценкам, к началу Первой мировой войны грамоты не ведали более 50 % населения империи^[152].

В этих условиях часть отечественных элит западнического толка воспринимала непросвещённое русское *крестьянство как другой народ*. Не зная колониального расизма,

она открыто исповедовала расизм социальный, ненависть высших слоёв общества к низшим. Красноречиво об этом писал Лев Толстой:

«Зачем скрывать то, что мы все знаем, что между нами, господами, и мужиками лежит пропасть? Есть господа и мужики, чёрный народ. Одни уважаемы, другие презираемы, и между теми и другими нет соединения. Господа никогда не женятся на мужичках, не выдают за мужиков своих дочерей, господа не общаются как знакомые с мужиками, не едят вместе, не сидят даже рядом; господа говорят рабочим ты, рабочие говорят господам вы. Одних пускают в чистые места и вперёд в соборы, других не пускают и толкают в шею; одних секут, других не секут.

Это две различные касты. Хотя переход из одной в другую и возможен, но до тех пор, пока переход не совершился, разделение существует самое резкое, и между господином и мужиком такая же пропасть,

как между кшетрием и париём.

Вольтер говорил, что если бы возможно было, пожав шишечку в Париже, этим пожатием убить мандарина в Китае, то редкий парижанин лишил бы себя этого удовольствия.

Отчего же не говорить правду? Если бы, пожавши пуговку в Москве или Петербурге, этим пожатием можно было бы убить мужика в Царевококшайском уезде и никто бы не узнал про это, я думаю, что нашлось бы мало людей из нашего сословия, которые воздержались бы от пожатия пуговки, если б это могло им доставить хоть малейшее удовольствие.

И это не предположение только. Подтверждением этого служит вся русская жизнь, всё то, что не переставая происходит по всей России»^[153].

Если уж собственные элитарии так мало ценили жизнь русского крестьянства, нет ничего удивительного, что подобные оценки стали общим местом на Западе. Но там они

были ещё радикальнее: иностранцы отказывали русским не только в культуре, но и в элементарной смекалке, а иногда и в наличии души. *Русских откровенно считали не равными, менее ценными.* Французский посол в России Морис Палеолог в разгар Первой мировой предельно цинично написал о становом хребте русской армии:

«По культурности и развитию французы и русские стоят не на одном уровне. Россия одна из самых отсталых стран на свете. Сравните с этой невежественной и бессознательной массой нашу армию: все наши солдаты с образованием; в первых рядах бьются молодые силы, проявившие себя в искусстве, в науке, люди талантливые и утончённые; это сливки и цвет человечества... С этой точки зрения наши потери будут чувствительнее русских потерь»[\[154\]](#).

Здесь мы видим расизм в чистом виде, причём, что особенно не красит Палеолога, – расизм по отношению к верному и

самоотверженному союзнику. С тем же столкнулся и русский военный агент во Франции полковник граф А.А. Игнатъев, когда в 1916 году по просьбе Парижа на Западный фронт прибыл русский экспедиционный корпус. Инспектировать царских солдат приехал генерал Петэн, будущий глава прогитлеровского правительства в Виши. Встречу с ним Игнатъев описал в своих мемуарах:

«При выходе из машины я приветствовал Петена от лица русской армии и после сухого военного рукопожатия пошёл сопровождать малоприветливого на вид генерала.

– Ну, посмотрим, как ваши солдаты освоились с нашей винтовкой. Они ведь у вас сплошь безграмотные.

– Не совсем так, генерал, – ответил я, – а что касается винтовки, то ваш устарелый “лебель” много проще нашей трёхлинейки.

В ответ Петен подозвал одного из встреченных нами солдат и предложил мне приказать ему зарядить и разрядить ружье.

Из дальнейших вопросов стало ясно, что Петен принимал нас за дикарей, обнаруживая то, что сделало его впоследствии единомышленником нацизма»^[155].

Ещё более расистские установки во время Первой мировой войны были выражены в стане противника – кайзеровской Германии. Антирусские настроения пышным цветом расцветали в шовинистической немецкой среде. Немецкий школьный учебник 1908 года внушал будущим солдатам: «Русские – это полуазиатские племена. Их дух не является самостоятельным, чувство справедливости и реальности заменены слепой верой, им не хватает страсти к исследованиям. Раболепие, продажность и нечистоплотность, – это чисто азиатские черты характера»^[156]. В первые дни войны в Германии появились сатирические открытки, на которых Вильгельм II говорил своему родственнику Николаю II: «Кузенчик, в твоей стране чудовищное свинство. Мы идём, чтобы вас окультурить и наконец-то

хорошенько продезинфицировать»^[157]. Как справедливо отмечают Д. Жуков и И. Ковтун, «через обвинение русских в нежелании навести порядок в собственном государстве многие авторы внушали мысль о высшем предназначении германской нации для России, о колониальной миссии, несущей кардинальные преобразования»^[158].

Таков был багаж представлений о России, которым воспользовался Гитлер, планируя нападение на СССР. Еретики, азиаты, рабы, дикари – весь этот набор уничижительных характеристик русских оказался востребован пропагандой Третьего рейха, а приятие межэтнических браков в российской культурной традиции стало обвинением России в русле расовых теорий. Если раньше Европа объясняла изъяны русских отступлением от истинной веры и чужеродностью, то с начиная с середины XIX века идеологемы Гобино, развитые Чемберленом, Розенбергом и Гитлером, поставили русских на низкие ступени

иерархии народов из-за их смешанной испорченной крови. Все недостатки России были объяснены **биологически**, что в кальвинистском духе закрывало для неё возможность «исправиться» и «спастись».

Национал-социализм и коммунизм, безусловно, воспринимали друг друга как смертельные враги. Вторгаясь в СССР, Гитлер хотел разгрома большевиков. Но логика борьбы за жизненное пространство неизбежно приводила Германию и к конфликту с тем народом, который занимал вожделенные для нацистов земли, вне зависимости от политических пристрастий этого народа. Поэтому, будучи войной с коммунизмом, война с самого начала была и войной против России, Украины, Белоруссии, других республик Советского Союза, против русского, украинского, белорусского и других советских народов, что бы в отдельных случаях ни говорила по этому поводу гитлеровская пропаганда. После занятия европейских территорий СССР Гитлер собирался

полностью или частично очистить их от местного населения. Для этого были сформулированы идеологические концепты, которые путём фальсификаций и натяжек позволяли выставить эту программу *морально приемлемой и справедливой*.

Внимательный анализ мышления нацистских лидеров и пропаганды, направленной против СССР, показывает, что расовые и идеологические вопросы были тесно *связаны* в идеологии рейха. Собственно, эту связь Гитлер сформулировал ещё в библии нацизма – «Майн Кампф». Проследим за ходом его рассуждений. Обосновывая план захвата территорий на Востоке («сама судьба указывает нам перстом»), он пишет о дикой большевистской идеологии, которая установилась в России.

«Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось её государственное существование и которая одна только

служила залогом известной прочности государства»^[159].

Но тут же будущий фюрер обосновывает и расовую неполноценность русских.

«Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам – превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы»^[160].

Итак, русские – низшая по сравнению с германцами раса, над которой установлена чудовищная идеология. А кто её установил?

«В течение столетий Россия жила за счёт именно германского ядра в её высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. Место германцев заняли евреи. Но как русские не могут своими собственными силами скинуть ярмо евреев, так и одни евреи не в силах надолго держать в своём подчинении это громадное

государство»^[161].

Перед нами стройная идеологическая система. Евреи создали античеловеческую идеологию – большевизм – и распространили её на низшую расу – русских (славян). Но освобождение России от евреев-большевиков ничуть не возвышало бы самих русских. Они как нация, согласно мысли фюрера, по-прежнему были бы не способны создать стабильное государство без руководства со стороны «германского элемента». И потому должны были стать его рабами. В сентябре 1941 года, преждевременно радуясь успехам на Восточном фронте, Гитлер обогатил свою концепцию таким образом: *«Славяне – это семейство кроликов. Если класс хозяев их не будет подталкивать, они никогда не смогут подняться выше уровня кроличьего семейства»*^[162].

Другие известные нам суждения фюрера о славянах не менее уничижительны. В сентябре 1942 году Гитлер заявил, что *«украинцы так же ленивы, неорганизованны и*

нигилистическо-азиатски настроены, как великороссы... Граница между Европой и Азией проходит не на Урале, а там, где кончаются поселения племён германского толка и начинается славянство. Наша задача – максимально отодвинуть эту границу на восток, и если надо – то за Урал. Таков извечный закон силы, согласно которому Германии самой историей даровано право подчинять малоценные народности, господствовать над ними и силой побуждать их к полезному труду»^[163].

В разгар Сталинградской битвы фюрер вернулся к зоологической теме и сравнил русских уже не с кроликами, а с лошадьми – сравнение оказалось в пользу последних. Запретив армии Паулюса самостоятельный прорыв из советского окружения, он обосновал своё решение тем, что иначе придётся бросить артиллерию, ведь кони, на тяге которых находились орудия, ослабели от голода. И прибавил: если бы на месте лошадей были русские, они бы съели друг друга, но

лошади конину есть не будут^[164].

Любопытно, что успехи СССР в войне с Германией никак не меняли воззрений нации № 1 на русских. По мнению фюрера, победы Красной армии были порождением воли и энергии одного только Сталина. «На этом примере снова видно, какое значение может иметь один человек для целой нации, – говорил фюрер Иоахиму фон Риббентропу. – Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941–1942 гг., вне всякого сомнения, оказался бы сломленным. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твердостью этого человека, негибаемая воля и героизм которого призвали и привели народ к продолжению сопротивления»^[165].

Правда, в литературе и блогосфере часто встречается суждение, что ещё в «Майн Кампф» Гитлер будто бы назвал русских «великим народом». Это мнение нашло, например, отражение в книге писателя

Станислава Куняева «Поэзия. Судьба. Россия», где он процитировал попавшее ему в руки русское издание «Моей борьбы» в разговоре с женой.

«...Кстати, смотри-ка: Гитлер называет русских “великим народом”.

– Где? Не может быть! – оживилась Галя.

– Ну вот, читай здесь, где он размышляет о том, что случается с народами, власть над которыми захватывают евреи:

“Самым страшным примером в этом отношении является Россия, где евреи в своей фанатической дикости погубили 30 миллионов человек, безжалостно перерезав одних и подвергнув бесчеловечным мукам голода других, – и всё это только для того, чтобы обеспечить диктатуру над великим народом за небольшой кучкой еврейских литераторов и биржевых бандитов”»^[166].

И действительно, если мы возьмём в руки книгу 1992 года издательства «Т-Око» или прочтём её виртуальную копию в Интернете (например, здесь:

то в главе «Народ и раса» увидим именно такой абзац. Гитлеровская цитата о «великом народе» разошлась по Интернету и особенно популярна на ультраправых сайтах. Тем не менее у пытливого исследователя она просто обязана вызвать интерес – из-за вопиющего контраста с другими суждениями лидера нацистов, как мы видели, крайне уничижительными. Это противоречие легко устранить, обратившись к оригиналу на немецком:

Das furchtbarste Beispiel dieser Art bildet Rußland, woer an dreißig Millionen Menschen in wahrhaft fanatischer Wildheit teilweise unter unmenschlichen Qualen tötete oder verhungern ließ, um einem **Haufen jüdischer Literaten** und Börsenbanditen die Herrschaft über ein **großes Volk** zu sichern^[167].

Сочетание *großes Volk*, которое в издании «Т-Око» переведено как «великий народ», правильно перевести с другим значением *große* – «большой, огромный, колоссальный». В данном случае это слово является частью антитезы со словом **Haufen** («кучка»): называя русский народ *große*, Гитлер имеет в виду не его выдающиеся деяния, которых он в том же тексте за славянами не признал, а всего лишь численность. Адекватный перевод слов фюрера таков: «...и всё это только для того, чтобы обеспечить диктатуру над **огромным** народом за кучкой еврейских литераторов и биржевых бандитов»^[168].

Правомерным является также вопрос, почему, если Гитлер питал к славянам такое фанатичное презрение, он вступил в союз с тремя славянскими государствами – Болгарией, Словакией и Хорватией? Фюрер сам разъяснил это Мартину Борману 12 мая 1942 года. Для начала он поставил под сомнение принадлежность болгар и вообще всех «так называемых южных славян» к

славянству. Гитлер считал, что это миф, порождённый царской Россией в экспансионистских целях, и полагал, что на самом деле они... туркмены, ведь у всех «сплошь и рядом чувствуется примесь дикарской крови»^[169]. При этом хорватский пронацистский лидер Анте Павелич провозглашал свой народ потомками готов, то есть германцев^[170]. Гитлер заявил, что «с расовой точки зрения онемечивание хорватов можно было бы только приветствовать», то есть он не боялся испортить арийскую кровь – большая часть русских и поляков такой «чести» была недостойна. Но потом Гитлер прибавил, что ассимиляция хорватов «совершенно неприемлема **по политическим мотивам**»^[171]. Исходя из этого мы можем сделать вывод, что большая политика при необходимости превалировала над мифами нацистов о чистоте крови. Самым крупным компромиссом такого рода был пакт Молотова – Риббентропа, ведь с точки зрения Гитлера

это был ни больше ни меньше договор с евреями.

В принципе, и более ранняя история Третьего рейха давала примеры расовых уступок политике. Так, во время Олимпиады 1938 года пресса по мановению руки Геббельса вдруг перестала поносить негров, хотя ещё год назад в целях сохранения чистоты арийской расы была осуществлена насильственная стерилизация «рейнских ублюдков» – детей немецких женщин и солдат оккупационных войск из африканских колоний Франции, стоявших в Рейнской области в 1919–1930 годах. Более того, официальная печать всячески превозносила афроамериканского легкоатлета Джесси Оуэнса, рекордсмена Олимпиады в беге и прыжках в длину. Фюрер явно отвёл душу, заявив в кулуарах: «Люди, чьи предки обитали в джунглях, крайне примитивны и имеют более атлетическое сложение, нежели цивилизованные белые. Они не годятся для конкуренции, так что следовало бы впредь не

допускать их к участию в Олимпийских играх и в других спортивных соревнованиях»^[172]. Тем не менее публично глава рейха ничем не выказывал своего недовольства, добиваясь главного – увеличения международного веса нацистской Германии.

Логика фюрера о взаимосвязи расы и идеологии нашла продолжение и развитие во многих нацистских текстах. Один из видных соратников Гитлера Альфред Розенберг, будущий рейхминистр восточных оккупированных территорий, в 1930 году развил его идеи более витиевато в своей книге «Миф XX века»^[173]. Хотя глава рейха и аттестовал «Миф» «как малопонятный бред, написанный самоуверенным прибалтом», а старые нацисты его попросту не осилили, тем не менее к 1944 году совокупный тираж этого сочинения достиг миллиона экземпляров – в кругах нацистской молодежи оно считалось неофициальным учебником по идеологии.

«Однажды Россию основали викинги и придали жизни государственные формы,

позволяющие развиваться культуре. Роль вымирающей крови викингов взяли на себя немецкие ганзейские города, западные выходцы в Россию; во времена, начиная с Петра Великого, немецкие балтийцы, к началу XX века также сильно германизированные балтийские народы. Однако под несущим цивилизацию верхним слоем в России постоянно дремало стремление к безграничному расширению, неугомонная воля к уничтожению всех форм жизни, которые воспринимались как преграды. Смешанная с монгольской кровь вскипала при всех потрясениях русской жизни, даже будучи сильно разбавленной, и увлекала людей на поступки, которые отдельному человеку кажутся непонятными. Такие внезапные и резкие изменения нравственных и общественных моментов, которые постоянно повторяются в русской жизни и в русской литературе (от Чаадаева до Достоевского и Горького), являются признаками того, что враждебные потоки крови сражаются между

собой и что эта борьба закончится не раньше чем сила одной крови победит другую»^[174].

Продемонстрировать «разнордизацию» русских интеллигент Розенберг взялся на примере произведений Достоевского, герои которого, по его словам, выражают типичные для этого народа «признаки уродства души»: «Эта испорченная кровь создала себе в качестве высшей ценности стремление к страданию, покорность, “любовь ко всем людям” и стала враждебной природе, как когда-то побеждающий Рим, пока Европа до некоторой степени не смогла стряхнуть с себя аскетичный египетско-африканский мазохизм».

«Миф» учил, что идея вселенской любви и всепрощения возникла у Достоевского как способ преодоления... национальной ущербности. Русский, по мнению нацистского теоретика, «единственный в мире, кто не внёс ни одной идеи в множество человеческих идей, и всё, что он получил от прогресса, было им искажено. Русский хоть и движется, но по

кривой линии, которая не ведёт к цели, и он подобен маленькому ребёнку, который не умеет думать правильно»^[175]. Якобы остро переживая это, Достоевский выдвинул мысль о «страдающем терпеливом человеколюбии» как истинном христианстве, которое должно не просто стать вкладом русских в общемировую культуру, но и вообще спасти запутавшуюся западную цивилизацию. Оценивая взгляды писателя, Розенберг высокомерно прибег к изложению истории из дневника самого Федора Михайловича о том, как несколько русских ехали в поезде со знаменитым химиком Юстусом фон Либигом, не зная личности своего спутника. Один из пассажиров вдруг заговорил о химии – красочно, но совершенно по-дилетантски. Однако когда оратор сошёл с поезда, все остальные русские остались уверены в правоте шарлатана. Именно таким шарлатаном автор «Мифа» выставил писателя: «Сегодня ясно, что отчаянная попытка Достоевского в познании души человека аналогична

поведению русского, которое он противопоставил Юстасу фон Либигу; сломанной, лишённой личности души, которая берёт на себя смелость наставлять мир на путь истинный»[\[176\]](#).

События 1917 года трактовались Розенбергом как поражение «культурной» нордической крови, которая «поступала» в Россию из Европы и прибалтийских провинций империи – от немцев этого края и сильно германизированных эстонцев, литовцев и латышей. Очевидно, рассуждая так, автор имел в виду, в частности, себя, поскольку сам был уроженцем Ревеля и какое-то время студентом факультета архитектуры Рижского университета, а окончил он Московское высшее техническое училище, позже получившее имя Н.Э. Баумана – знаменитую «Бауманку». Восторжествовала же в русских монгольская кровь, привнесенная ордами Батыея и воплощенная в «калмыкотатарине» Ленине. Причиной трагедии было именно то «уродство русской души», которое

воспевал Достоевский:

*«Из самоуверенной от беспомощности любви прошлых лет получился эпилептический припадок, проведённый в политическом плане с энергией умалишённого. Смердяков управляет Россией. Русский эксперимент закончился как всегда: **большевизм у власти мог оказаться в качестве следствия только внутри народного тела, больного в расовом и душевном плане, которое не могло решиться на честь, а только на бескровную “любовь”**»*[\[177\]](#).

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, в отличие от Розенберга, не стремился глубоко анализировать русскую литературу. Его взгляды на славян были простыми и чеканными: «Смешанный народ на основе низшей расы с каплями нашей крови, не

способный к поддержанию порядка и к самоуправлению»^[178]. Выступая в Штеттине перед офицерами группы армий «Север» 19 июля 1941 года, глава «Чёрного ордена» говорил:

«Это война идеологий и борьба рас. На одной стороне стоит национал-социализм: идеология, основанная на ценностях нашей германской, нордической крови. Стоит мир, каким мы его хотим видеть: прекрасный, упорядоченный, справедливый в социальном отношении, мир, который, может быть, ещё страдает некоторыми недостатками, но в целом счастливый, прекрасный мир, наполненный культурой, каким как раз и является Германия. На другой стороне стоит 180-миллионный народ, смесь рас и народов, чьи имена непроизносимы и чья физическая сущность такова, что единственное, что с ними можно сделать, – это расстреливать без всякой жалости и милосердия... Этим людей объединили евреи одной религией, одной идеологией, именуемой большевизмом, с

задачей... сокрушить Германию и весь мир»^[179]. По сути и Гиммлер вслед за Розенбергом излагал своими словами гитлеровскую мысль о зависимости идеологии от исповедующей её расы («крови»), только теперь, когда войска вермахта уже наступали по территории противника, к ней прибавился призыв без разбора убивать представителей неполноценного 180-миллионного народа. Безразличие к жизни славян Гиммлер декларировал и два года спустя: «Что случится с русским или чехом, меня нисколько не интересует... Живут ли другие народы в благоденствии или они издыхают от голода, интересует меня лишь в той мере, в какой они нужны как рабы для нашей культуры... Погибнут или нет от изнурения при рытье противотанкового рва 10 000 русских баб, интересует меня лишь в том отношении, готовы ли для Германии противотанковый ров»^[180].

Рейхскомиссар Украины Эрих Кох, на Нюрнбергском процессе вещавший про свои симпатии к СССР, 5 марта 1943 года в Киеве

внушал соратникам по партии совсем иное: «Я смогу выдавить из этой страны всё до последней капли. Население должно работать, работать и ещё раз работать... Мы господствующий народ, а это означает, что самый примитивный в расовом отношении немецкий рабочий биологически в 1000 раз ценнее в сравнении с украинцем»^[181].

Министр пропаганды рейха Йозеф Геббельс не увлекался заявлениями о «расе господ». Некоторые исследователи связывают это с тем, что его физический недостаток – врождённое косолапие – делал неприятными для него подобные разговоры. Однако когда стало ясно, что план «Барбаросса» провален, и потребовалось объяснить, почему это произошло, Геббельс крайне извортливо обосновал неудачи Германии опять же... неполноценностью русских, причём сознательно отделил их от советской идеологии. Вот что он писал в статье с ёрническим названием «О загадочной русской душе»:

«Они бесчувственны, словно животные. Лишения и нищета – обычные условия их существования, и потому русские не так уж сильно цепляются за жизнь. Жизнь простого человека там ценится меньше, чем велосипед. Высокая рождаемость позволяет быстро восполнить любые потери. Русские обладают примитивным упорством, которое не следует путать с храбростью. Храбрость – это мужество, вдохновлённое духовностью. Упорство же, с которым большевики защищались в своих ДОТах в Севастополе, сродни некоему животному инстинкту, и было бы глубокой ошибкой считать его результатом большевистских убеждений или воспитания. Русские были такими всегда и, скорее всего, всегда такими останутся»^[182].

В современной России правые публицисты пытаются оспорить русофобию нацистов ссылкой на некоторых германских расологов, которые отрицали принадлежность славян к низшим расам и, более того, отрицали сам принцип разделения человечества на высшие и низшие расы. Действительно, ряд учёных, в первую очередь профессор Берлинского университета и глава расового института в Далеме Ганс Гюнтер, придерживались именно такой точки зрения. Но в реальности Гитлер не слушал ни Гюнтера, ни других своих оппонентов. На этот счёт мы имеем надёжное признание самого профессора, который писал о фюрере:

*«Он в “гнусном оптимизме”...
полный иллюзий принятия
желаемого за действительное, как-
то провозгласил на одном
партийном съезде, что немецкий
народ, мол, стал ещё красивее
благодаря национал-социализму. Из*

таких несостоятельных представлений можно также понять, что он допустил глупое словосочетание “раса господ”, во внешнеполитическом применении столь же вредное, как наименование “славянские недочеловеки”, которое было перенесено – тоже подобранным Гитлером – Эрихом Кохом, истинным недочеловеком, даже на вначале прогермански настроенных украинцев»^[183].

Таким образом, политическая и идеологическая целесообразность брала в представлениях Гитлера верх над доводами учёных (если те вообще осмеливались спорить). Этот принцип простирался сколь угодно далеко, к примеру, в риторике фюрера и других нацистских бюрократов слово «раса» регулярно использовалось в додарвиновском значении как синоним слова «народ», хотя с точки зрения современных ему расологов ни

немецкой, ни славянской, ни еврейской расы не существовало. Думается, что Ганс Гюнтер подошёл вплотную к объяснению этих гитлеровских казусов, усматривая в фюрере сходство с Жаном Кальвином и таким крупным государственным кальвинистом, как Оливер Кромвель:

«...более подходящим представляется сравнение Гитлера с Оливером Кромвелем, тем более что Гитлер якобы рассматривал этого английского государственного деятеля и полководца как один из образцов для себя... Кромвель считал себя избранным Богом – Богом, который, однако, для обусловленного кальвинизмом благочестия англосаксов был в гораздо большей степени Богом Ветхого, нежели Богом Нового завета, – избранным ради славы и растущей силы пуританско-

протестантской Англии, которой надлежало добиться мирового господства. Когда в его письмах упоминается об ужасах, которые он приказывал и допускал в захватнических войнах против католиков-ирландцев, там всегда есть дополнение, что он-де совершал такое как слугитель Бога»[\[184\]](#).

Господство для Великой Германии – вот что более всего волновало Гитлера, как господство для Великобритании – Кромвеля. Мировоззрение лидера нацистов было теснее связано с религиозными идеями кальвинизма об избранности, чем с современной ему генетикой и антропологией. Из философии, истории и науки фюрер брал лишь то, что соответствовало его аннексионистским геополитическим устремлениям.

**«Опасность немцам исходит от
крови других народов, прежде
всего славянских»:
антиславянская расовая
политика Третьего рейха**

В 1925 году «Майн Кампф» была исповедью политического авантюриста, потерпевшего поражение при попытке взять власть во время «Пивного путча». К 1939 году её автор стал всемирно признанным фюрером германской нации. Это, конечно, сказалось на популярности гитлеровского труда: перед началом Второй мировой войны совокупные тиражи «Моей борьбы» в рейхе уступали только тиражам Библии с перспективой вскоре обойти их. Эту книгу в качестве свадебного подарка получали все немецкие молодожёны. Остыв после брачных торжеств, они по-прежнему могли прочесть у своего вождя о

том, что судьба уготовила Германии покорить Восток, населённый низшей расой. За прошедшие с первого издания годы политическое значение этих строк выросло прямо пропорционально карьере Гитлера: из призывов политика-маргинала они превратились в программу государственного лидера. То, что фюрер не смягчал и вообще не редактировал старый текст, приобретший такую известность, наводило на мысль: свою точку зрения он не поменял.

«Эта книга до сих пор составляет основу воспитания наци, ведь её программа фактически проводится в жизнь. Ведь Гитлер вчера ещё говорил в ней с величайшим презрением о русском народе. Что ж, изменил он свой взгляд сегодня?» – пытался образумить симпатизантов Гитлера из числа русской эмиграции А.И. Деникин в 1938 году^[185].

А Джордж Оруэлл в рецензии на английское издание «Майн Кампф» 1940 года отметил:

«Когда сравниваешь его высказывания,

сделанные год назад и пятнадцатью годами раньше, поражает косность интеллекта, статика взгляда на мир. Это – застывшая мысль маньяка, которая почти не реагирует на те или иные изменения в расстановке политических сил. Возможно, в сознании Гитлера советско-германский пакт не более чем отсрочка»^[186].

Одной из статичных нацистских максим с 1923 года, как справедливо замечают Д. Жуков и И. Ковгун, было то, что «после поражения Мюнхенского путча... идеологи НСДАП (в первую очередь А. Розенберг, а также А. Гитлер) стали увязывать установление в России господства большевиков с “расовыми дефектами” самого русского народа. Тогда же новый импульс получила идея о завоевании жизненного пространства на Востоке. С момента прихода нацистов к власти (1933) и на протяжении почти всех 1930-х годов эта тенденция лишь усиливалась, чтобы, на миг застопорившись после упомянутого противоестественного пакта, вспыхнуть

вновь с новым накалом в связи с началом советско-германской войны»^[187].

Новый накал по поводу «расовых дефектов» проявился в первую очередь в том, что ненависть нацистских бонз к славянам получила практическое воплощение и наконец была закреплена законодательно. В декабре 1941 года рейхскомиссариат по укреплению германской государственности (вотчина Гиммлера) предложил изменить термин «родственная кровь», звучавший в Нюрнбергских законах о крови и расе и формально относившийся ко всем европейским народам, включая русский, украинский и белорусский. Теперь, когда у рейха возникла потребность в массовом притоке рабочих с оккупированного Востока, решено было официально узаконить расовое отличие германцев от славян. Поэтому в 1942 году в документ под названием «Сохранение расы и наследственности в законодательстве рейха» (Rassen- und Erbpflege in der Gesetzgebung des Reiches) вместо понятия

«родственная кровь» ввели термины «иноплеменные европейские народы» и «соплеменные европейские народы»^[188]. К соплеменным, естественно, относились все германские, а в число иноплеменных вошли «славянские, романские, кельтские и балтийские народы за исключением отдельных лиц и родов, которые сочтены соплеменными». Смысл реформы пояснил сам Гиммлер:

«До сего дня в расовой политике и в повседневном словоупотреблении кровь “всех” народов, компактно селившихся в Европе, обозначается как “родственная”. Таким образом, к примеру, поляки, русские, венгры или португальцы так же родственны немецкой крови, как и германские народы. Это правило было построено на ложной предпосылке, что расовая структура всех европейских народов так близко родственна германскому народу, что для немецкой крови опасность ухудшения расы при смешении отсутствует. **Это ни в коем случае не так. Опасность смешения**

рас угрожает немецкому народу не только от чуждых народов, но и от смешения с кровью иноплеменных европейских народов, прежде всего славянских»^[189].

В первую очередь конкретные ограничения по расовому признаку коснулись тех славян, которые были угнаны на принудительные работы в рейх. Все остарбайтеры (с нем. – работник с Востока) обязаны были носить на правой стороне груди знак с надписью OST («Восток»). Предписания для восточных рабочих (Ostarbeitererlasse) требовали от них беспрекословного подчинения своему хозяину или персоналу фабрики, к которой их приписывали^[190]. Отказ от работы карался заключением в концлагерь либо смертной казнью.

За половые отношения с немецкими подданными, а также с другими иностранными рабочими и военнопленными восточных рабочих-мужчин ожидала смертная

казнь, а женщин – концентрационный лагерь. Параллельно 27 апреля 1942 года было издано распоряжение о правоприменении немецких законов в отношении немецких граждан на оккупированных территориях, которое **запретило гражданам рейха вступать в брак с жителями этих территорий.** Правда, планировалось сделать исключение для рейхскомиссариата «Остланд», включавшего в себя страны Прибалтики и Западную Белоруссию, однако до конца войны Гитлер так и не одобрил эту инициативу.

Контроль за отсутствием нежелательных половых связей был вполне серьёзным. Гиммлер на совещании с военачальниками в Бад-Шахене в октябре 1943 года сообщал: «Я или мы, то есть полиция, очень строги в части наказаний представителей чужих народов, вступивших в связь с немецкими девушками и женщинами. В каждом случае заводится дело, оно расследуется, и женщина вызывается в местный суд. Если женщина частично виновна, то есть дала обвиняемому повод, то

иностранец – речь идёт здесь о поляках и русских – пожизненно отправляется в концлагерь. В худших случаях его вешают прямо на месте. Это может показаться излишне суровым. Но, по моему мнению, мы обязаны ради нашего народа проявлять такую суровость. Если бы в кровь нашего народа попало чересчур много таких чужих капелек крови, это означало бы для нас разжижение величайшей ценности, которой мы обладаем, – а именно нашей крови»^[191].

Правда, чинам вермахта, если они захотят взять в жены девушку с оккупированных территорий, дозволялось обратиться с соответствующим прошением к фюреру. А в 1943 году для чинов вермахта сделали ещё одно послабление: разрешили создавать семью с фольксдойче, проживающей на Востоке, но опять же – после тщательной расово-политической проверки.

Вообще проблема смешения германской крови с кровью славян определённо тревожила Гитлера и особенно Гиммлера (последний на

нескольких совещаниях крайне пространно останавливался на том, как следует решать этот вопрос). По мнению рейхсфюрера, вливание германской крови в жилы никчемного славянства грозило в будущем появлением вождей, подобных Сталину, то есть таких, кто способен организовать сопротивление рейху.

«За 20 лет этот Сталин сумел из этого народа, из, как мы выражаемся, тупой и глупой массы, которая позволяет убивать себя как скот, создать мощную военную машину, — рассуждал Гиммлер перед руководителями СС и полиции 9 сентября 1942 года в Житомире. — Этот Сталин мог бы точно так же родиться в Китае и для Японии, вероятно, вместо Чан Кайши нашим противником там был бы Сталин, который вместо 200 миллионов организовал бы 450 миллионов и привёл бы в движение совершенно иные азиатские массы. Эту мысль я излагаю Вам лишь для того, чтобы Вам стало ясно: так же как Аттила родился в этом разнонародном месиве

унтерменшей – так же внезапно из связи двух людей может вспыхнуть искорка, соединяющаяся с растворёнными в этой массе, потерянными частичками нордическо-германско-арийской крови, которые единственно и позволяют править и организовывать – и тогда возникает Атилла, Чингисхан, Тамерлан, Сталин. Мы не хотим забывать, что на этом громадном азиатском пространстве подобное всегда может произойти, и если подобный гений, подобный диктатор, подобный Чингисхан явится на свет, а с другой стороны не будет кого-то подобного Адольфу Гитлеру, то для белой расы всё закончится очень скверно»^[192].

Чтобы пресечь возможность появления славянского лидера, рейхсфюрер настаивал на поиске и вывозе в рейх всех расово годных людей и в первую очередь детей. Те же расово годные славяне, которые будут противиться этому, подлежат уничтожению, так как либо они сами, либо их потомки могут представлять угрозу Великой Германии.

«Любую хорошую кровь – и это первое правило, которое вы должны затвердить, – что попадётся вам где-то на Востоке, вы должны либо заполучить, либо уничтожить. Оставить её на той стороне с тем, чтобы завтра снова объявился какой-нибудь вождь малого, среднего или крупного формата, было бы преступлением против себя, ведь победить нас может лишь наша собственная кровь или – выразимся здесь, в России, иначе – плоды, достижения нашей собственной крови. Ведь это не русские изобрели танк, не русские изобрели сталинский орган и все прочие вещи. Они лишь придумали, как это половчее украсть и скопировать. И разумеется, здесь остались ещё частички, германские вершки и корешки нашей крови, которые выглядят, как мы, которые имеют такой же мозг, как мы, – вот они-то и опасны. Просто тупой маленький человек в отсутствие вождя неопасен. И поэтому это правило должно – я действительно хочу сказать – неизгладимо запечатлеться в ваших головах: везде, где мы

найдем хорошую кровь, мы должны либо заполнить её для Германии, либо вы должны позаботиться о том, чтобы она прекратила существование. Ни в коем случае она не должна остаться жить на стороне наших противников»^[193].

Гиммлер был реалистом: он понимал, что за год войны бойцы армии и СС зачали в России множество детей – от нескольких сотен тысяч и, может, даже миллион, по его личной оценке. Этим детям следовало найти, проверить на расовую пригодность и в случае положительного результата вывезти в рейх. Проверять предлагалось и матерей: расово ценных можно было забирать в Германию вместе с детьми, а непригодных, соответственно, оставлять на Востоке, разлучая с ребёнком.

«Отсюда задание в рамках полицейского учёта всех немцев, которых мы собираем во временные формирования, создать и отделы учёта детей местных жительниц, происходящих от немецких солдат. При этом я

даю в ваше распоряжение стимул – я хочу предложить это фюреру – платить за такого ребёнка по 10 рейхсмарок в месяц. Таким образом мы по крайней мере получим приток заявлений. Затем работники главного управления по вопросам расы и поселения проведут – сначала черновой – расовый отбор, грубый отбор, при котором было бы сказано: та мать совершенно неприемлема. Во многих случаях идентифицировать отца не удастся, кроме того, нам наверняка будут подсовывать и русскую шелуху. Ясно, что будет трудно... Но постепенно мы дойдём и до тщательного отбора. Я исхожу из того, что пара сотен тысяч таких детей отправится в Германию, частично с матерями, частично без, чтобы растить их с самого малого возраста, с полугода или с года, в домах национал-социалистического благотворительного общества. То же самое верно и для прочих детей и людей с хорошей кровью. Об этом ещё рано говорить, но вы должны обратить на это внимание и уже сейчас присматриваться»^[194].

Присматриваться начали, и в разных частях Восточной Европы органы СС стали изымать детей, похожих на арийцев цветом глаз и волос. Малышей привозили в интернаты «Лебенсборна» – специального института воспитания нордического потомства, который Гиммлер основал ещё в 1935 году. Там в течение нескольких месяцев шло их медицинское и антропологическое обследование. Если ребёнок соответствовал критериям «истинного арийства», его подвергали «начальной германизации»: давали новое германское имя, обучали языку, внушали мысль, что он хорошо питается именно потому, что «принадлежит к высшей расе». За слово, произнесённое на родном языке, жестоко били. Потом «германизированных» детей отдавали на усыновление уважаемым немецким семьям. В основном в «Лебенсборн» привозили малышей от двух до шести лет, поэтому нацистам удавалось «стереть» их память о родителях и родном доме. Так,

предприниматель из Гамбурга Фолькер Хайнеке уже в зрелом возрасте, разбирая бумаги родителей, узнал, что он был усыновлён в двухлетнем возрасте, его настоящее имя Александр Литов, а родом он из Крыма^[195]. «Смутно помню, как человек в белом халате измеряет линейкой моё лицо, кричит на меня, чтобы я стоял прямо, а я плачу и закрываюсь руками. Следующая вспышка памяти – мрачный комплекс “Лебенсборна” под Дрезденом, который в 1938 г. открывал рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер: вопли надзирателей, рыдания детей... Недавно я приехал туда, прошёлся по коридорам. Казалось, комнаты говорят со мной: вот тут нас кормили, туда водили на физкультуру, тут заставляли зубрить немецкий язык», – так вспоминал историю своего похищения Хайнеке-Литов^[196].

В полной мере расовое унижение прочувствовали те наши соотечественники, которые в 1941–1944 годах были угнаны из отчего дома на принудительные работы в рейх.

Знак OST стал ещё одним – наряду с «еврейской» жёлтой звездой Давида – позорным символом расового унижения в нацистской Германии. Он демонстрировал воплощение жестокой юношеской мечты Гитлера: рейх стал настоящей колониальной империей, в которой гордым господам из метрополии прислуживали покорённые туземцы. Мысли о возможной расплате пока мало кому приходили в голову: весной-летом 1942 года штурм Берлина Красной армией представлялся германской элите столь же маловероятным, как штурм Лондона сипаями. Поэтому с «восточным быдлом» не церемонились.

В середине XX века в самом центре Европы расцвели самые настоящие невольничьи рынки, о которых выставленные на продажу люди из Петергофа, Орла или Киева ещё несколько лет назад могли лишь читать в увлекательных романах Жюль Верна. «Экваториальная Африка. Страна рабов и работорговцев», – слова «пятнадцатилетнего

капитана» Дика Сэнда наверняка вспоминались таким же пятнадцатилетним ребятам, когда покупатели на «бирже труда» оценивающе смотрели на их тела.

«Остаток ночи мы провели в холодных сырых бараках, – вспоминала остарбайтер из Стрельны Вера Фролова. – Мы сидели на полу, на грязной вонючей соломе, и, конечно, никому из нас было не до сна. А утром загремели засовы, распахнулась дверь, и два охранника по очереди стали вытаскивать нас по крытым ступеням на улицу. Потом, собрав нас вместе, погнали, как стадо баранов, по узкой улочке на маленькую площадь, вокруг которой стояли подводы и нетерпеливо прохаживались взад и вперед какие-то “господа”. Площадь эта и здание перед ней и оказались пресловутой “биржей труда”, а ожидающие люди (мне тошно называть их людьми!) – и были теперешними нашими хозяевами.

И началась церемония купли-продажи “живого товара” с Востока. Я не могу без

чувства отвращения и гадливости вспоминать всё то, что происходило там, на этой площади, в тот день.

Они набросились на нас, как стервятники, выхватывали из толпы, шупали, мяли, открывали рты, считали зубы. Да, да, в просвещённой, цивилизованной Германии они считали у нас зубы, как на ярмарке лошадей!

Вот один из “хозяев”, длинный и сухопарый немец, потянул меня за рукав из толпы невольников и, оглядев со всех сторон, подтолкнул к группе уже отобранных “восточников”. Сквозь общий многоголосый плач я услышала крик моей мамы. Этот крик, резанув прямо по сердцу, вывел наконец меня из состояния какого-то тупого, безразличного оцепенения, в котором находилась ещё со дня пребывания в лагере. Задыхаясь от ужаса, от страха потерять маму, я ринулась к столу, который вынесли прямо на площадь и за которым безразличные чиновники уже оформляли первые купчие. С дрожью в голосе, с трудом отбирая в памяти нужные слова, я по-

немецки говорила им о том, что они не имеют права издеваться над нами только за то, что мы – русские, что это бесчеловечно, это жестоко разлучать близких людей.

Чиновники молча, с усмешкой смотрели мне в рот, а среди “хозяев” произошло вдруг какое-то движение. Человек пять их направились ко мне, а один, круглый и пузатый, опередив всех, проворно схватил за руку. И мне стало ясно, что не мои возвышенные слова произвели на них какое-то доброе действие, а просто моё умение немножко владеть языком привлекло ко мне их чисто деляческое внимание»[\[197\]](#).

Наиболее тяжёлая участь выпала на долю тех остарбайтеров, которых массово скупали крупные промышленные предприятия концернов «Крупп», «Сименс», «Опель», «Юнкерс» и другие. Они жили в специальных лагерях, выстроенных возле заводов, и выводились на работы в сопровождении вооружённой охраны с овчарками. Местом обитания были бараки с нарами в два ряда и

каменным полом, которые ночью запирались на замок. Рабочий день официально составлял двенадцать часов в сутки, рабочая неделя была шестидневной, но нередко администрация принуждала «восточников» работать сверхурочно.

«Нары были двухъярусные, матрасы набиты колючей соломой, такая же подушка, серая простынь и два одеяла. Бараки насквозь продувались ветром. Вокруг лагеря была колючая проволока и вышки с пулемётами по углам. Лагерь охраняли полицейские с собаками. После того как одежда, взятая из дома, сильно истрепалась, нам выдали синие из очень грубой ткани костюмы: брюки и куртку. На ногах мы носили деревянные колодки, которые очень сильно натирали ноги. Вместо фамилии у нас был рабочий номер»^[198], – рассказывала о лагерном быте остарбайтер из Таганрога Лидия Гаврилова.

К тяжести физических работ постоянно прибавлялось моральное унижение: так, в цехах заводов «стального короля» Альфрида

Крупна по стенам развесили плакаты: «Славяне – это рабы». «Гнусное слово было произнесено, и с ним родился новый жаргон, – рассказывает об этом британский историк Уильям Манчестер. – Всё чаще во внутрифирменных меморандумах упоминаются “рабский труд”, “рабство”, “рынок рабов” и “рабовладелец”, то есть Альфрид»^[199]. Другим лозунгом, который встречал несчастных, угнанных в рабство, стал слоган «Кайне арбайт, кайн фрессен» («Нет работы – нет корма»). «По-немецки, когда ест человек, это называется “эссен”, о скотине же говорят “фрессен”; именно это слово употреблялось по отношению к рабам»^[200]. Первым зримым показателем расовой дискриминации остарбайтера был аналог нашивки со звездой Давида для евреев – позорный знак OST, учреждённый «Общими положениями о вербовке и использовании “восточных рабочих”» от 20 февраля 1942 года. Его следовало носить на верхней одежде с правой стороны груди. Инструкция гестапо от

30 октября 1942 года уточняла, что «знак должен накрепко пришиваться, а не прикалываться иголками и булавками»^[201]. Понимая, что нашивка призвана унижить их, сами «восточники» иногда горько расшифровывали ОСТ как русскую аббревиатуру «остатки сталинской сволочи»^[202].

Унизительный сам по себе, знак символизировал разные формы дискриминации, кодифицированные Гиммлером в «Распоряжении об использовании “восточных рабочих”» 30 июня 1942 года.

В первую очередь рейхсфюрер стремился ограничить контакты остарбайтеров с немецким населением, поэтому в «правилах» был прописан строжайший запрет на свободу передвижения. «Восточники» не имели права выходить за пределы лагеря или поместья без сопровождения надзирателя или разрешения «хозяина». В общественном транспорте рабочий, следующий куда-то по поручению

своего «владельца», не мог заходить в вагон. Лидия Гаврилова из Таганрога вспоминала: «После выписки из больницы я, в сопровождении полицейского, вошла в трамвай и должна была всю дорогу с забинтованной ногой стоять в тамбуре, так как входить “остам” внутрь вагона было запрещено. Когда кто-то заметил, что мне трудно стоять, то полицейский сказал: “Господа, это русская!” Больше мне никто мне предлагал сесть»^[203].

Остарбайтерам должна была начисляться заработная плата, но её размер в лучшем случае составлял $\frac{1}{3}$ от оплаты труда немецкого рабочего. Наличными же «восточники» получали и того меньше: из жалованья вычитались расходы на питание и проживание, которые закон никак не регламентировал, что давало немецким хозяевам возможность сокращать выплаты до минимума или не платить вообще. Кроме того, «хозяева» имели право требовать от рабочих сверхурочных работ, которые не оплачивались

дополнительно. Не начислялась оплата и детям до 14 лет, которые тем не менее были заняты на работах наравне со взрослыми^[204].

Откровенно дискриминационными были предписания о питании. Нацистские законы запрещали давать остарбайтерам высококачественные продукты: цельное молоко, мясо птицы, яйца, натуральный кофе, чай, конфеты. По поводу других продуктов были установлены недельные нормы, более низкие по сравнению не только с немецкими, но и с другими иностранными рабочими: 2375 граммов хлеба, 500 граммов мяса и животных жиров, 100 граммов маргарина. Однако в рабочих лагерях этот минимум никогда не исполнялся, в поместьях исполнялся далеко не всегда^[205].

Рабочие, занятые в промышленности, довольствовались баландой и эрзац-хлебом, который состоял из муки всего лишь на 20 %. На Нюрнбергском процессе управляющий локомотивным заводом Круппа показал, что главный вербовщик рабочей силы Генрих

Леман, со ссылкой на своего шефа, обозначил норму хлеба для русских в 300 граммов из расчёта на 400–500 часов. «Я сказал, что на такой норме (то есть 15 граммов в день) нельзя продержаться больше двух месяцев, но доктор Леман ответил, что русским военнопленным не дозволено получать такую же еду, какую получают западные европейцы». Естественно, что при таком питании люди падали от усталости и умирали десятками, а производственные задачи не выполнялись, но даже это не сильно беспокоило Альфрида Круппа. Наменяя на ущербность остарбайтеров, «танковый король» и на суде 3 июля 1947 года спокойно заявил: «Естественно, мы не могли бы добиться от них производительности, свойственной нормальному германскому рабочему»^[206].

Не всегда выполнялась норма и в аграрных хозяйствах. Галина Георгиевна Чуева вспоминает, что в поместье у бауэра им никогда не давали мяса, а картошку – только самую мелкую. Один русский рабочий

попросил у «хозяина» картошку покрупнее, но получил отказ [\[207\]](#).

Кроме того, остарбайтеры часто получали гнилые или тухлые продукты. Мать Галины Ивановны Скорняковой была поваром в рабочем лагере в Бреслау. Однажды ей привезли мясо, которое кишело червями. После отказа готовить это мясо для людей она была жестоко избита [\[208\]](#).

Вообще побои по любому поводу были частью быта рабов с Востока. Так, бауэр Шмидт, недовольный тем, что ребёнок срезал кукурузу на его поле, бешено избил не только его самого, но и его мать и сестру «так, что она потеряла... человеческий облик». Как вспоминала Вера Фролова, работавшая в том же поместье, «мы решили не оставлять без внимания эту историю и после работы подошли к Шмидту все шестеро с вопросом, за что, по какому праву так жестоко избил он тетю Дашу, Веру и Михаила? Он снова заорал, забрызгал слюной и повёл нас к кукурузе, где она, помятая и пожелтевшая, уже мирно

лежала на земле. Излив весь свой гнев, Шмидт злорадно добавил, что теперь-то уже эти собаки узнают почём фунт лиха... “А право?” – он недоумённо пожал плечами. О каком праве говорим мы? Да можем ли мы вообще говорить о каких-то правах, мы, которые проданы и куплены как самая простая, обыкновенная вещь? Он, и только он, Шмидт, волен распоряжаться нашей жизнью и нашей смертью, и это право дал ему сам Бог и великий фюрер»^[209].

Формально остарбайтеры могли обратиться за правосудием, но их дела относились не к компетенции гражданских судов, а к компетенции Главного управления имперской безопасности. Жалоба в жандармерию обычно не сулила «восточникам» ничего хорошего. Как установила историк Елена Данченко на большом фактическом материале, «в судебной практике в отношении восточных рабочих, как правило, действовала “презумпция виновности”». Но до судов чаще всего и не

доходило – соратник Веры Фроловой по неволе, Василий, прочувствовал это на собственной спине. Стоило ему обратиться с жалобой на Шмидта, распутившего руки от плохого настроения, как он был избит дубинками и выставлен из здания охраны труда: «Из городской полиции... Василию посоветовали идти на арбайтзамт. Пошёл. Встретили его “приветливо”: двинули пару раз по тому же уху, затем два субъекта – один с резиновой, другой с деревянной дубинками – долго гонялись за ним по кабинетам и коридорам биржи (здания охраны труда!), по очереди награждая ударами. Наконец Василий нашёл выход и выскочил наружу. Но и тут его не оставили в покое. “Честный блюститель порядка”, обладатель деревянной дубинки, не только “проводил” Василия через весь двор, а ещё гнался за ним по улице, к удивлению всех прохожих»^[210].

Таким образом, надежды на нацистскую полицию не было никакой, скорее помощь могла прийти со стороны простых немцев.

Галина Чуева вспоминает такой случай: у её старшего брата девяти лет прохудилась обувь, и мать запретила ему выходить на полевые работы. Однако бауэр, узнав об этом, вышел из себя, повалил ребёнка и начал бить его ногами. Мать пыталась помешать, но «хозяин», обладавший большой физической силой, с лёгкостью отшвырнул её. К счастью, женщина увидела в окно, что из церкви с воскресной службы идёт процессия во главе с местным священником. Она распахнула ставни и принялась звать на помощь. К её удивлению, сразу несколько человек во главе с пастором бросились к дому и стали выяснять, что происходит. Узнав об избиении мальчика, священник в присутствии горожан стал публично стыдить бауэра, чем немало его смутил. «Хозяин» вынужден был замять дело [\[211\]](#).

Ещё одним явным признаком дискриминации была необязательность оказания медицинской помощи. «“Восточные рабочие”, – отмечает Елена Данченко, – не

должны были обременять систему медицинского страхования населения Германии, поскольку их возрастная группа была в обычных условиях меньше всего подвержена риску заболевания. Кроме того, нацисты отправляли для работы в рейх здоровую рабочую силу, принуждая практически всех депортированных проходить на границе рейха медицинский осмотр. Однако тяжёлый физический труд и условия содержания в Германии быстро приводили советских граждан к потере здоровья»^[212].

Работа на промышленных предприятиях и вовсе превращалась в замедленное убийство. Лидия Гаврилова, трудившаяся в рурских шахтах, вспоминала: «Медицинскую помощь оказывали только в крайнем случае. Однажды, очищая лаз от породы, я потеряла сознание. Когда у меня началось горловое кровотечение, то всё, что мне дали, – холодную воду. Когда я натёрла ногу деревянной колодкой, то мне не дали бинта. Я оборачивала ногу бумагой от цементного мешка. Когда началось нагноение,

мне вскрыли ногу, делали соскоб с кости, чтобы понять: не поражена ли она туберкулёзом. После операции я скручивала бинты и тампоны, так как никто даром меня не собирался кормить». Другой остарбайтер, Надежда Ткачева, работавшая в рабочем лагере «Моортвите», рассказала, что «для больных и травмированных создавались так называемые “кранк-лагеря”. Мы страшно боялись попасть туда, так как там люди просто умирали без всякой помощи. Однажды, когда я затемпературила, мне дали просто полежать на ящике для хозяйственного инвентаря, лекарств никаких не давали»[\[213\]](#).

В аграрном секторе шансов выжить было больше – там всё зависело от доброй воли «хозяина». С одной стороны, минимальное лечение оплачивал владелец остарбайтеров, и обращение рабочих за медпомощью было ему невыгодно. С другой стороны, у хозяев средних и особенно мелких поместий не было возможности купить нового остарбайтера, а поток «восточников» между тем неуклонно

сокращался. Эти обстоятельства требовали заботиться о своём работнике. Но даже добрая воля со стороны «хозяев» не гарантировала медпомощи – «больничные кассы часто отказывались от оплаты лечения “восточных рабочих”, ссылаясь на разрешающий, но не предписывающий характер распоряжения»^[214].

Иногда же «лечением» просто маскировали убийство. Галина Чуева вспоминала, что однажды она и другая девочка из того же поместья заболели скарлатиной. Обоих положили в местную больницу. «Вечером немецкий доктор, которому я чем-то приглянулась, намекнул маме, пришедшей посидеть со мной, чтобы она не позволяла медсестре делать мне укол. Через несколько минут пришла сестра и сделала моей соседке инъекцию. Как выяснилось, инъекция была смертельной. А меня мама на следующий день забрала домой»^[215].

Таким образом, нет никаких сомнений в том, что русские, украинцы и белорусы с

советских территорий считались в рейхе низшими расами. Их дискриминационный статус как представителей «иноплеменной крови» был закреплён законодательно: особенно наглядным проявлением этого стал запрет на брак с германцами. Маленьких детей с внешними признаками принадлежности к арийцам искали и вывозили с восточных территорий, собираясь «германизировать» в интернатах «Лебенсборна». «Нордических» детей старше десяти лет Гиммлер предписал убивать, чтобы в будущем они не стали лидерами сопротивления. Полной горю и унижений была судьба советских остарбайтеров, которые носили на одежде позорный знак OST и находились в рейхе на положении невольников. Таков был промежуточный результат расистской политики Гитлера.

«Азиаты и русские роботы»: пропаганда и германские представления о русских в ходе войны

В ходе нападения на Советский Союз нацисты попытались полностью вывести понятие «Россия» из информационного поля. К этому ухищрению пропаганда прибегла, чтобы внедрить в сознание германского обывателя простую идею: после 1917 года России попросту больше нет. Так немцев подводили к мысли, что после победы над большевиками бывшие российские территории окажутся своего рода «чистым листом» и поэтому вполне естественно будет колонизировать их.

Важной задачей прессы на этом этапе стало устранение всех возможных ассоциаций Советского Союза с Россией. В начале июля

1941 года слова «Россия» и «русский» были официально запрещены для употребления в нацистской печати. Параллельно из прессы тотально «изгнали» информацию о русской культуре. «По моей просьбе фюрер налагает запрет на русских писателей и композиторов. Пока на всех», – записал министр пропаганды Йозеф Геббельс в своём дневнике. В директиве для средств массовой информации от 2 июля вполне откровенно говорилось: «С данного момента следует отказаться от обсуждения русского искусства, литературы и пр. Для нас вообще не существует **России**, только Советский Союз. Даже выражение “Советская Россия” не вполне желательно»^[216]. Впоследствии в арсенал словоупотребления вошли важные эвфемизмы. Вместо слов «русский народ» использовалось нейтральное «население», вместо слова «Россия» – в зависимости от контекста – абстрактное «Восточная Европа» или просто «Восток».

Та часть русской эмиграции, которая игнорировала программные заявления из

«Майн Кампф» и трактовала начавшуюся войну как схватку против коммунизма за возрождение «белой России», была жестоко обманута в своих ожиданиях. Уже 26 июня министерство пропаганды дало указание «не использовать заявления русских эмигрантов, желающих добровольно участвовать в борьбе с Советским Союзом». Спустя несколько дней последовало уточнение по данному вопросу: «Желания прежде всего старых царских эмигрантов полностью беспочвенны. Подобные запылённые великорусские планы совершенно неинтересны, ибо приведут опять к империализму»^[217]. Наконец 1 августа эта тема третий раз прозвучала в указаниях для прессы: «Прежде всего не позволено использовать отклики царских и белых русских. Мечты русских эмигрантов в Германии, Франции и где бы то ни было не имеют никаких надежд на осуществление. Любая реакция белых русских будет националистической, а посему неприемлемой. Мы не хотим превратить русских в хороших

немцев, а хотим сделать из них понятливых тружеников во благо европейского континента»^[218]. В том же русле лежит стремление нацистских пропагандистов свести к минимуму упоминания Петербурга и Москвы; как сказал Ганс Фриче редакторам газет, «всё равно этим городам не придётся существовать после нашей победы, поэтому привлекать к ним внимание бессмысленно»^[219].

Выведа, таким образом, за скобки русскую тему, Геббельс применительно к России начал энергично раскручивать «азиатский» мотив. Видным персонажем пропаганды внутреннего употребления (по канонам, заложенным, как мы показали выше, во времена Ливонской войны) стал дикий азиат – монгол или калмык, олицетворявший большевистские вооружённые силы и шире – всё русское общество. Для съёмок еженедельной кинохроники «Дойче Вохеншау», которую в рейхе показывали перед каждым киносеансом, среди советских

военнопленных специально отбирались люди с азиатской внешностью. Их демонстрация должна была уверить чувствительных фрау в том, что арийские бойцы вермахта сражаются на Востоке с чем-то вроде орд Чингисхана. «Вот всего лишь несколько примеров страшного большевистского недочеловека», – так комментировал эти кадры диктор. В результате выдуманные «монголы» с Восточного фронта стали настоящим кошмаром для жителей рейха. «Восточный фронт! Было что-то такое в этих словах, когда вы говорили, что направляетесь туда... как будто вы признались, что у вас смертельная болезнь. Вас окружало такое дружелюбие, такая вынужденная жизнерадостность, но в глазах было то особое выражение, то животное любопытство, с каким глядят на обречённых... И в глубине души многие из нас верили в это. Вечерами мы часто говорили о конце. Каждого из нас ждал какой-нибудь узкоглазый монгол-снайпер»^[220], – так вспоминал один из ветеранов вермахта.

Впрочем, «азиатская» линия пропаганды находилась в тесной связи с уверенностью нацистской верхушки, что русские, принявшие большевизм, действовали под влиянием дикой азиатской крови, которую на ранних этапах своей истории они впитали от финно-угорских народов, а потом и от татар. Розенберг называл советское государство «татаризованной Россией». «Большевизм означает возмущение потомков монголов против нордических форм культуры, является стремлением к степи, является ненавистью кочевников против корней личности, означает попытку вообще отбросить Европу», – читаем мы в «Мифе XX века»^[221]. Таким образом, аллегорически, по крови и духу, большевики и все, кто сражался под их знамёнами, в глазах гитлеровской элиты были именно монголами.

Азиатская – в негативном смысле – сущность России, и не только советской, часто подчеркивалась и в текстах за авторством немцев, посетивших оккупированную территорию. Так, архитектор Рудольф

Волтерс, совершив вояж на Восток в 1942–1943 годах, совершенно чётко определил, что граница между Европой и Азией проходит по Нарве: «У реки крепость Германнфесте – самый дальний немецкий форпост орденских рыцарей на северо-востоке. Напротив – невероятно тяжеловесный Иван-город, грозная азиатская крепость. Замкнутый большой прямоугольный каменный комплекс с несколькими едва выглядывающими из-за стен круглыми башнями... Ужасно сумрачное сооружение, открыто противопоставленное ясному облику башни немецкой крепости, которая стоит по оси дороги, ведущей с востока, и видна уже с расстояния в 20 км. Здесь начинается Германия – в этом нет никакого сомнения – и здесь, на другой стороне реки, начинается Азия»^[222].

За спиной озверелого азиата, согласно нацистской картине советских нравов, высился хитрый и жестокий еврейский комиссар. Любопытно, что сами немцы безоглядно верили в этот миф и стремились с

его помощью «разложить красноармейскую массу». Однако образ «жида-политрука, чья морда просит кирпича» от реальности отличался радикально и производил на советских солдат скорее отталкивающее впечатление. Так, политрук-панфиловец Василий Георгиевич Ключков во время боёв за Москву открыто зачитал перед бойцами текст вражеской листовки с призывом «убить комиссара», то есть его самого. Агитка была встречена смехом и предложением – в духе грубого солдатского юмора – использовать её «по назначению»[\[223\]](#).

Между тем внутри рейха верили в карикатурного еврейского комиссара, который безжалостно гонит в бой «пушечное мясо». В рамках разработки еврейской линии министерство Геббельса вообще дотошно выискивало более-менее влиятельных советских граждан еврейской национальности и выставляло их зловещими кукловодами, которые порою действуют из-за спин безвольных русских. Так, в рекомендациях

газетам предписывалось обязательно указать читателям, что жена Вячеслава Молотова – еврейка^[224]. Самому же вождю приписывали роман с Розой Каганович – никогда не существовавшей сестрой наркома путей сообщения Лазаря Моисеевича Кагановича, который в нацистской литературе часто представлялся настоящим хозяином Кремля. Клан Кагановичей якобы цинично манипулировал безвольным Сталиным: при этом спецслужбы Германии считали демоническую Розу реальным лицом и расспрашивали о ней пленного Якова Джугашвили^[225]. Другое пугало нацистские специалисты лепили из писателя Ильи Эренбурга, удостоившегося от Геббельса презрительного титула «домашний еврей Сталина»^[226]. На оккупированных территориях евреям иногда противопоставляли популярных советских русских; говорилось, что Молотов и Ворошилов уже 10 лет работают с немцами против жидобольшевиков.

Посетителям выставки «Советский рай» внушали: «Один взгляд на статистику евреизации высших государственных ведомств Советского Союза всё объясняет. Едва ли не все министерства, называющиеся согласно большевистской терминологии “народные комиссариаты”, управляются почти исключительно евреями»^[227]. Так пропагандисты рейха шли на прямой подлог: на самом деле среди советских наркомов в 1941 году было всего два еврея (упомянутый Каганович и глава наркомата боеприпасов Борис Львович Ванников). Ещё четверо государственных деятелей еврейской национальности занимали посты заместителей наркомов: это замы Молотова в наркомате иностранных дел – Максим Максимович Литвинов и Соломон Абрамович Лозовский, зам. наркома обороны Лев Захарович Мехлис и зам. наркома чёрной металлургии Давид Яковлевич Райзер.

Характерно, что нацистская пропаганда стремилась максимально демонизировать не

только политическую систему и вооружённые силы противника, но и гражданское население. В этом смысле красноречивы указания, которые ведомство Геббельса раздавало германским СМИ относительно того, как следует показывать обычных советских людей. Так, например, в сентябре 1941 года министерство пропаганды поставило на вид политической фотоцензуре следующее: «Берлинская газета (DAZ) опубликовала фотографию “наши полевые кухни кормят гражданское население горячей едой”. Это крайне неловкий ход, так как наша газетная политика стремится представить большевиков преступниками и унтерменшами. Таких людей не кормят горячей едой. Кроме того, на фотографии изображены очень милые пареньки, которых вполне можно представить в форме “пимпфов”»^[228]. Из этого отрывка понятно, что под большевиками нацисты понимали и самых простых жителей СССР, а не только членов ВКП(б). Откровенно по этому поводу высказался в своих мемуарах

Леон Дегрелль: «В 1941 году немцы считали всех русских большевиками»^[229]. Умолчал он лишь о том, что переменить отношение к местному населению немцев заставили поражения под Москвой и Сталинградом, но было уже поздно. Впрочем, вернёмся к пропаганде. Другое замечание в том же русле было сделано по поводу фото «милой девушки из Харькова». Цензоры отмечали, что «такую можно было бы встретить и в Вене, Мюнхене или Берлине», и внушали подопечным: «Будет неправильным фальсифицировать представление о России, создавшееся у немецкого народа и подтверждённое немецкими солдатами, с помощью таких ненатуральных фотографий, ни в коем случае не отражающих того, как на самом деле выглядят горожане»^[230].

Наиболее же распространённым в немецкой пропаганде образом гражданского русского стал так называемый «рабочий робот», тупое бескультурное эксплуатируемое существо. Оно обладало самыми

примитивными инстинктами, было грубым и нечистоплотным. Пожилая немка Мария Маут уже в наше время рассказала журналисту BBC Лоуренсу Рису, что в 1941 году она была уверена в расовом превосходстве немцев над русскими. «Русская история всегда была варварской, и мы тогда тоже решили, что ведь и правда — есть в этих людях что-то от дикарей, это ведь сразу видно! Все тогда говорили: “Господи, посмотрите на них! Лучше смерть, чем такая жизнь!” Да-да, именно так мы и говорили, слово в слово. В нашем представлении образ русских и так оставлял желать лучшего, а тут добавилась ещё одна черта этого народа — трусость, потому что наши войска так быстро обратили их в бегство». По словам Риса, «пропагандистские ролики лишь укрепляли веру собеседницы в то, что русские — “недоразвитые уроды”». Иногда в них показывали людей, больше походивших на обезьян, — носатых, лысых, немых, одетых в какие-то лохмотья. «Именно такой образ формировали в нашем

сознании. Видя это, мы действительно говорили себе – почему бы и нет? Как же можно так жить?»^[231]

Другая черта советского русского в нацистском изображении – полное бескультурье. Пропагандистское издание «Письма с фронта», в котором содержались фальшивые послания немецких солдат, устами мнимого лейтенанта Отто Диссенрота сообщало: «Они учились в советских школах. Это объясняет, почему они не видят никакого смысла в культуре, не знают никакой в ней потребности. Их дома пусты и холодны, намного беднее, чем в Польше. Никаких картин, никаких цветов, чтобы прикрыть пустоту»^[232]. Мемуаристка Вера Фролова, угнанная на принудительные работы в рейх, описала недоверчивую реакцию подростков из гитлерюгенда на рассказ остарбайтеров о школах в СССР: «Это всё пропаганда! В России только комиссары и дети комиссаров хорошо живут. Остальные обитают в трущобах, спят все вместе под одним одеялом, жрут что

попало... И то, что в ваших школах ученики помимо обязательной программы могут по желанию бесплатно обучаться техническим профессиям и даже, как артисты, выступать на сцене, – тоже неправда. Все русские – безграмотные дикари». Неудивительно, что эта тирада показалась школьникам из Стрельны неадекватной. «Дурак ты, ту, май-то, да ещё и набитый, – сказал Миша, выслушав мой перевод и повертев пальцем около виска. – Да я сам, к твоему сведению, занимался в фотокружке и в автолюбительском тоже. Захотел бы – после окончания школы пошёл бы работать шофером. В наших школах – он кивнул мне: переведи ему – в наших школах не только наукам обучают, но обязательно ещё какому-то иностранному языку. Откуда, например, вот она – он показал на меня – знает немецкий? В школе её научили – вот откуда!»[\[233\]](#)

Ещё одним сквозным – и бесконечно далеким от действительности – мотивом немецкой пропаганды стал животный разврат,

якобы царящий в Советском Союзе. Каталог выставки «Советский рай» просвещал посетителей: «Но ещё более ужасным, чем вся эта нищета, было полное разрушение семейной жизни, то есть начатое уничтожение семьи вообще. На выставке показан один из тех загсов, где без предъявления необходимых документов заключаются браки и за плату в 50 рублей регистрируются разводы. При этом характерно, что насчитываются бесчисленные случаи, когда мужчины и женщины бывают по многу раз женаты, не разводясь при этом с прежними супругами. Причину этого следует искать в том, что в целом отсутствует контроль документов»^[234]. Все эти тезисы были фикцией чистой воды. Хотя в первые годы после революции левая городская интеллигенция и правда развлекалась атакой на «буржуазный институт семьи» – на слуху была «теория стакана воды», гласившая, что утолить половую потребность так же легко, как выпить воды из стакана, – рабочей и крестьянской массе такие веяния были

глубоко чужды. С другой стороны, эти тенденции были жёстко раскритикованы и в большевистской среде – наркомом просвещения Луначарским и самим Лениным^[235]. С середины 1930-х советское государство вело уверенный курс на укрепление традиционной семьи.

Конечно, нацистская пропаганда работала и с реальным материалом. Сильное впечатление на немцев производила правдивая информация о разрушении церквей, жестокостях коллективизации, репрессиях НКВД, который в Германии по старинке продолжали называть ГПУ. Однако русский человек в разоблачительных материалах Геббельса всегда представлял не самостоятельным объектом, а исключительно пассивным субъектом еврейско-большевистского господства. Он либо тихо страдал в скотских условиях существования, не выражая никакого протеста, либо – примитивный и забитый – слепо исполнял волю комиссаров. Всё это представляло

резкий контраст с идеальным нацистским образом немца – человека чести, уверенного вершителя собственной судьбы – и не могло вызвать особенных симпатий.

В свете этого необходимо разобрать текст известной нацистской брошюры «Унтерменш» («Недочеловек»), которая была издана весной 1942 года ведомством Генриха Гиммлера^[236]. Несмотря на то что издание предназначалось в первую очередь для пропаганды в СС, уже летом того же года брошюру свободно можно было купить в книжных магазинах и газетных киосках Германии. Тираж памфлета в конечном итоге превысил три с половиной миллиона экземпляров.

Предметный научный анализ «Недочеловека» предприняли исследователи И. Ковтун и Д. Жуков в шестой главе книги «Русские ээсовцы». Их вывод гласит, что «пропагандисты СС не связывали понятие “унтерменш” со славянами и русскими. “Недочеловеком” мог быть “большевик”, “комиссар” и т. д... Итак, памфлет

“Недочеловек” не являлся руководством по истреблению славян»[\[237\]](#).

Вывод этот, однако, на наш взгляд, принять нельзя. Во-первых, историки по непонятным причинам совершенно игнорируют пассаж брошюры, посвящённый примечательному экскурсу в историю России. Согласно принятым в нацистской пропаганде правилам, Россия по большей части именуется здесь эвфемизмом «Восточная Европа», однако из контекста совершенно понятно, о чём идёт речь.

*«Бесконечно тянется степь русской территории – это Восточная Европа. Внезапный и резкий контраст, культурная пропасть в сравнении между Центральной Европой и этим огромным пространством. По обе стороны границы одна и та же земля – **однако не один и тот же человек...***

Для самого человека есть возможность наложить свой отпечаток на территориальный ландшафт. В то время как на немецкой стороне упорядоченное изобилие,

спланированная гармония полей, хорошо продуманное размещение сел, по другую сторону зоны непроходимые леса, степные просторы, бесконечные первозданные лесные массивы, через которые пробивают себе путь реки с песчаными отмелями.

Плохо обрабатываемая плодородная почва могла бы быть раем, европейской Калифорнией, а в настоящее время – это заброшенная, запущенная на огромных пространствах земля, которая по сей день катится в бездну культурного нигилизма. Эта земля является вечным обвинителем, выступающим против недочеловека и его господствующей системы»^[238].

Итак, вина за нынешнее запустение «Восточной Европы» лежит на евреях и коммунистах. Но, как становится ясно далее, они лишь поддерживают и усугубляют упадок в течение последних двадцати пяти лет, а сам этот упадок существовал всегда.

«Восточная Европа, она не поднялась выше нынешнего примитивизма. Она видела

лишь хаос, и всё потому, что ей недоставало человека – носителя высокой культуры, гения, который бы систематически управлял её развитием, который бы привнёс цивилизацию в её необъятные богатства, который улучшал бы её плодородные почвы. Конечно же, **развитые народы** Центральной и Западной Европы хотели заполучить эту землю, она была их целью. Сначала это были готы и варяги, которые основывали здесь империи и приносили культуру. Ганские, шведские, фламандские, нидерландские, швабские и нижнесаксонские поселенцы пытались принести свет в темноту. На протяжении столетий из этих земель звучал крик о помощи. Петр Великий, Екатерина II и все остальные звали немецкого крестьянина и немецкого офицера, европейского учёного, врача и инженера»^[239].

То есть если эта земля была целью **развитых народов**, то владели ею **народы неразвитые**. Кому же, по версии норманнской теории, принесли государственность варяги?

Чьим царём был Петр Первый? Совершенно очевидно, что речь здесь идёт в первую очередь о русских. Таким образом, признание наших предков исторически, вне зависимости от влияния большевиков, **неспособными к созиданию** в данном тексте обозначено вполне ясно. Если откинуть пропагандистские иносказания и умолчания, это будет практически точная цитата из «Майн Кампф» (*«Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам – превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы»*). Открыто сказано и о претензиях «развитых народов» на захват богатой и плодородной земли. Нет ничего удивительного в том, что всё это не находило понимания у коренных жителей потенциальной «европейской Калифорнии».

Во-вторых, на наш взгляд, Д. Жуков и И.

Ковтун упускают из виду, что брошюра имела целью радикально демонизировать реальные силы сопротивления. Авторы брошюры, как и создатели геббельсовских «Дойче Вохеншау», стремились искусственно придать противнику черты агрессивных азиатов, более того – увязать их с кочевыми завоевателями прошлого. Рассмотрим, как эта тема подана в «Унтерменше». Пропагандисты, сумбурно перескакивая от Петра Великого на полторы тысячи лет назад к Атилле, сообщают, что каждый раз *«силы тьмы одерживали верх, дух, пришедший на помощь, был бессмысленно и варварски уничтожен. Недочеловек бросил вызов человечеству, так началось ужасное нашествие Атилы и Чингиз-Хана. На безобразных низкорослых степных лошадях, почти сросшихся с животной шерстью, ханские орды с рёвом ворвались в Европу, их раскосые глаза блестели от возбуждения и алчного, кровожадного желания. За собой они оставляли пустыню, пожарища и разрушения. Как гласит хроника: “Гунны идут!” Как*

часто повторялся этот крик на протяжении столетий! Россия стала камнем преткновения, где недочеловеческие доктрины, нигилизм и большевизм появились на свет»^[240].

Рейхсфюрер Гиммлер шесть раз лично вносил исправления в текст брошюры, поэтому неудивительно, что приведённый абзац почти совпадает с его сентенцией, высказанной в кругу высших руководителей СС: *«Когда вы, друзья мои, сражаетесь на Востоке, вы продолжаете ту же борьбу против того же недочеловечества, против тех же низших рас, которые когда-то выступали под именем гуннов, позднее – 1000 лет назад во времена королей Генриха и Оттона I, – под именем венгров, а впоследствии под именем татар; затем они явились снова под именем Чингисхана и монголов. Сегодня они называются русскими под политическим знаменем большевизма».* Однако в массовом издании «Унтерменш», целью которого было

расчеловечивание противника, слово «русские» упоминать не стали. Здесь отряды недочеловеков составляют *«мулаты и финно-азиатские варвары, цыганские отбросы и чернокожие дикари – всё это основа обитателей современного подмира недочеловеков, во главе которых стоит неизменный облик вечного жиды»*^[241].

Очевидно, что перечисленные образы не стоит воспринимать буквально – мол, нацисты в своей ненависти ограничивались только означенными народами. Перед нами карикатурное пропагандистское изображение всей Красной армии и шире – всего советского общества, всего советского народа. Именно таким – ужасным, диким, враждебным, бесконечно чужим – должен был казаться рядовым европейцам враг на Востоке. Иллюстративный материал с образами оборванных киргизов, татар, цыган и, конечно, евреев призван был произвести максимально устрашающее впечатление на молодых эсэсовцев и особенно на жителей рейха.

Немцев настраивали против отвратительных карикатур, но убивали они реальных людей всех национальностей СССР.

Впрочем, слово «русские» в брошюре всё же встречается. Читателю показывают «русских рабочих», которые в соответствии со сложившейся нацистской традицией выглядят как отвратительные зомби. А вот никаких «арийских русских» из числа эмигрантов, которых можно было бы представить европейскими борцами против большевиков, мы здесь не найдём, и это понятно: «запылённые великорусские планы» были авторам текста совершенно неинтересны.

Таким образом, неудивительно, что брошюра, несмотря на все иносказания, читалась как гимн ненависти к народам, населявшим СССР. Именно так её понял, например, генерал А.А. Власов, ознакомившийся с «Недочеловеком» в германском плену. Текст подчинённых Гимmlера шокировал, уязвил и напугал главу РОА. Бывший советский полководец осознал,

что гитлеровцы так медлят с его признанием в качестве союзника вовсе не по причине сбоя бюрократической машины. Просто он не достоин этого как представитель низшей расы, и такие мысли, как мы увидим далее, жестоко терзали Андрея Андреевича. По словам гауптштурмфюрера Фрëлиха, приставленного к Власову, генерал очень страдал от немецких лозунгов про унтерменшей^[242].

Начальству Фрëлих сообщал о таких высказываниях своего подопечного:

«Вы, немцы, смешные всё же, вы не хотите работать с приличными людьми. Вы хотите работать только с наёмниками, которым вы платите, да и платите-то вы очень скупо. Вы хотите купить человека за пять пфеннигов. За эти пять пфеннигов мы должны стоять по стойке смирно, отвечая “Так точно!” и “Есть!”... В Китае не просто исполняли все мои желания, Чан Кайши использовал любую возможность, чтобы каким-либо образом выразить своё внимание, дружбу и уважение ко мне. К примеру, я впервые поехал в отпуск в

Россию до того, как мне должны были выплатить моё первое жалованье. Ч. предоставил мне (без моей просьбы, по собственной инициативе) аванс в 2000 долларов. Кроме того, он мне передал подарок на сумму в 3000 долларов... В Виннице, где я оказался после моего пленения, я должен был сам стирать своё белье. Полотенца у меня тоже не было. Чтобы вытереться, я использовал половую тряпку. Разумеется, я был пленным, но всё же – пленным генералом. Но для немцев я был унтерменш, для которого и половая тряпка вполне сгодится»^[243].

«Я пришёл к вам, немцам, чтобы воевать. Это моя профессия, я занимаюсь этим больше 25 лет. Я полагаю, что я всё же вполне умелый и опытный генерал и военачальник. Я также был заместителем наркома обороны. Моим приказам подчинялись три фронта. А здесь, в Германии, я не нужен. Моё прошение отклонили. Со мной даже не поговорили. Мне удалось завоевать симпатии лишь одного

человека, с которым я много общаюсь и которому я высказываю своё мнение. Но он всего лишь капитан. **А господа выше званием, похоже, мною не интересуются. Ах, ну да, я же унтерменш»**[\[244\]](#).

«Под моим именем велась и всё ещё ведётся мощная пропаганда. Я помог вам создать воинские соединения. Я и сегодня делаю всё для того, чтобы эти соединения не развалились. И что, мои действия заслужили признание? Да ничуть! **Со мной снова и снова обращаются как с унтерменшем.** К примеру, у меня, якобы командующего так называемой Русской освободительной армией (см. немецкую пропаганду, газеты), всего один комплект белья. Подштанники, которые я ношу, я завязываю спереди узлом, так как они изорвались в клочья»[\[245\]](#).

Андрей Андреевич всё понимал правильно. Во всяком случае Гиммлер, под контролем которого находился пленный генерал, именно так Власова и воспринимал.

Попытки номинального лидера Русской освободительной армии обратить на себя внимание выводили рейхсфюрера из себя. И это было не только личное, но и расистское раздражение – от того, что какой-то русский «забылся» и смеет советовать «расе господ».

Так, 6 октября 1943 года в публичной речи в Познани шеф СС грубо обозвал Власова «русской свиньёй» и наказал подчинённым не позорить достоинство «нордической расы», слушая доводы «недочеловека»:

«И тут идут мысли господина Власова: Германия ещё никогда не побеждала Россию. Россия может быть побеждена лишь русскими. Эта русская свинья, генерал Власов, предлагает нам свои услуги. И этому человеку некоторые наши старцы хотят вручить миллионную армию. Этому типу, на которого нельзя положиться, они хотят дать оружие и снаряжение, чтобы он выступил против России, а может, в один прекрасный день, что весьма вероятно, и против нас.

Сила наших немецких солдат и всего

немецкого народа в вере, в сердце и в убеждении, что мы как раса и как народность ценнее других. Это, господа, фундамент, предпосылка нашего исторического существования. Народ, расположенный в центре Европы, окружённый со всех сторон врагами, переживший Тридцатилетнюю войну, после которой осталось три с половиной – четыре миллиона человек, и который поднялся до исторических масштабов Великой Германии и будущего германского рейха, такой народ существует лишь благодаря своим качествам, своей расовой ценности. В момент, когда мы начинаем сомневаться в своей вере, в этой расовой ценности, Германия, германец терпят поражение. Потому что других больше, чем нас. Но мы ценнее, чем они. Наша задача в следующих поколениях, в следующие столетия, как когда-то в седой древности, добиться того, чтобы нордический человек снова стал над целыми материками, чтобы он правил миром. В момент, когда мы

начинаем подкапывать и взрывать этот фундамент, говоря по собственной инициативе, что мы не можем победить русских и что лишь русский может победить русского, в этот момент мы начинаем убивать себя сами»^[246].

Однако в сентябре 1944 года, когда положение на фронтах стало для Германии совсем угрожающим, Гиммлер переломил себя и согласился на встречу с тем, кого ещё год назад клеймил «русской свиньёй» и «подмастерьем мясника». Внешне их разговор прошёл в учливой уважительной манере. На вопрос Власова про памфлет «Унтерменш», рейхсфюрер ответил: «Брошюра, о которой вы мне напомнили, относилась исключительно к “большевистскому человеку”, продукту системы, к тому, кто угрожает тем же Германии, что он сделал на вашей родине. В каждом народе есть “унтерменши”. Разница лежит в том, что в России “унтерменши” держат власть в своих руках, в то время как в Германии я посадил их под замок и засовы.

Вашей первой задачей является провести ту же акцию и у вас в отечестве»^[247].

Д. Жуков и И. Ковтун полагают, что Власова объяснение удовлетворило. Это странно, так как брошюра ясно говорила не только про большевиков, но и про «неразвитые **народы**», которые не имеют права владеть «европейской Калифорнией», а этого сюжета рейхсфюрер касаться не стал. Но действительно, по словам власовского куратора и друга Вильфрида Штрик-Штрикфельдта, генерал вышел от рейхсфюрера воодушевлённым: *«Ни слова о сверхлюдях, ни звука о евреях... Да, Гиммлер как бы извинился передо мной, что его довольно долго вводили в заблуждение “теорией об унтерменшах”*^[248]. Если это верно, стало быть, Андрей Андреевич продемонстрировал поразительную наивность, не распознав вынужденное притворство собеседника. Разумеется, Гиммлера никто не вводил в заблуждение – он сам энергично вдавливал «теорию об

унтерменшах» в головы подчинённых и совершенно не собирался отказываться от расистских воззрений, что тут же и доказал. Когда Власов ушёл, шеф СС сказал о нём своему помощнику Гюнтеру Д'Алькэну: *«Может быть, мы и правда достигнем большего, если используем его не только в пропаганде. Но он славянин, он остаётся славянином»*^[249].

Между тем негативная реакция Власова на брошюру не была единичной. Гораздо важнее, что сигналы о подобном поступили с оккупированной территории. Уже в августе 1942 года Гиммлер получил следующее сообщение от бригаденфюрера Отто Олендорфа: «В настоящее время в рейхскомиссариате Остланд активно рекламируется изданная главным управлением СС брошюра “Унтерменш”. Во время инспекторской поездки представителей министерства пропаганды, восточного министерства и ОКВ, в которой также принимали участие представители РСХА,

выяснилось, что эта иллюстрированная брошюра оказывает пропагандистски невыгодное влияние на население рейхскомиссариата Остланд, так как **в ней жители восточных территорий обобщённо представлены недочеловеками и расово неполноценными.** Так как военная промышленность нуждается в большей части местных жителей как в послушной рабочей силе, подчёркивание их, так сказать, “недочеловечности” представляется нецелесообразным»[\[250\]](#). В результате ведомственных перепалок (и несмотря на недовольство Гиммлера) брошюра в скором времени была изъята из оборота.

Было ли заметным влияние господско-расистских установок на вермахт? В целом на этот вопрос можно ответить положительно: в основной массе армия согласилась с тем, что она ведёт колониальную войну за землю с населением менее ценным, чем немецкое. Историки Зенке Найцель и Гарольд Вельцер, которые анализировали данные британской

прослушки немецких военнопленных, отмечают, что части биологической картины мира национал-социализма встречались в вермахте повсеместно. Примерами цитат такого рода могут служить фразы *«Я не могу рассматривать русских как людей»* или *«Поляки, русские – что за сраное говно?»*^[251]. Характерно замечание одного немца, пронизанное сожалением о войне с британцами:

«Одно ясно: совершенно всё равно, кто будет разбит – немцы ли, англичане ли. Европа погибнет, потому что обе эти расы – носители культуры и цивилизации. Печально, что такие выдающиеся расы должны бороться друг с другом, а не вместе воевать против славянства»^[252].

В начале декабря 1940 года начальник штаба сухопутных войск Франц Гальдер, конспектируя тезисы совещания у фюрера, сделал в своём дневнике красноречивую запись: «Русский человек –

неполноценен»^[253]. Скорее всего, эта фраза принадлежала Гитлеру, но примечательно, что Гальдер привёл её без всяких сомнений и вообще без комментариев. Судя по всему, в этом вопросе глава рейха и сухой военный профессионал, который в конце войны примкнёт к заговору Штауффенберга и окажется за это в Дахау, были единодушны.

Подобный взгляд на русских был распространён в верхушке вермахта. Секретарь Гитлера Генри Пикер 19 мая 1942 года оставил любопытную запись о встрече фюрера с начальником штаба ОКВ: «Шеф завёл разговор о том, что одна из дивизий Советов особенно храбро сражалась на Керченском полуострове, дралась насмерть. Очевидно, это была так называемая дивизия идейных бойцов. Можно лишь порадоваться тому, что таких дивизий не слишком много, а это означает: Сталину не удалось привить коммунистическое мировоззрение всей Красной Армии. Маршал Кейтель заявил, что большинство русских и сейчас для этого слишком тупы»^[254].

Кейтель был знаменит умением соглашаться с обожаемым фюрером, за что в армии его презрительно называли «Лакейтель». Но вот мнение другого генерала, весьма прохладно относившегося к Гитлеру, Гюнтера Блюментрита – в 1941 году этот военный консерватор, в полном согласии с командующим ОКВ, заявил: «История войн России показывает, что русский солдат чувствует и думает, как полуобразованный азиат»[\[255\]](#).

В столь презрительных оценках не отставал и личный состав, тем более что с ним проводилась соответствующая работа. Руди Машке, рядовой 6-го пехотного полка 30-й пехотной дивизии, вспоминал: «Мой капитан Финзельберг за два дня до ввода нашей роты в бой прочитал доклад о Красной Армии... Потом он заявил, что пленных приказано не брать, поскольку они являются лишними ртами и вообще представителями расы, искоренение которой служит делу прогресса»[\[256\]](#).

Танкист 7-й танковой дивизии Карл Фукс писал жене с Восточного фронта в самом начале войны: «Тут не увидишь мало-мальски привлекательного, умного лица. Сплошная дичь, забитость, ни дать ни взять – дебилы. И вот эта мразь под предводительством жидов и уголовников намеревалась подмять под себя Европу и весь остальной мир. Слава богу, наш фюрер Адольф Гитлер не допустил этого»^[257].

Ему вторил унтер-офицер 9-й танковой дивизии группы армий «Юг» Вильгельм Прюллер: «Те, с кем мы здесь сражаемся, – не люди, а животные». Наблюдая за русскими женщинами, он отмечал, что внешне они даже очень ничего, «никто бы из нас не отказался», но «все они немые, просто на рвоту тянет. Тут у них сплошное распутство! Отвратительно!»^[258]

Унтер-офицер 3-й танковой дивизии Мартин Хирш был отчитан офицером из другой части за то, что под Брестом решил оказать первую помощь раненому русскому солдату. «Что это тебе в голову взбрело?» «Я

ответил ему, что должен был перевязать его. Тот взъярился на меня и выкрикнул, что незачем спасать этих “недочеловеков”»^[259].

Военврач Отто Рюле во время привала вдруг услышал выстрелы, это фельдфебель Моль застрелил русского «хиви», военнопленного, занятого на тыловых работах в вермахте. Это была месть фельдфебеля за ранение, полученное в бою с Красной армией. Дивизионный доктор посоветовал не писать докладную командованию, так как... «Моль всегда был исполнительным солдатом». «На этом дело и закончилось, – вспоминал Рюле. – Вскоре мы вообще забыли об этом случае. В конце концов, ведь речь шла о жизни какого-то русского! Яд расовой теории проник и в наши души, заглушив понятия о гуманизме...»^[260]

Иные немцы настолько верили в свое превосходство, что даже не подозревали, насколько нелепо выглядят порой их претензии. Так, некий конвоир принудил советского военнопленного Михаила Лукинова держать импровизированный экзамен по

литературе. Назвав по его просьбе несколько немецких писателей, Лукинов в свою очередь спросил охранника, кого тот знает из русских классиков. Услышав имена Толстого и Достоевского, пленник осведомился о Пушкине и услышал: *«А кто он был, националист или интернационалист?»* – *«Я даже затруднился ответить на такой вопрос и сказал, что он был просто великий русский поэт».* *«Значит, националист»*, – решил немец. И добавил высокомерно: *«Если бы он был великим, то я знал бы о нём»*^[261].

«Во всех приказах нам напоминали, что мы находимся в побеждённой стране и что мы господа этого мира, – вспоминал солдат 14-й роты 279-й пехотной дивизии Вилли Вольфзангер. Последствия этих напоминаний ярко, с большим художественным даром выписаны в его походных записках.

«В одной из деревень мы застряли на долгое время. Выгоняли женщин из домов, заставляя их ютиться в труппах. Не щадили ни беременных, ни слепых. Больных детей

выбрасывали из домов в дождь, и для некоторых из них единственным пристанищем оставалась только конюшня или амбар, где они валялись вместе с нашими лошадьми. Мы убрали в комнатах, обогревали их и снабжали себя продовольствием из крестьянских запасов. Искали и находили картофель, сало и хлеб. Курили махорку или крепкий русский табак. Жили так, не думая о голоде, который эти люди станут испытывать после того, как мы уйдём»^[262].

Вероятно, нечто подобное имел в виду и Гельмут Клауссманн из 111-й пехотной дивизии вермахта, когда писал, что «отношение к местному населению было правильно назвать “колониальным”. Мы на них смотрели в 41-м как на будущую рабочую силу на территориях, которые станут нашими колониями»^[263].

Любопытно, что отдельные командиры и чиновники военной оккупационной администрации оказались «святее папы

римского» в вопросе введения колониальных порядков и принялись насаждать на захваченной территории вещи совершенно дикие. Так, согласно донесениям сотрудников УНКВД по Ленобласти, работавших за линией фронта, «немецкие власти установили особый порядок приветствия советскими гражданами проходящих мимо немцев. В г. Кингисеппе и в целом ряде деревень, находящихся вблизи города, власти обязывают население при встрече с немцами останавливаться, поворачиваться лицом к идущему немцу, снимать головной убор и кланяться. Этот порядок обязателен как для мужчин, так и для женщин»^[264]. «Раса господ» настаивала на исключительном к себе отношении даже в самых бытовых ситуациях: «Тротуары в Гатчине – очень узенькие, русские, если шёл немецкий патруль, должны были обязательно сойти на дорогу»^[265]. Да и не только русские: посторониться немцы требовали даже от своих союзников испанцев из «Голубой дивизии». Темпераментные солдаты с

Пиренейского полуострова, однако, отказывались, и дело часто заканчивалось потасовкой.

Расовая сегрегация была особенно очевидна в городах из числа тех, куда вступила нацистская армия. Писатель Анатолий Кузнецов вспоминал оккупированный Киев: «Когда подошёл трамвай, толпа ринулась в заднюю дверь, а немец пошёл с передней. Трамваи были разделены: задняя часть для местного населения, передняя – для арийцев. Читая раньше про негров, “Хижину дяди Тома” или “Мистера-Твистера”, никак не мог предполагать, что мне придётся ездить в трамвае вот так. Трамвай проезжал мимо магазинов и ресторанов с большими отчётливыми надписями: “Украинцам вход воспрещён”, “Только для немцев”. У оперного театра стояла афиша на немецком языке. На здании Академии наук – флаг со свастикой: теперь здесь главное управление полиции»^[266]. В минских трамваях салонов для коренного населения не было вообще: в

них могли ездить только немцы^[267].

Игоря Малярова, находившегося на оккупированной территории Ленобласти, поразило то, что немецкие солдаты даже не стеснялись осуществлять на глазах крестьян отправление естественных потребностей: «Говорят: немецкая культура, а немецкий солдат запросто мочился прямо при бабах»^[268]. И это вовсе не единичный случай. Константин Власов вспоминал реалии оккупированного Харькова: «Немцы вели себя в городе так, как будто бы население в нём отсутствовало. Никому не уступали дорогу независимо от возраста и пола пешеходов. Прямо на улице могли справлять любую нужду и при каждом удобном случае старались подчеркнуть своё превосходство»^[269]. Жительница Ростова-на-Дону Вера Котлярова свидетельствует, что оккупанты «поставили в Кировском скверике деревянные настилы для уборной. И не стали делать загородку. Усядутся, выставят голые задницы. Они нас

вообще за людей не считали – как говорила мама»^[270]. Журналистка Олимпиада Полякова (Лидия Осипова), жившая под оккупацией в Пушкине и очень ждавшая немцев как освободителей от большевизма, записала в дневнике 4 января 1942 года:

«Между прочим, есть вещи, творимые этими самыми европейцами, которых русское население им никак не прощает и особенно мужики. Например, немцам ничего не стоит во время еды, сидя за столом, [испортить] напортить воздух. Об этом нам рассказывал со страшным возмущением один крестьянин. Он просто слов не находил, чтобы выразить своё презрение и негодование. И это естественно. Русский мужик привык к тому, что еда – акт почти ритуальный. За столом должно быть полное благообразие. В старых крестьянских семьях даже смеяться за едой считается грехом. А тут такое безобразное поведение. И ещё то, что немцы не стесняются отправлять свои естественные надобности при женщинах»^[271].

На то же самое обратил внимание социолог Сергей Кара-Мурза, который во времена нацистской агрессии был ребёнком: «Когда немцы в 1941 г. вторглись в СССР, наши поначалу кричали из окопов: “Немецкие рабочие, не стреляйте. Мы ваши братья по классу”. Потом из оккупированных деревень стали доходить слухи, что немцы, не стесняясь, моются голыми и даже справляют нужду при русских женщинах. Не от невоспитанности, а потому, что не считают их вполне за людей»^[272]. Это было неудивительно: так воплощался старинный колониальный принцип «мы здесь одни».

Хотя по оккупированным городам висели агитационные плакаты с лозунгом «Гитлер – освободитель», немцы нередко в глаза заявляли местным жителям, что им уготована роль прислуги для германского господина. Так, украинца Алексея Брыся, поначалу вполне лояльного к немцам, грубо осадил немецкий управляющий города Горохова Эрнст Эрих Хертер. «Брысь как-то сказал, что мечтает

однажды вернуться в мединститут и выучиться на врача. На что управляющий ответил ему в духе Коха: “Нам не нужны украинские врачи или инженеры, вы нужны нам только коров пасти”»[\[273\]](#).

Вслед за солдатами вермахта чувствовать себя «высшей расой» начали и фольксдойче – советские этнические немцы, которые оказались на оккупированной территории. «У них были серьёзные права, и они жили значительно лучше нас, потому что им и земли выделили, и лошадей. И хотя они при советской власти не бедствовали и передовыми были, но вот всё равно обрадовались немцам. *И очень быстро стали нас считать за людей второго сорта, хотя ещё вчера мы все вместе жили... Так они их быстро настропалили, что вы – “арийцы”... Они носили повязки со свастикой, ходили строем и распевали:*

Дойчен – гут!

Юде капут!

Русским тоже, а румынам позже!»[\[274\]](#)

Фольксдойче получали работу и повышенные пайки по сравнению с русским, украинским и белорусским населением, не говоря уже о евреях. Писатель Анатолий Кузнецов оставил такое воспоминание:

«Однажды после столовой мы зашли к Ляле. И вдруг я увидел на столе буханку настоящего свежего хлеба, банку с повидлом, кульки.

Я буквально остолбенел.

– Нам выдают, – сказала Ляля.

– Где?

Я готов уже был бежать и кричать: «Бабка, что же ты не знаешь, уже выдают, а мы не получаем, скорее беги!»

Ляля показала мне извещение. В нём говорилось, что фольксдойче должны в такие-то числа месяца являться в такой-то магазин, иметь при себе кульки, мешочки и банки.

– Что значит фольксдойче?

– Это значит – полунемцы, почти немцы.

– Вы разве немцы?

– Нет, мы финны. А финны – арийская

нация, фольксдойче. И тётя сказала, что я пойду учиться в школу для фольксдойчей, буду переводчицей, как она.

– Вот как вы устроились, – пробормотал я, ещё не совсем постигая эту сложность: была Ляля, подружка, почти сестричка, всё пополам, и вдруг она – арийская нация, а я – низший...»[\[275\]](#)

Если человек мог доказать свою принадлежность к «германской расе» и при этом выказывал лояльность к нацистам, он освобождался из заточения, получал работу и мог стать гражданином рейха. Военнопленный Георгий Сатиров (основатель Дома-музея А.С. Пушкина в Гурзуфе) описал в мемуарах курьёзный эпизод, когда в фольксдойчи был произведён блондин из Ярославля Николай Мацукин, отделавший квартиры сначала коменданта тюрьмы, а затем и его шефа из гестапо. «В один из вечеров начальник гестапо спросил полюбившегося ему Мацукина: “Кто ты по национальности?” “Как кто? Конечно, русский”. – “Врёшь! Я не верю, что ты –

чистокровный русский. Посмотри на себя в зеркало, разве русские такие бывают?” – “А я чем плох?” – “Ты не плох, ты слишком даже хорош для русского. Твой внешний вид выдаёт в тебе нордическую расу. Я не сомневаюсь, что ты фольксдойч”. Мацукин в конце концов согласился. Начальник тюрьмы освободил маляра-ярославца из тюрьмы, произвёл его в фольксдойчи, выхлопотал соответствующие документы и устроил на квартиру. Сейчас Мацукин благоденствует»[\[276\]](#).

Насколько распространено было высокомерное отношение к оказавшимся под оккупацией советским гражданам, можно судить, например, по докладу разведотдела 61-й пехотной дивизии (группа армий «Север») от 11 июля 1943 года. В нём в качестве причин враждебности местного населения значатся «неуважение к их душевным особенностям», «господское поведение с кнутом» и «наша болтовня о колониальном народе»[\[277\]](#).

В том же 1943 году среди солдат группы армий «Юг» по приказу командования

распространялась любопытная памятка «Десять заповедей немецкого солдата». Её текст, призывающий уважать достоинство русских, гуляет по блогосфере, будоража неокрепшие умы.

Давайте внимательно прочитаем эти заповеди.

1. Всегда сохраняйте свой авторитет среди местного населения.

2. Будьте справедливы.

3. Поощряйте русского, если он работает хорошо.

4. Не бейте русских.

5. Избегайте любых высказываний в адрес русских, которые дают понять, что немцы по отношению к ним являются высшей расой.

6. Уважайте русских женщин и девушек точно так же, как вы уважаете немецких.

7. Откажитесь от самовольных конфискаций и незаконных реквизиций продовольствия и имущества.

8. При разговоре с русскими всегда

проводите разницу между русскими и большевиками.

9. Будь сдержанным при разговоре с русскими о религии.

10. В обращении с русскими проявляйте спокойствие и чувство собственного достоинства: этим вы добьётесь большего, чем окриками и руганью^[278].

Этот документ весьма красноречив, поскольку отражает не только внешне гуманные стремления гитлеровцев, но и те явления, от которых они, попав в чрезвычайные условия, хотят избавиться. И если среди них есть запрет на оскорбления по расово-национальному признаку (пункт пятый), стало быть, такие оскорбления были реально распространены. То же самое касается призывов не избивать русских и уважать женщин. Вряд ли в 1943 году стоило накладывать табу на такие поступки, если они пресекались ранее. Это принципиальный момент, который нельзя игнорировать.

Чтобы избежать идеологических

спекуляций, связанных с этой памяткой, остановимся подробнее на историческом контексте, в котором она появилась. Марк Солонин приводит её текст в своей книге «Мозгоимение» как доказательство симпатий или, во всяком случае, лояльности немецкой армии к коренному населению: «Документ интересен тем, что показывает эволюцию взглядов командования вермахта на способы взаимодействия с населением оккупированных районов СССР»^[279].

Очень жаль, что Солонин умалчивает о причинах означенной эволюции. А ведь командующие немецкой армии стали требовать у подчинённых уважения к народам Советского Союза вовсе не из-за того, что внезапно открыли гуманизм в себе или глубокую духовность в оккупированных народах. 1943-й – это год, приход которого немцы почти не праздновали. Мыслями они находились в Сталинграде, где была окружена, а в начале февраля и уничтожена 6-я армия «героя Харькова» Фридриха Паулюса. Никогда

прежде за всю историю Германии не было случая гибели такого количества войск. Только убитыми 6-я армия вермахта потеряла более 140 000 человек. В стране был объявлен трёхдневный траур, закрылись увеселительные заведения, по радио транслировали только печальную музыку. Уныние и страх охватили немцев. Ветераны Восточного фронта впервые заговорили о том, что «если с нас потребуют плату хотя бы за одну четверть того, что мы натворили в России и Польше, нам придётся страдать всю жизнь, и страдать мы будем заслуженно»^[280]. В Берлине зазвучала мрачная острота: «Наслаждайся войной! Мир будет гораздо хуже!»^[281]

С другой стороны, стан борцов с рейхом охватило воодушевление. Будущий американский астронавт Дональд Слейтон, который в то время был военным пилотом и готовился к отправке на итальянский театр военных действий, вспоминал: *«Когда гитлеровцы капитулировали, ликование нашему не было предела. Все понимали, что*

это поворот в войне, это начало конца фашизма»^[282]. Французский писатель Морис Дрюон, боец Сопротивления и соавтор его гимна, рассказывал: «Как многие французы, я каждый день следил по карте за военными действиями в России, отмечал флажками освобождённые города: Орёл, Курск, Сталинград! Это была огромная радость для нас»^[283]. Другой выдающийся французский писатель Жан-Ришар Блок, находившийся в эмиграции в Москве, ободрял по радио соотечественников: «Слушайте, парижане! Первые три дивизии, которые вторглись в Париж в июне 1940 года, три дивизии, которые по приглашению французского генерала Денца осквернили нашу столицу, этих трёх дивизий – сотой, сто тринадцатой и двести девяносто пятой – не существует больше! Они уничтожены под Сталинградом: русские отомстили за Париж. Русские мстят за Францию»^[284].

В феврале 1943 года Гитлер и его

окружение отчётливо почувствовали, что «раса господ» может проиграть. Эта страшное осознание заставило лидеров рейха многое пересмотреть в своей политике. Фюрер и Геббельс выдвинули лозунг «тотальной войны»^[285]. В Германии был введён жесточайший контроль за рабочим временем, снята бронь с нескольких категорий граждан, заморожено всё невоенное строительство.

Были запрещены спортивные соревнования, закрыты глянцевого журналы и модные магазины, в меню ресторанов остались только блюда полевой кухни, что символизировало единство немецкой армии и народа. Министр пропаганды собирался даже запретить женщинам завивать волосы, но до этого дело не дошло. Изменилась и национальная политика на оккупированных территориях. Теперь, когда инициатива ускользала из рук вермахта, цена лояльности гражданского населения СССР, о которой раньше думали мало, существенно возросла. Только в это время мы фиксируем ряд

половинчатых мер, призванных привить войскам на Востоке более-менее уважительное отношение к аборигенам. Одной из них стало издание новых правил пропаганды от 20 февраля 1943 года, которые призывали разделять большевиков и русский народ. Другой – появление пресловутых «заповедей немецкого солдата».

Второй принципиальный момент в том, что Марк Солонин умалчивает, чем закончилось это тактическое начинание оккупационных войск. А оно, бесспорно, провалилось. Во-первых, к 1943 году немцы на оккупированной территории составили себе такую репутацию, что даже часть населения, которая была настроена антисоветски или приспособленчески, в основной массе от них отвернулась. Во-вторых, памятки и политические брошюры не могли конкурировать с жёсткими приказами верховного командования, нацеленными на устрашение гражданских лиц в борьбе с партизанами (например, с «Приказом о

бандах» от 16 декабря 1942 года). Английский бригадный генерал Чарльз Диксон и доктор Отто Гейльбрунн, последовательные противники коммунизма, писали о «заповедях» в своей капитальной монографии: «Эти инструкции были изданы слишком поздно, чтобы смягчить последствия гитлеровской политики террора». Во всяком случае какой смысл было вермахту «быть справедливым» по отношению к русским, когда руководители СД доносили, что «в соответствии с указаниями фюрера они выполняют свои задачи со всей безжалостностью, особенно в тех районах, где действуют партизаны и где рекомендуется поступать чрезмерно строго»^[286]. Остановить маховик колониального насилия было уже невозможно.

Итак, нацистская пропаганда отлично постаралась, чтобы покорители восточных земель глядели на коренное население как на людей второго сорта, рабов и ничтожеств. Полагать, что эта прочистка мозгов никак не

повлияла на многочисленные преступления, совершённые нацистами в СССР, крайне наивно. Совершенно справедливо замечание известного английского историка Алана Кларка: «Не требуется дара психиатрического анализа, чтобы увидеть, что подобное отношение было задумано для того, чтобы дать полную волю эксплуатации и жестокому обращению с “недочеловеками”»^[287]. Но расистско-господская пропаганда, как, собственно, и всё военное планирование немцев, превосходно работала лишь в формате блицкрига. В условиях затянувшейся войны ей уже не удавалось держать массовое сознание под тотальным контролем.

Сначала прозрение наступало у единиц. Рядовой Роланд Кимиг вспоминал: «Всех нас уверяли, что русские – неполноценные, большевики, недочеловеки и что с ними необходимо бороться. Но, увидев уже первых военнопленных, мы поняли, что никакие это не недочеловеки. Отправив их в тыл и используя в качестве подручных, мы

убедились, что это совершенно нормальные люди»[\[288\]](#).

Сомнения в начале войны охватили и полковника Луитпольда Штейдле, о чём он вспоминал потом в мемуарах. «После отражения одной из атак противника я оказался ночью в полуразрушенной деревенской школе. Из груды валявшихся книг я наугад вытащил одну. Здесь раньше была библиотека, которую варварски уничтожили. Это были стихотворения Гейне на немецком языке»[\[289\]](#). находка смутила офицера – слишком уж она не вязалась с образами дикарей, навязанными пропагандой. Впрочем, будь Штейдле более подкован в национал-социалистическом духе, он легко нашёл бы объяснение этому факту: ведь великий немецкий поэт был евреем.

В такой же шок врачей вермахта повергла встреча с пятиклассницей Зоей Васильевой, которая хорошо успевала по всем предметам и много знала: «Когда они узнали, что я училась ещё и в балетной школе, не поверили. Тут же,

в кузове, показала им своего “цыплёнка”. А учила ли я иностранный язык? В пятом классе мы уже начали учить французский язык, всё это ещё свежо в памяти. Немка что-то спросила у меня по-французски, я ей ответила. Они были поражены, что подобрали в деревне девочку, которая закончила пять классов, училась в балетной школе и даже её учили французскому языку. Надо было видеть их лица! Я не могу сейчас даже вспомнить то своё состояние. Осталось чувство оскорбления. От их глаз, от их слов... От их недоверия и удивления... А это были, как я поняла, медики, образованные люди. Им внушили, что мы дикари... Недочеловеки...»[\[290\]](#)

Разрушению репутации дикарей способствовал сам ход боевых действий. Офицеры и солдаты Красной армии демонстрировали именно то, чего фюрер настойчиво требовал от своих собственных солдат, – фанатичную стойкость и презрение к смерти. Узнав о том, что после поражения в

Сталинграде фельдмаршал Паулюс отказался застрелиться и сдался в плен большевикам, Гитлер пришёл в неопишумую ярость. Этот образец «презренного малодушия» не вязался с немецкими представлениями о нордической чести. Зато с ними вязались многочисленные акты самопожертвования со стороны бойцов противника. Сначала их пытались объяснить угрозами комиссаров, потом тупостью русской массы. Но в реальной боевой обстановке всё воспринималось совершенно иначе. Так, историки Найцель и Вельцер, изучавшие диалоги немецких военнопленных, зафиксировали очень уважительное отношение германцев к бойцам Красной армии во второй половине войны: «Это люди неслыханной твёрдости сердца и тел, они дерутся до последнего, эти русские, настолько фантастически, что в это не поверит ни один человек. Это просто страшно – как сражаются русские!»^[291] Практически то же отметил в мемуарах Генрих Метельман, канонир 222-й танковой дивизии вермахта: «Русские

зареккомендовали себя умелыми, выносливыми и бесстрашными солдатами, разбивая в пух и прах наши былые предрассудки о расовом превосходстве»[\[292\]](#).

Особенное брожение умов среди немцев началось, когда в Германию стали поступать эшелоны с остарбайтерами. Об этом буквально вопиют внутренние секретные доклады СД, которые зафиксировали недоумение германских обывателей при столкновении с реальными русскими в 1942–1943 годах.

Об ожиданиях немецкого гражданского населения в них говорится так:

«Подавляющее большинство немецкого народа... представляло себе советских людей как обречённую, полуголодную отупевшую массу»[\[293\]](#).

В другом документе отмечается, что «восточных людей в целом рассматривали как неполноценных в расовом отношении»[\[294\]](#).

Однако все стереотипы в той или иной

степени были опровергнуты. Шокирующими оказались результаты медицинских осмотров: выяснилось, что большая часть незамужних русских девушек сохраняют целомудрие, что совершенно не вязалось с геббельсовским тезисом о развращённом «советском рае». Наблюдая за «восточниками», немец не увидел и намёка на отмирание традиционной семьи; наоборот, остарбайтеры были крепко привязаны к своим родным и очень переживали, если с ними приходилось расставаться. Кроме того, многие работники с Востока были религиозны и носили нательные крестики — это опять же расходилось с пропагандой, которая выставляла всех советских людей воинственными безбожниками. Наконец, преувеличенным показался и тезис о довлеющем терроре ГПУ: немцы сталкивались с целыми группами остарбайтеров, из которых никто никогда не подвергался аресту. СД сообщало, что «часть населения проявляет по этому поводу [к пропаганде] скептицизм»^[295].

Самой слабой частью пропагандистского концепта рейха были тезисы о низком интеллекте и бескультурье русских. Разные отношения к проекту большевиков не могут отменить того факта, что всеобщее массовое образование и просвещение в 1930-х годах действительно стали реальностью советской жизни. До начала войны в стране была почти ликвидирована безграмотность, хотя ещё в 1920 году перепись населения зафиксировала, что около 60 % жителей только Советской России не умели читать^[296]. Накануне гитлеровского вторжения число студентов в СССР составляло 812 тысяч человек (в 8 раз больше, чем в 1913 году)^[297], число учащихся средних специальных учебных заведений – 975 тысяч человек (в 175 раз больше, чем в 1913 году)^[298]. Для распространения научных знаний повсеместно создавались Дома пионеров и кружки при школах, вузах, заводах и фабриках. На всех предприятиях были сформированы общедоступные библиотеки.

Началось массовое издание научно-популярных журналов.

Культурно-просветительский прорыв Советского Союза не оспаривается и в современной западной историографии. Американская исследовательница Шейла Фицпатрик акцентирует внимание читателей на том, что *«даже в свободное время, после работы и учебы, советские граждане были заняты самосовершенствованием. Каждый, кто бывал в СССР в 1930-е гг., отмечал среди его населения страстную любовь к чтению и тягу к знаниям. Пушкинский юбилей в 1937 г. стал национальным праздником, в свет выходили объёмистые издания русской литературной классики XIX века. Популярный еженедельник “Огонёк” в 1936 г. вёл постоянную рубрику “Культурный ли вы человек?”, дававшую читателям возможность проверить свои знания. Культурный советский человек должен был знать названия пяти пьес Шекспира, пяти марок советских автомобилей, четырёх рек в*

Африке, трёх типов военных самолетов, двух поэм Генриха Гейне, двух советских ледоколов, имена семерых стахановцев и двух представителей утопической социальной мысли»^[299].

Философ мирового значения Александр Зиновьев по этому поводу заметил: «Тяга миллионов людей к этому [к просвещению] была настолько сильной, что её не могла бы остановить никакая сила в мире»^[300].

Вопреки мифам удовлетворить эту тягу активно помогала старая интеллигенция. Царская империя накопила большие интеллектуальные силы, которые не рассеялись после революции. И хотя часть их покинула родину, другая часть осталась и включилась в созидательные проекты советской власти, подчас очень страстно. Показательно, что Россия имела «философский пароход», но не имела парохода академического. Из сорока пяти российских академиков, избранных к Октябрю 1917 года, в Отечестве осталось тридцать восемь. Все они

продолжили интенсивную научную и преподавательскую работу, но – для существенно расширившейся социальной базы. Это, например, глава Академии наук знаменитый геолог А.П. Карпинский, нобелевский лауреат И.П. Павлов, создатель геохимии В.И. Вернадский, соратник адмирала Макарова судостроитель А.Н. Крылов, один из основателей минералогии А.И. Ферсман, маститый математик В.А. Стеклов. В том же ряду стоят знаменитый поэт Серебряного века В.П. Брюсов, создавший в 1921 году Высший литературно-художественный институт, всемирно известный режиссёр К.С. Станиславский, легендарный селекционер И.В. Мичурин, пионер космонавтики К.Э. Циолковский, автор теории расширяющейся вселенной физик А.А. Фридман, изобретатель телевидения Б.Л. Розинг и многие другие. В Ленинградском доме пионеров, который открылся в 1937 году, бесплатные занятия с детьми лично вели востоковед академик В.В. Струве, зоолог и

географ академик Л.С. Берг, чемпион страны по шахматам М.М. Ботвинник.

За короткие сроки в СССР был создан культ книги, который проглядывает в самых незначительных на первый взгляд деталях. Красноречива в этом смысле история советского лётчика-истребителя Андрея Ровнина. В конце 1937 года его в составе авиационной спецгруппы направили в Китай – помогать восточному соседу в борьбе против японцев. По легенде Ровнин и его товарищи были гражданскими, антисоветски настроенными пилотами, приехавшими в Поднебесную подороже продать своё мастерство. На инструктаже в Генштабе их попросили придумать себе псевдонимы. Как же называли себя офицеры, отправлявшиеся на опасное задание в чужую страну? *«Я взял девичью фамилию матери, – рассказывает Ровнин, – а остальные назвались кто Онегиным, кто Ленским, кто Пушкиным, кто Гоголем – каких классиков читали, те фамилии себе и брали»*^[301]. А вот не менее

показательный факт. Герои-челюскинцы, высаживаясь с погибающего судна на льдину в Арктике, забрали с собой в числе самого необходимого и четыре книги: томик Пушкина, эпическую «Песнь о Гайавате» видного американского поэта Генри Лонгфелло и два романа нобелевских лауреатов – «Пан» Кнута Гамсона и «Тихий Дон» Михаила Шолохова^[302].

К мировой литературе советские люди приобщались и через кинематограф. В 1930-е и начале 1940-х были сняты не только пропагандистские картины, среди которых, к слову, были свои жемчужины вроде «Броненосца Потёмкина» и «Чапаева». Михаил Ромм экранизировал «Пышку» Ги де Мопассана, Константин Эггерт – бальзаковского «Гобсека», Григорий Рошаль – «Семью Оппенгейм» Лиона Фейхтвангера. Александр Ивановский поставил пушкинского «Дубровского», Сергей Герасимов – лермонтовский «Маскарад», Исидор Анненский – чеховских «Человека в футляре»

и «Медведя», а Ян Фрид – чеховскую «Хирургию». Не забыт был и Гоголь: одна за другой вышли картины «Шинель», «Женитьба» и уже в грозном 1941-м – «Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Очень важным фактором было то, что Советский Союз создал социальную моду на технологический прогресс. Подростки 1930-х буквально бредили авиацией, научным освоением полярного Севера, конструированием всевозможных аппаратов в диапазоне от радио до космических ракет. Приобщиться к знаниям по этим вопросам можно было по всей стране, не исключая провинцию. К примеру, современная исследовательница В.Д. Петрова сообщает, что в 1930-е годы в Якутске «шла пропаганда перехода от пассивного радиослушателя к активному радиолобителю. Необходимо было, чтобы каждый, имея основные детали, мог сам сделать у себя радиоустановку, сделать усилитель, собрать лишнюю лампу накала и

антенну, уметь ловить те волны и передачу тех станций, которых он пожелает»^[303]. На Горьковском автозаводе работало несколько кружков, самый посещаемый был посвящён популяризации науки. «В лекционном зале проходили вечера занимательной физики, химии, биологии, математики, астрономии... На крыше клуба был установлен телескоп, в который кружковцы наблюдали в тёплые летние ночи движения небесных светил»^[304].

Поэтому нет ничего удивительного, что СД отмечало: немцы всё больше и больше сомневаются в правдивости подчинённых доктора Геббельса.

«В германской пропаганде советский человек выступал как тупое эксплуатируемое существо, как так называемый “рабочий робот”. Немецкий сотрудник на основе выполняемой остарбайтерами работы и их мастерства ежедневно часто убеждался в прямо противоположном. В многочисленных докладах сообщается, что направленные на военные предприятия остарбайтеры своей

технической осведомлённостью прямо озадачивали немецких рабочих (Бремен, Райхенберг, Штеттин, Франкфурт-на-Одере, Берлин, Галле, Дортмунд, Киль и Бейреут). Один рабочий из Бейреута в этой связи сказал: “Наша пропаганда всегда преподносит русских как тупых и глупых. Но я здесь установил противоположное. Во время работы русские думают и совсем не выглядят такими глупыми. Для меня лучше иметь на работе 2 русских, чем 5 итальянцев”...

Во многих докладах отмечается, что рабочий из бывших советских областей обнаруживает особую осведомлённость во всех технических устройствах. Так, немец на собственном опыте не раз убеждался, что остарбайтер, обходящийся при выполнении работы самыми примитивными средствами, может устранить поломки любого рода в моторах и т. д. Различные примеры подобного рода приводятся в докладе, поступившем из Франкфурта-на-Одере: “В одном имени советский военнопленный разобрался в

двигателе, с которым немецкие специалисты не знали что делать: в короткое время он запустил его в действие и обнаружил затем в коробке передач тягача повреждение, которое не было ещё замечено немцами, обслуживающими тягач”.

В Ландсберге-на-Варте немецкие бригады проинструктировали советских военнопленных, большинство которых происходило из сельской местности, о порядке действий при разгрузке деталей машин. Но этот инструктаж был воспринят русскими покачиванием головы, и они ему не последовали. Разгрузку они провели значительно быстрее и технически практичнее, так что их сообразительность очень изумила немецких сотрудников.

Директор одной силезской льнопрядильни (г. Глагау) по поводу использования остарбайтеров заявил следующее: “Направленные сюда остарбайтеры сразу же демонстрируют техническую осведомлённость и не нуждаются в более

длительном обучении, чем немцы”.

Остарбайтеры умеют ещё из “всякой дряни” изготовить что-либо стоящее, например из старых обручей сделать ложки, ножи и т. д. Из одной мастерской по изготовлению рогожи сообщают, что плетельные машины, давно нуждающиеся в ремонте, с помощью примитивных средств были приведены остарбайтерами снова в действие. И это было сделано так хорошо, как будто этим занимался специалист»^[305].

Не менее чем технические навыки русских, удивляло немцев их гуманитарное развитие. Донесение СД из Франкфурта-на-Одере сообщало, что многие русские изъясняются по-немецки, так как этот язык изучается даже в неполных сельских школах». В сообщении из Бреслау говорилось про студентку из Ленинграда, которая «изучала русскую и немецкую литературу, она может играть на пианино и владеет многими языками, в том числе бегло говорит по-немецки»^[306].

Военнопленный Михаил Лукинов рассказывал, что один немец решил унижить его и задал вопрос о том, что такое Пунические войны, с уверенностью, что русский об этом не знает.

«Я решил не доставлять ему такого удовольствия и сказал, что это были войны Рима с Карфагеном в третьем веке до нашей эры, что было три войны за господство в Средиземном море, и что Карфаген был побеждён. Унтер был поражён и разочарован... Махнув рукой, он ушёл в караульное помещение, забыв притворить за собою дверь. Я слышал, как он сказал с досадой подвернувшемуся солдату: “Оказывается, эти пройдохи русские тоже знают о Пунических войнах”»^[307].

Научный сотрудник Эрмитажа Николай Никулин в «Воспоминаниях» рассказал историю известного лингвиста Игоря Дьяконова, который в годы войны служил переводчиком в Заполярье. Во время допроса пленного майора вермахта, который раньше

был филологом, Дьяконов начал декламировать стихи на готском языке, чем попросту шокировал немца. Тот «обнял Дьяконова, несколько минут приходил в себя, переживая крушение своих представлений о русских, о мире, а потом заговорил, заговорил и заговорил...»^[308]

Окончательным поражением антирусского пропагандистского дискурса следует считать 16 марта 1945 года, когда его в своеобразной манере признал сам Йозеф Геббельс. В этот день он записал в дневнике:

«Генштаб предоставляет мне книгу с биографическими данными и портретами советских генералов и маршалов. Из этой книги нетрудно почерпнуть различные сведения о том, какие ошибки мы совершили в прошедшие годы. Эти маршалы и генералы в среднем исключительно молоды, почти никто из них не старше 50 лет. Они являются... чрезвычайно энергичными людьми, а на их лицах можно прочитать, что они имеют хорошую народную закваску... я вынужден

сделать неприятный вывод о том, что руководители Советского Союза являются выходцами из более хороших народных слоёв, чем наши собственные... Я сообщаю фюреру о предоставленной мне для просмотра книге Генштаба о советских маршалах и генералах, добавляя, что у меня сложилось впечатление, будто мы вообще не в состоянии конкурировать с такими руководителями. Фюрер полностью разделяет моё мнение. Наш генералитет слишком стар, изжил себя... что говорит о колоссальном превосходстве советского генералитета»^[309].

Услышать из уст нациста сравнение русских и германских народных слоёв в пользу первых и даже само предположение об их конкуренции в 1941 или 1942 году было немыслимым. Но ход войны неумолимо вносил свои коррективы.

Подведем итоги. Очевидно, образ русских в нацистской пропаганде был совершенно уничижительным: их рисовали природными рабами. Это были тупые рабочие роботы,

чуждые понятий о культуре, бездумно исполняющие прихоти алчных господ-евреев. Для демонизации врага сотрудники Геббельса педалировали ещё один типаж Востока – дикого азиата-кочевника, который жаждет ворваться в Европу для её варварского уничтожения. Семантика этого образа вбирала в себя не только народы Азии, входившие в состав СССР, но и сами славянские народы, которые в соответствии с давней европейской традицией воспринимались как монголы по крови или, по выражению Розенберга, потомки монголов. Большевизм увязывался не только с еврейством, но и с азиатчиной, а этот ярлык Европа исторически вешала на Россию со времён Ливонской войны XVI века.

В общении с местным населением для солдат вермахта была характерна колониально-господская риторика – и до поражения под Сталинградом это мало волновало нацистских руководителей в Берлине. Только крах армии Паулюса сподвиг их на попытку из тактических соображений

провести чёткое различие между русскими и большевиками в своей оккупационной политике. Однако все их усилия оказались тщетны: армия была уже развращена, а коренные жители озлоблены по отношению к ней.

Кризис восприятия русских наступил и в самом рейхе. Прибывшие в Германию остарбайтеры зачастую оказывались не менее культурны, технически образованны и сообразительны, чем сами немцы. Всё это подорвало веру немецкого населения в пропаганду и, как следствие, в сам гитлеровский режим. Медийный блицкриг рейха не состоялся, а в затяжной информационной войне Йозеф Геббельс оказался совсем не так эффективен, как о нём принято думать, и в результате потерпел поражение.

Другой сценарий на Западе: не захват, а воссоединение

В романе Вальтера Скотта «Айвенго» ярко описан средневековый рыцарский турнир, устроенный храмовником Брианом де Буагильбером и его друзьями в Ашби. Бросить вызов зачинщикам мог любой воин благородного сословия: для этого надо было ударить копьем в щит, что висел у входа на ристалище. Если рыцарь хотел сражаться тупым оружием, подходящим для «показательного боя», он бил тупым концом копья. Если же хотел сражаться насмерть – ударял острым концом. Опасаясь опытных ратоборцев, гости турнира предпочитали сражаться тупым оружием. И только загадочный Рыцарь, Лишённый Наследства, под маской которого скрывался главный герой, вызвал заклятого врага Буагильбера на смертельный поединок.

Эта история из недр европейской культуры кажется прекрасной метафорой событий Второй мировой. Гитлер ударил во французский щит тупым концом своего тевтонского копья, в течение так называемой «странной войны», то есть с сентября 1939-го по май 1940-го, он несколько раз обращался к противникам с просьбой о мире. Его воистину рыцарский поступок – остановка танковых армий под Дюнкерком – дал возможность англичанам эвакуировать войска с материка и тем самым сохранить лицо. Но главное в том, что, войдя на территорию Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Франции, гитлеровские солдаты вели себя отнюдь не как варвары-поработители. Война без ненависти, победа без унижения павшего – такова была тактика фюрера на Западе.

В западном походе вермахт руководствовался «Десятью заповедями по ведению войны немецким солдатом». Этот документ декларировал, что:

- «немецкий солдат воюет по-рыцарски за

победу своего народа. Понятия немецкого солдата касательно чести и достоинства не допускают проявления зверства и жестокости;

- запрещается убивать противника, который сдаётся в плен, данное правило также распространяется на сдающихся в плен партизан или шпионов. Последние получают справедливое наказание в судебном порядке;

- запрещаются издевательства и оскорбления военнопленных. Оружие, документы, записки и чертежи подлежат изъятию. Предметы остального имущества, принадлежащего военнопленным, неприкосновенны;

- Красный Крест является неприкосновенным. К раненому противнику необходимо относиться гуманным образом. Запрещается воспрепятствование деятельности санитарного персонала и полевых священников;

- гражданское население неприкосновенно. Солдату запрещается заниматься грабежом или иными

насильственными действиями. Исторические памятники, а также сооружения, служащие отправлению богослужений, здания, которые используются для культурных, научных и иных общественно-полезных целей, подлежат особой защите и уважению. Право давать рабочие и служебные поручения гражданскому населению принадлежит представителям руководящего состава. Последние издают соответствующие приказы. Выполнение работ и служебных поручений должно происходить на возмездной, оплачиваемой основе»^[310].

Документ был составлен в духе прусской военной традиции и соответствовал всем международным законам. Более того, нарушение изложенных в нём правил преследовалось крайне строго. В 1941 году Гитлеру пришлось приложить немало усилий, чтобы объяснить армии, почему на Востоке не нужно следовать правилам, соблюдения которых так настойчиво требовали на Западе. Впрочем, в конце концов это ему удалось.

В Центральную Европу германцы вошли

сильными, благородными, великодушными победителями. «Вследствие безупречного поведения наших войск наше отношение с французским населением в те полгода, что я провел во Франции, ничем не было омрачено», – отметил в своих мемуарах Эрих фон Манштейн. Из своей памяти он извлёк лишь один случай, когда его подчинённые оказались не на высоте, но что это был за проступок? «Когда я однажды проезжал мимо одной виллы, которая была оставлена недавно нашей частью и оказалась в довольно большом беспорядке, я приказал старшине роты возвратиться на виллу с командой и навести там порядок»^[311]. Вот и всё.

В своих воспоминаниях Манштейн вряд ли лукавит. Они подтверждаются французскими современниками. «Людоед подпил себе зубы, чтобы казаться улыбчивым»^[312], – так написал о поведении оккупантов будущий классик литературы Морис Дрюон. Но это мнение адъютанта генерала де Голля, бежавшего с родины в

Англию, чтобы продолжить борьбу. Тысячи менее брезгливых французов не только не атаковали людоеда, но и с радостью присоединились к его пиршеству.

Маршал Петен, престарелый герой Первой мировой, подписал с Германией мир, отдав фюреру две трети французской территории и ограничившись миниатюрной Францией со столицей в Виши. Даже эта формально независимая страна по сути стала гитлеровской провинцией, где Петен поспешил ввести Нюрнбергские законы, не дожидаясь окрика своего молодого сюзерена. Наряду с движением Сопротивления, сберегавшим национальную честь, во Франции крепло и ширилось движение Содействия, формировавшееся вокруг общеевропейского дела. Фундаментом этого дела были евроцентризм, антисемитизм и антикоммунизм.

Французская нация была деморализована ещё и потому, что движение Содействия возглавил человек, имя которого

ассоциировалось с победами французского оружия и французского духа. Во время Первой мировой войны Анри Петен сумел переломить ход боевых действий в свою пользу и вышел победителем из «верденской мясорубки». В 1935 году правые партии шли на выборы с лозунгами «Нам нужен такой, как Петен». О степени его популярности можно судить по тому, что сам Шарль де Голль назвал в честь победоносного военачальника своего старшего сына. Авторитет этого убелённого сединами старожилы был весьма высок и после поражения. Как вспоминала русская эмигрантка Нина Кривошеина, «из-за того, что правительство, подписавшее перемирие с Гитлером, возглавлял маршал Петен, народный герой (сам он был крестьянский сын, что играло тоже немаловажную роль в его популярности...) – многие французы, не только “правые”, а самые широкие круги, не смели осуждать правительство Виши и считали, что Петен чуть ли не спас Францию...»^[313] Когда Морис Дрюон и

несколько его однополчан явились к командиру с просьбой отпустить их в Англию к лидеру нарождающегося сопротивления, тот ответил: «Я полагаю, что маршал Петен более компетентен в вопросах французской чести, чем генерал де Голль»^[314]. И это понятно: на тот момент за де Голлем не стояло громких побед, он пробыл военным министром всего тринадцать дней, а чин генерала получил во время войны, которая завершилась для его армии катастрофой. Увидев Шарля с генеральскими погонами в разгар немецкого наступления, Петен сказал: «Вы уже генерал! Не могу Вас с этим поздравить. К чему при поражении чины?!» – «Но ведь и Вас же, господин маршал, произвели в генералы во время отступления 1914-го? А спустя несколько дней мы одержали победу на Марне». – «Не вижу ничего общего!» – осадил собеседника старый маршал^[315].

Итак, летом 1940 года будущей лидер «Свободной Франции» был героем-одиночкой, неудобным для своего дряблого правительства

и чуждым для своего деморализованного народа. «Мало тогда кому известный де Голль со своего лондонского балкона склонялся к старой даме Франции, с задравшейся нижней юбкой и измятым шиньоном скатившейся на самое дно чёрной пропасти. Не считая спасительных поползновений этого пожарного, оставшегося без пожарной лестницы, не было ни одного француза, бельгийца, люксембуржца или голландца, который верил бы в воскрешение демократического мира, разлетевшегося в прах за несколько недель», – так характеризует ситуацию бельгийский фашист Леон Дегрелль^[316]. И надо сказать, что это желчное высказывание не так уж далеко от истины. Во всяком случае сам де Голль в тот момент ощущал фатальное одиночество. Вспоминая свой первый день в Лондоне, он писал: «В то время как я устраивался на квартире, а лейтенант Курсель, звонивший в посольство и миссии, уже получал всюду сдержанные ответы, я, одинокий и лишённый всего,

чувствовал себя в положении человека на берегу океана, через который он пытается перебраться вплавь»^[317].

Между тем нет оснований представлять Петена бессовестным негодяем, для которого имели значение только личная власть и финансовые подачки от фюрера. Рассуждая о его действиях, необходимо учитывать несколько обстоятельств.

Безусловно, перспектива продолжения борьбы для Франции оставалась: в Африке находились её богатые колонии, там стоял в полной боевой готовности её могучий флот. Французское правительство могло объявить «тотальную» или «отечественную» войну за независимость. Правда, однако, заключалась в том, что Франция не жаждала такой войны, не была готова к ней морально. Историк Анри Руссо писал, что «широкое распространение во Франции получил пацифизм, порождённый травматическим опытом Первой мировой, что отчасти объясняет характер предвоенной внешней и оборонной политики страны. Люди

в подавляющем большинстве отвергали саму идею новой войны, и тогдашние правительства, как правые, так и левые, это, естественно, учитывали. В результате, хотя в 1940 году французские солдаты действовали отнюдь не столь пассивно, как принято считать, последовавшее за первыми неудачами (Седан, Дюнкерк) предложение прекратить войну было с одобрением встречено большинством населения»^[318]. На наш взгляд, эта позиция нуждается в уточнении: правительства, конечно, учитывали пацифизм населения, но ведь на то они и правительства, чтобы в нужный момент мобилизовать своих граждан на защиту от внешней агрессии. Французское государство с этой задачей, очевидно, не справилось, хотя возможности такие имелись. И для этого вовсе не обязательно было идти по радикальному нацистскому пути: в Германии, где антивоенные идеи были популярны не меньше, чем во Франции, нацисты с немецкой дотошностью вытравивали их из сознания

молодежи, не постеснявшись устроить даже публичное сожжение пацифистских книг Эриха-Марии Ремарка. Делая вид, что война если и заденет французов, то только краешком, лидеры Франции в итоге получили страну, не готовую сражаться.

В пропагандистском очерке Ильи Эренбурга, написанном для советской аудитории, приходу немцев радовались только пятьдесят столичных проституток^[319]. Но в реальности это было не так. Визит вермахта на Елисейские Поля означал для французов окончание войны, и для большинства он был дороже суверенитета. Есть известное фото, на котором французские солдаты возвращаются из немецкого плена в вагоне с надписями: «Да здравствует маршал! Да здравствует европейская Франция».

В этих условиях возможность победы над Германией казалась Петену призрачной, а жертвы, которые придётся принести ради неё, – ужасными. И тогда он поступил цинично: примкнул к победителю, надеясь, что

сотрудничество с Германией оплатит для Франции более-менее достойное место в послевоенном мире.

Кроме того, идеи Гитлера были не так уж чужды этому старому консерватору. Он полагал, что удивительный паралич власти и разлад управления, которые явились миру во время последней кампании, были результатом ошибочной внутренней политики последних лет. Его раздражали бесконечные словопрения в парламенте, пренебрежение религией, девальвация семейных ценностей, праздность элит, интриги либералов и козни коммунистов. Он считал поражение закономерным итогом политики болтунов и хвастунов. Наконец, Анри Петен, как и Гитлер, был закоренелым антисемитом. Отсюда главные законы его правления: принятие диктаторских полномочий, замена лозунга «свобода, равенство и братство» на «семья, труд, отечество», воссоединение церкви и государства, введение католичества как обязательного предмета в школах, развитие

физкультуры и спорта по немецкому образцу и, конечно, антиеврейские акты.

Очевидно, Петен считал себя прагматиком, а де Голля авантюристом, но история всё расставила по своим местам. По действиям старого маршала видно, что он действительно пытался как-то ограничить немецкое влияние на подконтрольном ему обрубке Франции – даже хотел избавиться от пылкого германофила Пьера Лаваля, дважды навязанного ему в премьеры, однако всё было тщетно. Тем временем к опальному генералу стекалось всё больше и больше патриотов: в 1942 году, после битвы при Эль-Аламейне, африканские колонии признали власть его «Свободной Франции». В ответ на это Гитлер оккупировал зону Виши и с тех пор творил там что хотел. Политическое влияние Петена упало до минимума. Однако и раньше никто не собирался признавать в нём равного игрока. Геббельс ещё в 1940 году записал в своём дневнике: «Если бы французы знали, что фюрер потребует от них, когда настанет время,

у них, наверное, выскочили бы глаза из орбит, поэтому хорошо, что мы пока не раскрываем своих замыслов и пытаемся выбить из покорности французов всё, что вообще возможно»[\[320\]](#).

На чём строил Гитлер идеологическую политику в покорённой Европе? Следует признать, что немецкий лидер зрел весьма глубоко. Он осознавал, что в начале XX века Запад столкнулся с фундаментальной проблемой утраты смыслов бытия. Об этом много писали мыслитель Макс Вебер и несостоявшийся личный философ фюрера Мартин Хайдеггер, прямо назвавший Запад «мышеловкой». Позже этой проблеме посвятил свою монографию «Человек в поисках смысла» один из наследников Фрейда, узник нацистских концлагерей Виктор Франкл. Нацизм давал своеобразный ответ на вызов потери смысла, перечеркнув общеевропейский идеал добропорядочного рационального лавочника и заменив его сверхчеловеком – «белокурой бестией».

Гитлер звал молодых европейцев бросить свои уютные скорлупки и, жертвуя собой, отправиться в полное опасностей великое путешествие – творить историю, переделывать природу, осваивать таинственные неизведанные пространства на Востоке. Тот энтузиазм, который пытался пробудить фюрер в детях европейских бюргеров, был похож на тот, с которым молодежь СССР тогда же осваивала Север и позже космос. Только в гитлеровской концепции соблазнения Европы роль неизведанного космоса, который принесёт людям неисчислимые блага, играла Россия.

«Надо было слышать, как Гитлер в своём бункере рассказывал о планах на будущее! Громадные каналы должны были соединить все крупные европейские реки, так чтобы можно было проплыть по ним от Сены до Волги, от Вислы до Дуная. Двухэтажные поезда – внизу багаж, наверху путешественники – по подвесным дорогам, проложенным на четырёхметровой высоте,

позволяли бы с удобством пересекать всю бескрайнюю восточную территорию, на которой вчерашние солдаты налаживали бы сельское хозяйство и возводили бы самые современные заводы в мире»^[321].

Это строки из воспоминаний харизматичного бельгийского националиста Леона Дегрелля. Он был одним из тех, кто откликнулся на призыв нацистского лидера. В 1944 году фюрер сказал о нём: «Если бы у меня был сын, я бы хотел, чтобы он был похож на Дегрелля»^[322]. До самой своей смерти в 1994 году этот командир этнической бельгийской дивизии СС «Валлония» оставался верен духовному отцу, отрицая холокост, проклиная советских «недочеловеков» и отпуская ядовитые стрелы в адрес скончавшихся победителей. Его мемуары – ценнейший документ, который пронизан скорбью о том, что мечты преодолеть бессмысленное западное обывательство через победу рейха не воплотились.

«Молодежь должна была создать новый мир, новую Европу, рождённую силой гения и силой оружия. Миллионы молодых европейцев, которые во время войны спокойно жили, питаясь запасами своих папаш или пробуя себя на чёрном рынке, должны были, в свою очередь, пройти серьёзное испытание. Вместо того чтобы прозябать в своих забытых Богом краях, торгуя до старости копчёной селёдкой и мочёными яблоками, миллионы юношей и девушек должны были отправиться осваивать бескрайние восточные земли. Там они смогли бы начать новую, достойную жизнь, став организаторами, творцами, вождями!

Вся Европа пришла бы в движение, благодаря этому потоку юной энергии.

Идеал, который всего за несколько лет овладел сердцами молодёжи Третьего Райха, поскольку он значил для них мужество, самопожертвование, честь, стремление к высокому, точно так же овладел бы сердцами молодёжи всей Европы. Конец серой жизни!

Конец жизни, навечно привязывающей к родному столу и обеспеченной кормушке, полной родительских предрассудков, погрязших и заплесневевших в ничтожестве! Перед ними открылись бы широчайшие, блестящие перспективы!

Новый мир без границ, раскинувшийся на тысячи километров, звал молодёжь. В этом огромном мире можно было вздохнуть полной грудью, в нём хотелось бы жить на полную катушку, трудиться с полной самоотдачей в радости и в вере!»^[323]

Дегрелль и правда пишет о «бескрайних восточных землях» так, как будто это пустынный космос, куда он и его собратья приходят первооткрывателями. Такой евроцентричный радикализм, когда коренные жители будущей колонии даже недостойны упоминания, не исключено, и стал одной из причин, по которой «поток юной энергии» развернули в обратную сторону.

Справедливости ради надо отметить, что таких активистов пан-Европы, как Дегрелль,

было немного. Парадоксально, но режим нацистов во Франции поддержали именно те филистеры, которых этот пассионарный бельгиец презирал. Они мечтали не о новом мире, а именно о возможности и дальше торговать мочёными яблоками. Для среднего француза победа Гитлера была не более чем удачным римейком 1871 года, когда под ударами прусских войск пала Вторая империя. Конечно, поначалу обыватель пребывал в ужасе, но Гитлер повёл дело весьма мягко, дипломатично, не допуская конфликтов на национальной почве. Уничтожение исторической Франции, унижительное подписание мира в компьенском вагончике маршала Фоша, где в 1918 году капитулировала Германия, конечно, было данью амбициям нации № 1, но на желудках заурядных европейцев это в общем не отразилось. Красноречиво воспоминание писателя Мориса Дрюона: после заключения перемирия в офицерской столовой в Сент-Фуа-ле-Гранде он зачитывал меню, в котором среди прочего

значился пункт «телячья печень». «Один майор-резервист, разыгрывавший такого аристократа фанфарона, воскликнул: “Ах, нет, малыш, и никакой телячьей печёнки, война окончена”»^[324]. Собеседник будущего писателя ясно давал понять, что уж теперь-то он не будет опускаться до блюд, которыми питается плебс.

Для таких, как этот гурман, гораздо важнее было то, что фюрер не допустил передела собственности, которого жаждали коммунисты, не запретил французскую культуру и образование, не вывез в Германию ценности Версаля и Лувра, а возле «Ночного дозора» Рембрандта и вовсе поставил круглосуточный пост охраны. В западных столицах продолжали работать рестораны, кафе и дома терпимости, по вечерам стройные местные девушки вальсировали с дюжими немецкими парнями, которые вроде бы были завоевателями. «Как шла жизнь в Париже под оккупацией? – вспоминала на склоне лет русская эмигрантка Нина Алексеевна

Кривошеина, жена героя Сопротивления. – Все старались получше одеться, пошикарнее, подчас совсем броско и пёстро; у большинства женщин были сапоги и туфли на деревянной подошве, и они, как кастаньетами, отбивали по улице шаг; театры, кино – всё было переполнено, – ведь это Париж, и парижский шик и темп не умрут из-за того, что по Парижу с жадными лицами шляются les Fridolins». Это название из песенки, которую пела солдатня: Der heitere Fridolin (весёлый Фридолин)^[325]. Итак, страна сменила название, но не образ жизни. Это развитие событий укладывалось в формулу «не присоединение, а воссоединение».

Чтобы смягчить противоречия со своими бывшими западноевропейскими противниками, Гитлер усиленно внедрял в умы идею единой Европы. В смысле пропаганды здесь было на что опереться: корни панъевропеизма восходили к империи Карла Великого, а мечту объединить европейские народы высказывали такие

великие деятели, как гений итальянского Возрождения Данте Алигьери, немецкий философ XIX века Иммануил Кант. Правда, у фюрера был и более близкий предшественник – австрийский философ Рихард Николаус Куденхове-Калерги, автор фундаментального труда «Пан-Европа» и основатель популярного Панъевропейского союза (1922 г.), в котором состояли Томас Манн, Альберт Эйнштейн, Зигмунд Фрейд, министр иностранных дел Франции Аристид Бриан и будущий канцлер ФРГ Конрад Аденауэр.

Философ полагал, что на основе общей европейской культуры, вытекающей из эллинизма и христианства, может и должно сложиться новое сильное европейское государство с демократическими ценностями. Только так европейцы смогут защитить себя от Америки и России, иначе либо первая купит Европу, либо вторая её завоюет. «Планы Панъевропейского союза, выраженные Куденхове, были обширны, – пишет исследовательница его наследия. – Они

предусматривали введение европейского гимна (“Оду радости” Л. ван Бетховена), европейского флага (красный крест на фоне золотого круга в окружении 12 звезд), европейской валюты, Европейского центрального банка, Европейской академии, которая должна была размещаться в Праге, европейского гражданства, единой Европейской политической партии, европейского референдума, общих вооружённых сил, общей конституции, общей внешней политики и политики безопасности». Гитлер, несомненно, был знаком с идеями Куденхове. Любопытно, что крупный немецкий финансист Ялмар Шахт, своего рода посредник лидера НСДАП в общении со спонсорами от крупной промышленности, в 1932 году выступал на Панъевропейском конгрессе в Базеле и убеждённо заявил: «В следующем году Гитлер придёт к власти. Он объединит Европу»^[326].

Гитлер к власти пришёл, однако при нём сочинения Куденхове начали сжигать. С

нацистской точки зрения в них были две червоточины. Первая – высокая оценка, которую философ дал еврейству. По его мнению, евреи – это духовная аристократия Европы, которая составит новую элиту и станет образцом для подражания. Этого уже было достаточно, чтобы запретить сочинения главного панъевропейца, но он ещё и выступал за мирное сосуществование с Советской Россией. Тем не менее сама идея вошла в гитлеровский арсенал как мощное идеологическое оружие. Об исторических образах, которые были мобилизованы для пропаганды этого типа, мы уже писали здесь. Но был и ещё один важный момент: единую Европу легко противопоставлять Не-Европе. А самой ближайшей и чуждой Не-Европой для Гитлера и его сторонников была Россия.

Важным аспектом пропаганды панъевропейской идеи стала популистская поддержка западного (негерманского) искусства и культурные обмены. Так, бонзы рейха оказали покровительство молодой Эдит

Пиаф (тысячами копий разошлась фотография двадцатипятилетней певицы на фоне Бранденбургских ворот в Берлине). А осенью 1940 году в столицу Германии приехали светила французского изобразительного искусства: Шарль Деспю, Отон Фриез, Морис де Вламинк, Поль Бельмондо (отец знаменитого Жан-Поля), и эта восьмидневная поездка силами подчинённых герра Геббельса была превращена в грандиозную пиар-акцию. С другой стороны, в Париже в 1942 году прошла персональная выставка немецкого скульптора Арно Брекера, которого Гитлер официально признал наделённым божественным даром и освободил от военной службы; любопытно, что после триумфа Сопротивления его скульптуры были секвестированы французской республикой как «собственность неприятеля». Впоследствии Брекеру, прошедшему денацификацию, чудом удалось выкупить их на аукционе через подставных лиц. Но в 1942-м его скульптуры неприятельскими не считались: творчество

мастера восхвалялось парижскими газетами, более всех его приветствовал Жан Кокто, знаменитейший драматург Франции.

Конечно, и в вопросах искусства были свои исключения национал-социалистического толка, например летом 1943-го в саду Тюильри были сожжены около шестисот работ «французского дегенеративного искусства». С другой стороны, один из лидеров мирового искусства Пабло Пикассо (чьё творчество нацисты причисляли к дегенеративному) всю оккупацию спокойно прожил в Париже. Правда, там не было его выставок, но он жил в хорошей квартире, безостановочно творил, а в 1943 году в парижском ресторане познакомился со своей музой Франсуазой Жило. Якобы однажды он даже остроумно побеседовал с офицером вермахта; на вопрос: «Это не вы автор “Герники”?» Пикассо ответил: «Нет, это вы её авторы» (речь идёт о картине Пикассо, на которой изображено уничтожение мирного испанского города

Герника фашистской авиацией. – Е.Я.)^[327].
Последствий эта дерзость не имела.

Когда исход войны стал ясен, масса пассивных обывателей стала числить себя бойцами Сопротивления или на худой конец сочувствующими: любая заурядная стычка в трамвае с чиновником оккупационной администрации теперь изображалась как акт протеста. Позднейшая история наполнена любопытными и абсолютно нереальными легендами в этом духе. Так, в биографиях актера Жана Маре часто упоминают, что в 1943 году он избил редактора пронацистской газеты из-за политического несогласия. Возникает вопрос: почему человек, который так явно выказал свою нелояльность оккупационной власти, остался безнаказанным? Ведь это же скандал на всю страну. Скандал действительно разразился, однако был он вовсе не политическим^[328]. Ретивый журналист в рецензии на спектакль «Тристан и Изольда» намекнул, что исполнитель главной роли Жан Маре – гей.

Открытый гомосексуализм в Третьем рейхе однозначно не приветствовался: при особо неблагоприятных обстоятельствах за это можно было попасть даже в Бухенвальд, где доктор-эсэсовец Карл Вернет проводил опыты над геями, пытаясь превратить их в гетеросексуалов. Так что обвинение было серьёзным, и реакция последовала соответствующая. Потом дело замяли благодаря вмешательству сожителя Маре – драматурга Жана Кокто, имевшего связи в высших сферах.

Нацисты настойчиво вызывали из прошлого тени великих исторических героев, которых при умелой подаче можно было представить их союзниками. Образ единых корней – краеугольный камень немецкой пропаганды на Западе. В Берлине и Париже усердно чествовали Карла Великого, основателя Западной империи; в 1942 году прошли пышные празднования 1200-летия со дня рождения первого «короля» (слово «король» происходит от имени могучего

Карла). Образ, однако, оказался удачен и ещё в одном смысле: государь Запада был беспощадным покорителем Востока. Именно с него начался знаменитый Drang Nach Osten – германский натиск на Восток, в результате которого славян вытеснили из Центральной Европы. Во время войны против СССР имя «вытеснителя» получила франко-германская дивизия СС «Шарлемань» (от франц. Charlemagne – Карл Великий), герб которой представлял собой щит императора: левую сторону украшал германский орёл, а правую – шеврон с французским триколором. Любопытно, что в мае 1945 года двенадцать бойцов разгромленной дивизии были переданы французским частям антигитлеровской коалиции; генерал Леклерк отнёсся к пленным как к предателям, однако на вопрос, как они могли надеть немецкую форму, кто-то дерзко ответил: «Так же, как вы, генерал, недели американскую». По мнению отчаянного эсэсовца, предателем был именно Леклерк. Взбешённый генерал отдал приказ

расстрелять всех, что было тут же исполнено. И эта трагедия метафорично демонстрирует глубокий раскол Европы, к которому привели гитлеровские успехи 1940 года^[329].

Вторым историческим лицом, которому особо покровительствовал Гитлер на поле пропаганды в Европе, был Наполеон. Позор Йены и Ауэрштедта, ликвидация Священной Римской империи и унижение Пруссии в Тильзите были милостиво забыты фюрером ради создания европейского союза. Уже в 1935 году итало-германский фильм Франца Венцлера «Сто дней», снятый по пьесе Бенито Муссолини, показал зрителям Бонапарта, вещавшего: «Если бы я всё-таки победил в Москве, то исполнилась бы моя мечта – возникла бы единая Европа, которая бы не знала войн, а только мир»^[330]. Французский император в исполнении знаменитого актера Вернера Крауса рассуждал вполне в духе национал-социализма: «Лились потоки крови. Я фактически погубил целое поколение, но я не боюсь ответственности. Мне была

поручена священная миссия – ликвидировать эти смешные европейские государства, смести произвольные и бессмысленные границы, ликвидировать таможенные барьеры и принудить народы жить вместе. Каждая нация должна была стать органичным дополнением одного великого Отечества, что не позволило бы больше европейцам вести войну друг против друга. Это было моей мечтой, это станет моим политическим завещанием»^[331].

Зрителям было понятно, **кого этот экранный Бонапарт считает своим наследником.**

Посетив Париж после победы 1940 года, Гитлер демонстративно склонил голову перед гробницей великого завоевателя. По приказу фюрера из Вены во французскую столицу был торжественно перенесён прах единственного сына Бонапарта (наполовину немца, так как его матерью была дочь австрийского императора). Авторитет Наполеона немцы пытались использовать и во время Восточного похода. Зимой 1941 года во время тяжёлых боёв у Бородино французские батальоны,

сражавшиеся в составе 4-й армии вермахта, слышали от фельдмаршала фон Клюге призыв вспомнить эпическую борьбу предков, сражавшихся бок о бок с пруссаками против русских варваров в 1812 году. Правда, учитывая, чем закончилась та борьба, речь командира звучала довольно странно. Сомнительно, что она могла воодушевить союзников; судя по всему, и не воодушевила. «На следующий день, – пишет Гюнтер Блюментрит, – французы смело пошли в бой, но, к несчастью, не выдержали ни мощной атаки противника, ни сильного мороза и метели. Таких испытаний им ещё никогда не приходилось переносить. Французский легион был разгромлен, понеся большие потери от огня противника и от мороза. Через несколько дней он был отведён в тыл и отправлен на Запад»^[332]. Таким образом, исторические параллели, о которых говорил фон Клюге, воплотились в жизнь на сто процентов.

Третьей фигурой, чей культ расцвел в оккупированной Франции, стала Жанна

Д'Арк. Казалось бы, как оккупанты могут привлечь на свою сторону национальную героиню, в Средние века поднявшую французов на борьбу с иноземными захватчиками? Оказалось, могут. В новой трактовке Орлеанская дева стала символом борьбы континентальной Европы против Англии. Застрельщиком этой кампании, похоже, стал французский адмирал-коллаборационист Жан Луи Дарлан, который на встрече с Гитлером в конце мая 1940 года, после событий в Дюнкерке, сказал: «Сегодня праздник Жанны Д'Арк, которая выгнала англичан». А русский писатель-эмигрант Дмитрий Мережковский, комментируя нападение Германии на СССР, умудрился сравнить с Орлеанской девой... самого фюрера, который защищает европейскую культуру от внешнего врага^[333]. Идея упала на благодатную почву: вскоре Гитлер приказал позолотить статую Жанны в Париже на площади Пирамид – с гитлеровской позолотой она стоит и по сей день. В других городах,

например в Лиможе и Шамбре в зоне Виши, появились новые памятники героине. Правда, маршал Петен не стремился акцентировать значимость образа Жанны Д'Арк в военном смысле. В его риторике, довольно неубедительной, она была примером для морального возрождения Франции и преодоления той внутренней гнилости, что поставила страну на колени в 1940 году. Однако по ходу развития событий антианглийский пафос оказывался востребован всё более. После того как британская авиация осуществила разрушительные бомбардировки Руана – города, где воительница была сожжена англичанами на костре, на французских улицах появился нацистский плакат с тенью Жанны, что восстает из руин разрушенного города. Слоган намекал на повторение истории: «Преступники всегда возвращаются на место преступления»^[334].

Ничего подобного колониальному отношению к советским славянам и в помине

не было ни во Франции, ни в Бельгии, ни в Голландии – о жителях этих стран оккупанты в массе своей думали как о равных. Да, нежась под ласковым солнцем на пляжах французского Юга, победители могли без особой ненависти порассуждать об арийском превосходстве над «лягушатниками». «Что касается расы – то это факт, болтали офицеры. Французы выродились. Но девочки – просто прелесть! Стройны как тополь! Разумеется, приходится проявлять сдержанность. Эксцессы не должны приводить к ссорам. На командирских совещаниях по этому поводу давались категорические указания», – так об этом вспоминал полковник Луитпольд Штейдле^[335]. В целом основная масса немцев относилась к французам со сдержанным уважением, которое можно проиллюстрировать забавной бытовой сценкой. «Берлин, жаркий летний день 1942 года; длинная очередь за мороженым... К мороженнице подходят два француза, без очереди берут по порции заветного лакомства

и удаляются – никакого протеста ни из-за прилавка, ни от очереди». Современник писал, что «если бы на месте французов оказались русские или поляки и даже если бы они просто стояли в очереди – поднялся бы невообразимый скандал»[\[336\]](#).

На Востоке в это время происходил не скандал. Там происходил геноцид.

Глава третья. Война на уничтожение: политика истребления на территории СССР

План Бакке: первая программа массового убийства на Востоке и принцип «мы здесь одни»

Одной из угроз, которую германский мир традиционно видел в России, была численность её населения. Ещё в начале Первой мировой войны, в сентябре 1914 года, влиятельная шовинистическая организация – Пангерманский союз – подготовила меморандум, где говорилось: *«“Русского врага” необходимо ослабить путём сокращения численности его населения и предотвращения в дальнейшем самой возможности её роста, чтобы он никогда в будущем не был бы в состоянии аналогичным образом угрожать нам»*^[337]. К 1941 году в Советском Союзе проживало 196 миллионов человек, причём за последние предвоенные годы это число росло в основном за счёт снижения смертности. Из этих миллионов

львиная доля проживала в европейской части страны, которую по планам гитлеровских элит предстояло захватить, колонизировать и постепенно заселить немцами. Очевидно, что сама логика поселенческого колониализма подводила нацистов к мысли, что на Востоке им придётся планомерно менять соотношение немецкого и местного населения в пользу первого.

Глава сената вольного города Данцига Герман Раушнинг писал, что накануне войны Гитлер предполагал *«разработать технику истребления народов»*. Он говорил: *«Вы спросите: что значит “истреблять народы”?* Подразумеваю ли я под этим истребление целых наций? Конечно. Что-то в этом роде, всё к тому идёт. Природа жестока, и нам тоже позволено быть жестокими. Если я брошу немцев в стальную бурю грядущей войны, не жалея драгоценной немецкой крови, которая прольётся в этих битвах, то я тем более имею право истребить миллионы неполноценных, плодящихся подобно

насекомым – не уничтожая их, а всего лишь систематически препятствуя их природной плодовитости... Существует много методик, чтобы последовательным и относительно безболезненным путём, без большого кровопролития, довести нежелательный национальный элемент до вымирания»^[338]. По свидетельству Раушнинга, такой же разговор он слышал между фюрером и министром сельского хозяйства Рихардом Вальтером Дарре. Министр заявил, что после покорения Востока «первая задача – подорвать славянскую плодовитость. Вторая – создать и прочно укоренить немецкий класс господ. Вот внутренний смысл “восточной территориальной политики”»^[339]. Гитлер был полностью с этим согласен.

Некоторые историки скептически относятся к книге Раушнинга, полагая, что он преувеличивал свою близость с фюрером. Однако факт как минимум четырёх его встреч с Гитлером надёжно подтверждён, и думается, что в случае с декларациями о сокращении

численности славян президенту данцигского сената можно верить, так как подобные заявления зафиксированы и в других независимых источниках, не подлежащих сомнению.

Так, осенью 1941 года, уже во время войны с СССР, Гитлер однозначно заявил союзнику вице-премьеру Румынии Михаю Антонеску на официальных переговорах: *«Моя миссия, если мне удастся, – уничтожить славян»*^[340]. Собеседник на это заметил, что *«славянские народы являются для Европы не политической или духовной проблемой, а серьёзным биологическим вопросом, связанным с рождаемостью в Европе. Этот вопрос должен быть серьёзно и радикально разрешён... По отношению славян необходимо занять непоколебимую позицию, а поэтому любое разделение, любая нейтрализация или занятие славянской территории являются законными актами»*. Это, как свидетельствует протокол встречи, нашло полное понимание у Гитлера: *«Вы*

правы, славянство представляет собой биологический вопрос, а не идеологический... В будущем в Европе должны быть две расы: германская и латинская. Эти две расы должны сообща работать в России для того, чтобы уменьшить количество славян. К России нельзя подходить с юридическими или политическими формулами, так как русский вопрос гораздо опаснее, чем это кажется, и мы должны применить колонизаторские и биологические средства для уничтожения славян»^[341].

В том же «биологическом» духе фюрер рассуждал и позже: это демонстрирует казус с инициативой запрета противозачаточных средств в рейхскомиссариате «Украина» летом 1942 года. Категорические указания Гитлера о том, что «цивилизованная немецкая медицина» не должна обслуживать коренное население, были истолкованы местными чиновниками в том смысле, что и контрацептивы как медицинские блага «туземцам» не нужны. Узнав про это, глава

рейха пришёл в бешенство. «Если хоть один идиот рискнёт отдать подобный приказ на оккупированных территориях, я его лично пристрелю как бешеную собаку!» Уже на следующий день Мартин Борман отправил Розенбергу директиву: «По мнению фюрера, следует допустить в оккупированных восточных областях интенсивную торговлю противозачаточными средствами, так как мы не заинтересованы в росте ненемецкого населения»^[342].

Прагматичные намерения нацистских элит сокращать коренные народы Востока отразились и в известной записке статс-секретаря Восточного министерства Ветцеля «Предложения и замечания по плану OST», составленной в апреле 1942 года. В ней, в частности, говорилось:

«В этих областях мы должны сознательно проводить политику на сокращение населения. Средствами пропаганды, особенно через прессу, радио, кино, листовки, краткие брошюры, доклады и

т. п., мы должны постоянно внушать населению мысль, что вредно иметь много детей»^[343]. Ветцель предлагал вести пропаганду опасности деторождения для здоровья, широко рекламировать противозачаточные средства, добровольную стерилизацию и аборты, а также «не допускать борьбы за снижение смертности младенцев, не разрешать обучение матерей уходу за грудными детьми и профилактическим мерам против детских болезней. «Следует сократить до минимума подготовку русских врачей по этим специальностям, не оказывать никакой поддержки детским садам и другим подобным учреждениям». Ещё одним красноречивым пунктом программы было поощрение разводов, отсутствие поддержки внебрачных детей и привилегий для многодетных. «Для нас, немцев, – писал Ветцель, – важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое

господство в Европе. Этой цели мы можем добиться вышеуказанными путями»^[344].

Таким образом, и мотив, и намерение гитлеровской Германии осуществлять депопуляцию европейской России не вызывают сомнений. Необходимо лишь понять, что ещё, кроме идеологии чайлдфри, входило в те «колонизаторские» и «биологические» средства уничтожения, о которых Гитлер говорил Антонеску, и применялись ли они в ходе войны или решение этой задачи было отложено на послевоенное время.

Как ни странно, отечественная историография не уделяла много внимания этому вопросу. Считалось, что существование нацистского плана истребления славян не нуждается в доказательствах и проработке. Так, в издании документов Нюрнбергского процесса имелся специальный раздел «Уничтожение славянских и других народов» (под размытым словом «другие» имелись в виду в первую очередь евреи, чья отдельная

трагедия в советское время не афишировалась). В настоящее время на эту тему ведутся споры. Так, историки Дмитрий Жуков и Юрий Ковгун в известной работе «Русские эсэсовцы» отражают распространенный взгляд, что «борьбу с СССР эсэсовцы понимали как устранение “еврейско-большевистской системы”, использующей различные народы для сохранения своей власти, – что в целом согласовывалось с общей тенденцией германской пропаганды на Восточном фронте... Вместе с тем, поскольку большинство коммунистов относилось к русским, украинцам и белорусам, – война превращалась и в противостояние славянам. Однако это противостояние носило политическую, а не расовую (как в случае с евреями) окраску»^[345]. При этом авторы приводят показания генерала Эриха фон дем Бах-Зелевского, главного руководителя СС в Центральной России. Он свидетельствовал, что накануне вторжения в СССР на совещании в замке Вевельсбург Генрих Гиммлер назвал

целью войны уничтожение «тридцати миллионов славян». Жуков и Ковтун отмечают, что, по мнению ряда исследователей, Бах-Зелевский искажил слова своего шефа.

Ещё дальше пошёл Марк Солонин, который в книге «Мозгоимение» не только не признал за нацистами наличие заготовленных планов уничтожения славян (раздачу контрацептивов он к таковым не относит), но и вообще посчитал, что число жертв среди советского гражданского населения значительно завышено кремлёвскими пропагандистами. По мнению автора, приписывая нацистам замысел решения «славянского вопроса», Сталин пытался скрыть убыль населения от собственных репрессий. В поддержку своей позиции Солонин рассматривает избранные им документы вермахта антибольшевистской направленности, а также зловещую «Памятку немецкому солдату» с призывом убивать как можно больше русских, которая действительно вызывает большие сомнения в

подлинности^[346]. Показания Бах-Зелевского автор при этом никак не комментирует.

С другой стороны, историк Александр Дюков в монографии «Русский должен умереть» считает, что свидетельства эсэсовского генерала достоверны, так как согласуются и с жёсткими расистскими заявлениями нацистских элит, и с последующим ходом войны, вовсе не похожей на «рыцарскую» и «благородную». «Тридцать миллионов подлежащих уничтожению советских граждан – такими, согласно показаниям обергруппенфюрера фон дем Бах-Зелевского, были поставленные перед рейхсфюрером СС “специальные задачи”, – пишет историк. – Никогда в истории человечества не планировалось столь масштабных злодеяний; неудивительно, что чудовищную цифру намеченных для уничтожения невинных людей нацистское руководство не осмелилось доверить бумаге, даже будучи полностью уверенным в предстоящей победе». Цель этого геноцида –

«расчистка «жизненного пространства» на Востоке, обезлюживание советских земель»^[347].

Дюков также справедливо обращает внимание на известное заявление Германа Геринга, которым тот ошарашил в ноябре 1941 года итальянского министра иностранных дел графа Галеаццо Чиано: «В этом году в России умрёт от голода от 20 до 30 миллионов человек. Может быть, даже хорошо, что так произойдёт; ведь некоторые народы необходимо сокращать». «Это были не отвлечённые рассуждения; это был план»^[348], – резюмирует Дюков.

Кто же прав? Попробуем свежим взглядом посмотреть на известный нам массив материалов и реконструировать ход мышления нацистских лидеров накануне агрессии в СССР.

Прежде всего обратим внимание на то, что показания генерала СС Бах-Зелевского и знаменитая цитата Геринга, который прорабатывал экономическую эксплуатацию

будущих оккупированных территорий, обычно рассматриваются отдельно. Свою роль в этом играет не только разная «специализация» свидетелей, но и то, как они характеризуют своих жертв: Бах-Зелевский говорит именно о славянах с расистским оттенком, которого у Геринга нет. Однако есть и то, что объединяет два высказывания, – практически одна и та же цифра намеченных к ликвидации. Такое единомыслие руководителей разных ведомств наводит на мысль, что хотя бы обоснование названного лимита на истребление циркулировало в кругах высшего нацистского руководства.

Пролить свет на источник цифры в 30 миллионов позволяют документы министерства продовольствия и сельского хозяйства Германии, проанализированные в работах западных историков Кристиана Герлаха^[349], Адама Туза^[350], Алекса Дж. Кея^[351], Кристиана Штрайта^[352] и Карела Беркгофа^[353].

В мае 1940 года, ещё до взятия Парижа, на стол Гитлера лёг тревожный доклад статс-секретаря министерства продовольствия Герберта Бакке. Чиновник сообщал, что Британия перерезала морские пути снабжения из-за океана, в связи с чем примерно 17,2 миллиона жителей Германии недополучат в этом году продуктов, к которым они привыкли. В следующем докладе Бакке заметил, что если блокада продолжится, то покрыть недостатки зерна в рейхе сможет только Советский Союз. Впрочем, он усомнился, что в данный момент в СССР существуют излишки, какие в своё время экспортировала царская Россия, – ведь с начала XIX века население этой страны значительно выросло. Рассуждая, Бакке сделал двусмысленное замечание: «Необходимые запасы могут быть изысканы только в случае сокращения потребления, возможности чего следует изучить»^[354]. Из контекста записки пока неясно, имеет ли Бакке в виду сокращение потребления немцами или советскими гражданами, но очень скоро

позиция статс-секретаря полностью прояснится.

10 января 1941 года в канцелярию фюрера пришёл новый доклад Бакке с сообщением, что в наступившем году зерновой дефицит составит около 12–13 миллионов тонн. Спустя три дня на встрече со статс-секретарем Управления по четырёхлетнему плану Эрихом Нойманом Бакке рекомендовал также сократить мясные рационы немцев (что и будет сделано 2 июня). Становилось очевидно: решение вопроса с продовольствием не терпит отлагательств.

Очевидно, что-то в докладах Бакке привлекло Гитлера, и амбициозный статс-секретарь был приглашён в конце января в резиденцию Берхгоф на встречу с фюрером. Стенограммы их беседы не сохранилось, но смотрины явно удались: после аудиенции Бакке становится зримо влиятельнее своего номинального шефа министра Рихарда Вальтера Дарре, получив право обращаться к Гитлеру напрямую. С конца января 1941 года

именно этот педантичный карьерист превращается в неформального лидера экономического планирования колонизации СССР и работает в тесной связке с начальником военно-экономического отдела вермахта генералом Георгом Томасом. Именно их аналитика позволяет с точностью установить, что былых излишков зерна в СССР действительно нет. В результате индустриализации городское население Советского Союза увеличилось на 30 миллионов человек. Эти «новые люди» и съедали тот хлеб, который некогда русские регулярно продавали на Запад. Поэтому важной целью войны стало вывести эти «лишние рты» за пределы распределения ресурсов. Как пишет Адам Туз, «чтобы обеспечить немедленную передачу зерновых излишков Украины для германских нужд, требовалось попросту исключить советские города из “пищевой цепочки”». После десяти лет сталинской урбанизации городское население западной части Советского Союза

было теперь обречено на смерть»^[355].

Из документов до конца неясно, в какой момент впервые была озвучена мысль о том, что эти люди на территории России *излишни*. Не исключено, что Бакке устно обсуждал это на январской встрече с Гитлером, что было бы естественно для человека, ранее уже допускавшего уничтожение голодом поляков. Однако стенограммы бесед и докладные записки штаба экономического штаба «Ольденбург» с января по апрель включительно фиксируют лишь намерение сократить потребление советских граждан в пользу немцев сначала на 10 %, а потом на 12 %. Вместе с тем мы видим, что постепенно экономистов рейха начинает особо волновать вопрос снабжения вермахта. И судя по всему, именно он становится решающим фактором в пользу геноцида. Немецкая армия в течение нескольких месяцев должна была завоевать громадное пространство и выйти на линию Архангельск – Астрахань. Далее у Германии появлялась возможность нанести удар на

Ближнем Востоке, смертельный для «владычицы морей». Между тем анализ советской сети железных дорог показал, что даже если во время боевых действий они останутся в полной сохранности, что маловероятно, то снабжение по ним всё равно не сможет оперативно покрывать все потребности вооружённых сил. Единственный выход заключался в том, чтобы полностью обеспечивать войска вместо советского населения, обрекая его на вымирание.

Этот план и его последствия были откровенно зафиксированы в меморандуме «Ольденбурга» от 2 мая 1941 года, текст которого, скорее всего, принадлежит генералу Томасу.

«1. Продолжать войну можно будет лишь в том случае, если все вооружённые силы Германии на третьем году войны будут снабжаться продовольствием за счёт России.

2. При этом несомненно: если мы сумеем выкачать из страны всё, что нам необходимо, то десятки миллионов людей обречены на

голод.

3. Наиболее важен сбор и вывоз урожая масличных культур и приготовленных из них продуктов питания; лишь на втором месте злаковые. Жиры и мясо, видимо, пойдут на продовольственное обеспечение войск»[\[356\]](#).

Исчерпывающую характеристику этому документу дал Адам Туз: «На куда более откровенном языке, чем тот, который когда-либо использовался применительно к еврейскому вопросу, все крупнейшие ведомства германского государства согласовали программу массового убийства, далеко превосходившую ту, которую Гейдриху предстояло озвучить на Ванзейской конференции девять месяцев спустя»[\[357\]](#).

Однако планирование шло далее, и 23 мая 1941 года «Ольденбург» ещё более конкретизировал идеи меморандума. Немецкие войска, согласно новой директиве, должны были блокировать поступление продовольствия из чернозёмной зоны европейской части СССР в нечернозёмные

земли, включая – что оговаривалось конкретно – «такие крупные индустриальные центры, как Москва и Ленинград»^[358]. Таким образом, мы имеем документальное доказательство, что план голода для жителей города на Неве существовал уже за месяц до начала войны и за четыре месяца до установления блокады. Причём участь горожан из нечернозёмной зоны была для разработчиков плана очевидна.

«Многие десятки миллионов на этой территории станут излишними и умрут или должны будут перебраться в Сибирь. Попытки спасти население от голодной смерти поставками из плодородных областей могут осуществляться только за счёт снабжения Европы. Эти попытки помешают Германии окончить войну, помешают Германии и Европе преодолеть блокаду. Мы должны понимать это со всей ясностью»^[359].

Число «излишних» сам Бакке оценивал в 20–30 миллионов человек^[360]. Очевидно, что именно из его рассуждений эти цифры

перекочевали в беседу графа Чиано с Герингом, который формально руководил экономическим штабом «Восток» и досконально знал все детали планирования.

Влияние плана Бакке на Гиммлера: СС готовы внести свой вклад

Зададимся теперь вопросом: знал ли о плане голода Генрих Гиммлер? Вне всяких сомнений. До сих пор от внимания историков ускользала важнейшая деталь: **10 июня 1941 года** рейхсфюрер СС провёл с Бакке специальную встречу для обсуждения эксплуатации будущих оккупированных территорий. И как остроумно заметил Алекс Кей, хотя «Гиммлер владел птицефермой в Мюнхене в конце двадцатых, отнюдь не этот аспект был предметом их разговора»^[361]. Вскоре после этой встречи рейхсфюрер выехал на встречу с шефами СС: спустя всего два дня, **12 июня**, началось то самое совещание в замке Вевельсбург, на котором Гиммлер заявил высшим чинам «Чёрного ордена», что «целью похода на Россию является сокращение числа

славян на тридцать миллионов человек»^[362]. Таким образом, он озвучивал тот лимит, который сообщил ему статс-секретарь министерства сельского хозяйства.

Но кто должен был умереть: славяне или лишние рты? Что было мотивом покушения на убийство: экономика или расовые предрассудки? В ответе на этот вопрос мы солидарны с историком Алексом Кеем:

*«Акцент [рейхсфюрера] на уничтожении **славян** показывает, что, хотя в основе плана уморить миллионы голодной смертью лежала экономическая мотивация, именно расовые соображения сняли все сомнения о допустимости такого шага. Невозможно представить подобный консенсус между военной и политической элитой по поводу французского или норвежского населения»^[363].*

Пусть мы узнали о заявлении Гиммлера не из стенограммы, а со слов генерала Бах-Зелевского в Нюрнберге, прямая связь озвученной цифры с наработками штаба «Ольденбург» (9 июня его переименовали в «Восток»), а Гиммлера – с Бакке делают их более чем убедительными.

Историки, которые сомневаются в правдивости показаний Бах-Зелевского, включая Д. Жукова и И. Ковтуна, не учитывают этой связи. Не учитывают они и ряд других данных. Во-первых, позднее признания генерала не опроверг начальник личного штаба Гиммлера оберстгруппенфюрер СС Карл Вольф, который также присутствовал на совещании в Вевельсбурге^[364]. Он поправил Бах-Зелевского лишь в том, что гибель тридцати миллионов была названа не целью, а ожидаемым результатом войны, что, возможно, сильно меняло смысл фразы для Вольфа, но не для потенциальных жертв. Во-вторых, Гиммлер говорил о планах ликвидации славян отнюдь не только в

Вевельсбурге. По свидетельству генерал-полковника Фердинанда фон Шёрнера, незадолго до вторжения Германии в СССР рейхсфюрер прибыл в покорённые Афины и во время обеда с офицерами оккупационной немецкой армии публично заявил, что «вскоре предстоит большая война на Востоке, целью которой является вытеснение **славян** из восточного пространства и колонизация славянских земель немцами. При этом он ориентировал на **физическое истребление русских** в случае оказания ими сопротивления во время вторжения немцев в пределы России»^[365]. Представить, что русские сдадут европейскую часть СССР вообще без борьбы, было невозможно, поэтому оговорку о геноциде как о реакции на сопротивление следует считать обычной нацистской демагогией. Это классическое оправдание принципа избыточного насилия в любой колониальной войне для завоевания жизненного пространства. В связи с этим стоит также напомнить откровенное июльское

выступление Гиммлера в Штеттине, где он в своей ксенофобской манере назвал жителей СССР смесью рас и народов, «чьи имена непроизносимы и чья физическая сущность такова, что единственное, что с ними можно сделать, – это расстреливать без всякой жалости и милосердия»^[366]. Таким образом, как минимум три независимых источника говорят нам о Генрихе Гиммлере образца мая-июля 1941 года как об убеждённом стороннике геноцида на территории Советского Союза.

Кроме того, мы располагаем свидетельством офицера вермахта Рудольфа-Кристофа фон Герсдорфа (будущего участника покушения на Гитлера в 1944 году), который сообщил впоследствии, что в начале восточной кампании имел разговор с Францем Зиксом, командиром передовой команды «Москва» из айнзацгруппы В. Зикс говорил, что «Гитлер намерен сделать восточной границей империи линию Баку – Сталинград – Москва – Ленинград. Восточнее этой линии вплоть до Урала будет своего рода “дикое

поле”. Около тридцати миллионов россиян в этой области будут уничтожены голодом, так как в неё не будут поставляться продукты... Крупные города, Ленинград и Москва, должны быть стёрты с лица земли. Ответственность за исполнение этих мер будет нести начальник СС фон дем Бах-Зелевский»^[367]. Речь шла, конечно, о том, что Бах-Зелевский будет нести ответственность не за всю эту программу, а за её поддержку по линии СС.

Совокупность имеющихся данных заставляет серьёзнее отнестись и к другим косвенным свидетельствам вроде тех, что дал на допросе в Риге в 1946 году руководитель СС в районе действия группы армий «Север» Фридрих Еккельн: «Херф сказал мне, со слов фон дем Баха, что фон дем Бах получил от Гиммлера приказание уничтожить 20 миллионов человек на территории Белоруссии и других областей к востоку от неё, по ходу продвижения немецкой армии». Историк Кристиан Герлах заметил, что под юрисдикцию Бах-Зелевского попадала

Центральная Россия, а его штаб-квартира должна была в итоге разместиться в Москве. Сам генерал однажды записал, что его «земли» будут простираться от Москвы до самого Урала. Таким образом, большая часть «лесистой зоны», жители которой были обречены в первую очередь, подпадала под его контроль. Этим, вероятно, объясняется то, что именно Бах-Зелевскому досталось уничтожение львиной доли «лишних» тридцати миллионов^[368]. Нити этих планов ведут к Генриху Гиммлеру и его диалогу с Бакке от 10 июня.

Впрочем, весь путь Гиммлера как политика и мыслителя вёл именно к этому. Ещё в 1924 году он записал в своём дневнике:

«Только в борьбе со славянством немецкое крестьянство проявит себя и окрепнет, так как будущее – за германским Востоком... Именно на Востоке находятся гигантские территории, приспособленные для

сельского хозяйства. Они должны быть заселены потомками наших крестьян, чтобы прекратилась практика, при которой второй и третий сыновья немецкого крестьянина вынуждены переселяться в города для поиска заработка... Как и 600 лет назад, немецкий крестьянин должен чувствовать себя призванным бороться против славянства за обладание и увеличение территории святой матери-земли»^[369].

Если Гитлер призывал обойтись с населением Востока как с индейцами, то Гимmlера завораживал другой пример – из собственно немецкой истории. Руководитель «Чёрного ордена» буквально поклонялся древним германским монархам, которые в Средние века осуществили «натиск на Восток» и уничтожили славян в Центральной Европе. Как писал его личный врач Феликс

Керстен, «когда Гиммлер стоял рядом с гробницей Генриха I в Кведлинбургском соборе, он, должно быть, поздравлял себя с окончательным завершением той миссии на Востоке, которую начал этот король, а продолжил Генрих Лев. Гиммлер делал всё возможное, чтобы поощрять изучение жизни этих двух правителей; все материалы по ним он знал как свои пять пальцев»^[370].

Легенда гласит: Генрих Птицелов (876–936) получил своё прозвище за то, что узнал о своём избрании восточно-франкским королём во время ловли птиц. Однако всю дальнейшую жизнь этот монарх занимался вещами гораздо более серьёзными. Он подчинил своей власти Швабию, Баварию, Лотарингию, выстроил в своих владениях десятки хорошо укреплённых каменных городов, создал тяжеловооружённую конницу, которая позволила разгромить в битве при Рияде непобедимых до того венгров. И наконец, именно он начал покорение полабских славян, заселявших в Средние века огромные пространства к востоку от Эльбы.

Птицелов разорил земли гаволян, затем, по сообщению Видукинда Корвейского, напал на племя доленчан и взял их главный город под названием Гана. «Добыча, захваченная в городе, была роздана воинам, все взрослые были убиты, женщины и дети отданы в рабство»^[371]. В следующем походе Генрих I дошёл до Праги и заставил чешского князя Вацлава платить ему дань.

Гиммлеру очень нравился этот исторический сценарий. Руководителю расовой политики рейха даже казалось, что между ним и древним монархом существует мистическая связь и что порой он слышит голос короля Генриха, наставляющего его в государственных делах. В честь Генриха Птицелова были названы личные покои Гиммлера в Вевельсбурге. Таким образом, крупный немецкий исследователь СС Хайнц Хёне имел все основания назвать рейхсфюрера «антиславянским мистиком»^[372]. В 1936 году по инициативе главы СС Германия пышно отпраздновала тысячу лет со дня смерти

удачливого средневекового правителя. Его высокопоставленный поклонник поручил найти останки короля, покоящиеся где-то в Кведлинбургском соборе, и спустя год состоялось их торжественное перезахоронение. Тем временем книжные магазины Германии наводнили книги о короле Генрихе, прославлявшие его завоевательную политику. Так, нацистский публицист Франц Линдтке разразился многостраничным панегириком в адрес Птицелова, уверяя читателей, что его деятельность готовила создание «большого германского государства на Востоке»^[373]. На пропаганду образа работали и постановки вагнеровского «Лоэнгрина», где король Генрих является одним из ключевых персонажей.

Вторым кумиром Гимmlера, чей культ он последовательно насаждал, был саксонский и баварский герцог из рода Вельфов Генрих Лев. По словам переводчика СС Евгения Долльмана, «сердце рейхсфюрера безраздельно принадлежало ему»^[374]. А

Керстен добавлял: «Гиммлер знает о его жизни чуть ли не больше, чем кто-либо другой, и считает предпринятую Генрихом колонизацию востока за одно из величайших достижений в германской истории»^[375]. Схожей точки зрения на эту историческую фигуру придерживался и Розенберг. Вдвоем они ввели герцога Льва в число неприкасаемых героев Германии: этот статус, в частности, отразился в остроумной, но раздражённой дневниковой записи Геббельса: «Какой-то перемудрец докопался, что Иоганн Штраус на одну восьмую еврей. Я запретил это разглашать. Во-первых, это не доказано, во-вторых, я не позволю снять все сливки с немецкой культуры. В конце концов, из нашей истории останутся только Видукинд, Генрих Лев и Розенберг»^[376]. Из Брауншвейгского собора, где был похоронен знаменитый герцог, гитлеровцы изгнали протестантов и превратили храм с гробницей Льва в «национальное святилище».

Генрих Лев вышел на историческую арену

спустя два века после смерти Птицелова. За эти столетия полабские славяне успели ревизовать достижения Генриха I, освободиться от немецкого владычества и фактически прекратить процесс христианизации своих земель. Последнее весьма беспокоило Святой престол, и в 1147 году папа Евгений III издал буллу, которая уравнивала крестовый поход в земли славян со Вторым крестовым походом в Святую землю. Идеологом нашествия в Полабье стал влиятельный учитель понтифика Бернар Клервоский, который бросил крестоносцам ясный лозунг: «Окрестить или истребить».

Восемнадцатилетний Генрих Лев не отправился воевать к стенам Иерусалима, как его недруг – германский король Конрад III, а предпочёл поход в страну по соседству. Собрав огромное войско, два лидера «христового воинства» – Генрих и Альбрехт Медведь – перешли Эльбу и вторглись в земли славян с разных сторон, но быстрых успехов не снискали. В итоге кампания закончилась

спорно: крестили славян более чем символически, зато дань наложили немалую (за это Лев удостоился замечания средневекового хрониста Гельмольда фон Бозау, что про деньги он вспоминал чаще, чем про Господа)^[377]. Однако спустя тринадцать лет повзрослевший Лев обрушил на славян карательный удар такой мощи, что, по рассказу «Славянской хроники», «вся земля бодричей и соседние области, принадлежавшие Бодрицкому государству, из-за непрерывных войн, особенно же войны последней, по милости господ, всегда укрепляющего десницу благочестивого герцога, были целиком обращены в пустыню. И если ещё оставались какие-нибудь последние обломки от народа славянского, то вследствие недостатка в хлебе и запустения полей они были настолько изнурены от голода, что вынуждены были толпами уходить к поморянам или в Данию, а те безжалостно продавали их

полонам, сорабам и богемцам»[\[378\]](#).

То же писал Гельмольд и об Альбрехте Медведе, который вторгся в земли гаволян-лютичей, взял их столицу Бранибор (славянское «Бранный бор») и основал на завоёванных территориях маркграфство Бранденбургское: «Он поработил всю землю брежан, стодорян и многих других народов, обитающих на Гаволе и Альбии, и усмирил имевшихся среди них мятежников. Наконец, когда **славяне мало-помалу стали убывать**, он послал в Траектум и в края по Рейну, а потом к тем, кто живёт у океана и страдает от суровости моря, а именно к голландцам, зеландцам и фландрийцам, и вывел из всех этих стран весьма много народа и поселил их в славянских городах и селениях. И весьма окрепли от прихода этих поселенцев епископства Бранденбургское и Гавельбургское, так как увеличилось количество церквей и выросли сильно десятины...

Когда бог одарил герцога нашего и других

государей счастьем и победой, славяне частью перебиты, частью изгнаны, а сюда пришли выведенные от пределов океана народы сильные и бесчисленные и получили славянские земли, и построили города и церкви, и разбогатели сверх всякой меры»^[379].

Эти строки хроники не были для Гиммлера древним преданием – они были руководством к действию. Завоевание Востока, истребление и изгнание русских, украинцев, белорусов, поляков не лежало за пределами его воображения. Ведь подобное однажды уже произошло, и только немногие современные немцы, не читавшие старинных текстов Адама Бременского, Саксона Грамматика или Гельмольда фон Бозау, осознавали, что восемьсот лет назад Мекленбург назывался Велиградом, Ольденбург – Старгородом, а Бранденбург – Бранибором.

К слову, за культом «натиска на Восток»

внимательно следили в СССР и не питали никаких иллюзий по этому поводу. В начале 1939 года знаменитый историк-наполеоновед, академик Евгений Тарле в статье «Восточное пространство и фашистская геополитика» сделал абсолютно точный анализ: «“Не Карл Великий, а Видукинд, не Фридрих Барбаросса, а Генрих Лев!” – восклицает Альфред Розенберг (именно он, Розенберг, первый дал этот тон современной гитлеровской медиевистике!)... Всё это стоит в теснейшей связи с основным мотивом: и в прошлом, и в настоящем, и в будущем Германии дороги и нужны люди, которые вели её на Восток, на завоевание “восточного пространства”. И “душевная субстанция” германского народа самоутверждалась, как вещают нам фашистские “геополитики”, и в будущем должна самоутверждаться именно в процессе “весёлой, свежей, благочестивой войны против Востока” (em fri-scher, fromnier, frohlicher Krieg)»^[380]. Не укрылся от учёного и характер этой будущей войны: «Они полагают,

что истинный “геополитик” должен стремиться к овладению именно только землёй, а вовсе не населением, которое на этой земле живёт. Это население должно быть без потери времени выведено в расход, ибо оно может в дальнейшем лишь испортить чистоту расы северных... светлокудрых германских победителей»^[381]. Таким образом, планы Гимmlера и его фюрера были для Тарле вполне очевидны.

Многолетний апостол культа «натиска на Восток», неизбежно сопряжённого с «освобождением» земли для «народов сильных и бесчисленных», рейхсфюрер СС считал себя кем-то вроде нового Генриха Льва. Он вполне воспринял и дополнительные практические аргументы Бакке, и конкретизированный статс-секретарем лимит на уничтожение. Адам Туз пишет, что «вступая на территорию СССР, вермахт имел намерения, связанные не с одной, а сразу с двумя программами массового убийства»^[382]. Учёный предполагает, что холокост и план

голода были разными программами. Хотя после Ванзейского совещания это будет действительно так, на наш взгляд, есть основания полагать, что перед 22 июня 1941 года программа уничтожения была одна, разнообразными оказались лишь её формы. Войска СС и айнзацкоманды должны были эффективно дополнять стратегию голода, устраняя *бесполезное* для колонизаторов население.

Убийство советских военнопленных как следствие плана Бакке

После того как план Бакке был принят Герингом и Гитлером, состоялось совещание военно-экономического штаба «Восток» с представителями верховного командования вермахта (ОКВ) и верховного командования сухопутных войск (ОКХ). На нём генерал Томас довел до сведения ответственных чинов экономическую необходимость полностью снабжать армию за счёт оккупированной страны и организовать немедленный вывоз ресурсов из «продовольственных зон». Интересы местного населения предлагалось не учитывать. После совещания соответствующие директивы были спущены вниз по войскам.

Первыми жертвами этих директив, составленных в соответствии с планом Бакке,

стали советские военнопленные. Экономические теоретики заведомо обрекли их на голодное вымирание. Примером распоряжения-приговора может быть приказ по 11-й армии из группы армий «Юг», где подчеркивалось, что военнопленные должны получать продовольствие «в зависимости от его наличия», а пищевая ценность продовольствия при полной затрате труда должна составлять 1300 килокалорий. В тыловом районе группы армий «Центр» эта ценность максимально достигала 700 килокалорий. То есть, как справедливо отмечает Кристиан Штрайт, «рационы были значительно ниже прожиточного минимума»^[383]. Если учесть, что средние показатели калорийности, рекомендуемые для взрослого мужчины, – это 3400 килокалорий при обычных физических нагрузках и 2800 при низких, то речь заведомо шла о покушении на массовое убийство.

6 августа 1941 года ОКХ определило общие нормы для всех групп армий в 2200

килокалорий для работающих пленных и в 2000 – для неработающих, что несколько замедляло истощение узников, но не меняло их положение принципиально: смертность просто растягивалась во времени. Следующая директива ОКХ ярко отразила социал-дарвинистские принципы «экономической целесообразности», которым вермахт был вовсе не чужд. 21 октября генерал-квартирмейстер Эдуард Вагнер издал директиву, согласно которой паёк неработающих пленных должен быть снижен до 1483 килокалорий^[384]. Зато работающим питание немного улучшили: занятые на обычных работах стали получать 2187 килокалорий в день, а занятые на тяжёлых работах – 2411^[385]. Так производилась «отбраковка» ослабевших. Правда, уже спустя месяц, когда армия серьёзно ощутила недостаток рабочей силы, нормы вновь повысились. 26 ноября Вагнер ввёл диапазон калорийности для всех категорий военнопленных от 2335 до 2540 килокалорий в

день [\[386\]](#).

Прибытие пленных в стационарные лагеря (шгалаги), за которое отвечало уже ОКВ, а именно Общее управление вооружённых сил во главе с генералом Германом Рейнеке, ничего не меняло в политике питания. Здесь действовали аналогичные, а осенью 1941 года и более жестокие директивы: согласно приказу Рейнеке от 8 октября 1941 года, рацион советского военнопленного, занятого на работах, составлял 894 килокалории, незанятого – 660 килокалорий [\[387\]](#). Очевидно, подобная политика автоматически означала очень высокую смертность, чего нацистские военные чиновники не могли не понимать. Увеличение норм до 2500 килокалорий произошло только в конце 1941 года из-за необходимости использовать узников на работах в военной промышленности. Однако в апреле 1942-го эти рационы были вновь снижены.

Следует принять во внимание, что между

директивами и их исполнением всегда существовал некоторый зазор. Откровенно заниженные рационы и вообще распоряжения об особом отношении к советским военнопленным на местах домысливались как намёк на то, что церемониться с русскими не нужно вообще. Как пишет Арон Шнеер, *«при взятии в плен немцы, как правило, не кормили пленных в течение первых дней, заставляя голодать до целой недели, желая подавить волю, стремление к сопротивлению, добиться покорности, предотвратить попытки к бегству»*^[388]. Военнопленный Леонид Котляр вспоминал: *«До Николаева немцы гнали нас целую неделю. За всё это время нам ни разу не дали ничего поесть, даже символически. Чем мы кормились? Ягодами паслена, кукурузным початком, случайно найденным у дороги... Однажды прямо у нас под ногами оказались подсолнечные жмыхи, которые на Украине называют макухой. Я умудрился набрать довольно много макухи, оказавшейся почти единственной едой для меня и моих*

товарищей в лагере»^[389].

Далее несчастные могли получать раз в день суп из лебеды, баланду с картофельными очистками, гнилую капусту, опилочный хлеб или жом (отбросы сахарного производства). Употребление суррогатов часто вызывало болезни желудка с сильнейшими болями, обрекавшими человека на жуткие мучения. В гомельском концлагере, где существовал лазарет и работал русский врач Аникеев, попытались спасти пленных, изготовив 300 алюминиевых «выскребалок»: ими из прямой кишки узников вычищали экскременты из остатков вредоносной пищи^[390]. Однако это был лишь частный случай: большинство заболевших умирало в невообразимых страданиях. Те, кому доставалась более-менее естественная пища, всё равно не имели возможности насытиться: люди были вынуждены есть траву, дождевых червей, древесную кору и в итоге рано или поздно оказывались на пороге смерти.

Обезумев от голода, многие теряли

человеческий облик. Известный в будущем военный писатель Константин Воробьёв стал свидетелем жуткой сцены, когда истощённые военнопленные разорвали на куски ещё живую лошадь. Впоследствии он описал этот эпизод в художественном произведении, степень достоверности которого, однако, высока:

«Может, я первый из всех увидел тогда, как от ворот в глубь лагеря заковыляла на трёх ногах белая лошадь. Она понуждалась к складу, у которого я сидел, но недалеко от пленницы попятилась назад, споткнулась и заржала – трубно и длинно, и к ней тогда половодно хлынула колонна пленных...

Это продолжалось долго – смятённая поваль, крики и стоны, а потом появился Васюков. Полы его шинели были тёмными, и в руках он держал какой-то блестящий розовый пласт. Он окликнул меня, как вдогон издали, и я приподнял руку.

– Тимоху искал, – рыдающе сказал он. А после вот лошадиную лёгкую достал. Она совсем... совсем тёплая»^[391].

В целом, как чётко резюмировал Арон Шнеер, «режим, установленный в немецких лагерях для советских военнопленных в 1941 г. и до конца 1942 г., гарантировал... голодную смерть»^[392]. Но голод был не единственной причиной высокой смертности. В первую очередь ему «помогали» издевательские условия содержания. Многие пересылочные лагеря представляли собой всего лишь оцепленную территорию под открытым небом. Но и шталаги тоже были не готовы к приёму военнопленных. Впоследствии Курт фон Эстеррейх, начальник Данцигского военного округа, объяснил это тем, что в марте 1941 года генерал Рейнеке на специальном совещании намекнул: если крытые бараки не будут построены в срок, русских можно разместить и на земле^[393]. Результатом этой оговорки стало то, что из девятнадцати намечаемых шталагов только в семи возвели сооружения для содержания пленников. Естественно, несчастным никто не выдавал одеяла или тёплую одежду, не было

подготовлено душевых или уборных. Антисанитария становилась причиной быстрого распространения болезней, включая сыпной тиф, унесший жизни нескольких десятков тысяч. Кроме того, заключённые часто подвергались побоям и моральным издевательствам. Альфред Розенберг сообщал Кейтелю, что среди персонала лагерей можно было слышать рассуждения: «Чем больше пленных умрёт, тем лучше для нас»^[394].

Довольно типичную картину рисует донесение агента НКВД с оккупированной территории Ленинградской области в декабре 1941 года о лагере в Красногвардейске (Гатчине).

«Положение заключённых исключительно тяжёлое. Большинство считает себя обречёнными на медленную и мучительную смерть...

Продолжительность рабочего дня до 14 часов. Руководят

работами на поле и в лесу финны и эстонцы. Обращение с заключёнными зверское, за малейшую провинность избивают до смерти (отстал от строя, не во время вышел из казармы и т. д.), например, 50-летнего старика Щеголева заставили выгружать тяжёлые снаряды, когда он начал отставать, то был избит палками.

Более слабых заключённых, которые уже не способны работать, на глазах у всех расстреливают, например 22.XI – в лесу недалеко от аэродрома были расстреляны 3 человека, 24.XI – там же расстрелян 1 человек.

В последнее время работы для всех заключённых не хватало, ту часть заключённых, которая остаётся, выгоняют из казармы и заставляют целый день бегать по кругу во дворе, отставших

избивают палками.

В результате бесчеловечного обращения, тяжёлых условий работы и плохого питания в лагере ежедневно умирают до 30 человек. 25.XI – только утром из казармы вынесли 7 трупов. Больным никакой медицинской помощи не оказывается.

Заключённым один раз в день утром дают небольшой кусок хлеба-суррогата и после окончания работы воду.

В помещении, где содержатся заключённые, отсутствует какое-либо оборудование. Спят на голом полу, при разбитых стёклах. Питаются прямо на полу или на улице. Воды в помещении нет»^[395].

Отметим также, что множество убийств было совершено во время этапирования. Ветеран вермахта Нойфер вспоминал: «...

пленных вели пешком через Смоленск. Я часто проезжал по этому участку. Придорожные канавы были полны пристреленных русских. То есть проезжать на машине было страшно»^[396].

Константин Воробьёв, попавший в плен под Клином в декабре 1941 года, писал: «В эти дни немцы не били пленных. Только убивали! Убивали за поднятый окурок на дороге. Убивали, чтобы тут же стащить с мёртвого шапку и валенки. Убивали за голодное пошатывание в строю на этапе. Убивали за стон от нестерпимой боли в ранах. Убивали ради спортивного интереса, и стреляли не парами и пятерками, а большими этапными группами, целыми сотнями – из пулемётов и пистолетов-автоматов!»^[397]

Бесправность узников действительно провоцировала массовые убийства. Как сообщает современник-историк, «одно из самых массовых убийств советских военнопленных во время этапа произошло 17–18 октября 1941 г. на участке дороги Ярцево – Смоленск.

Немецкие конвоиры без всякого повода расстреливали, сжигали военнопленных, загоняя их в стоявшие у дороги разбитые советские танки, которые поливались горючим. Пытавшихся выскочить из горящих танков тут же добивали выстрелом в голову. Ряды и фланги колонны “равнялись” автоматными и пулемётными очередями. Немецкие танки давили их гусеницами»^[398].

Впрочем, гибельными были и сами условия этапа. Командир легиона «Валлония» Леон Дегрелль писал в мемуарах, что *«по дороге на фронт они каждый день бегали смотреть на эшелоны с военнопленными»*^[399]. Зачем они это делали, Дегрелль не разъясняет; очевидно, ожидали от доведённых до безумия людей некоего шоу. Если так, то их ожидания были удовлетворены. *«Сотни тысяч пленных... – пишет Дегрелль, – вынуждены были стоять на ногах до 3 недель. Питались они лишь тем, что можно было найти рядом с путями. Многие из этих азиатов были привезены прямо из диких степей. Они*

предпочитали глотать ребра калмыков или татар, но не умереть с голода. На одной из станций я видел, как несколько пленных рылись в земле. Они вытаскивали красных извивающихся червяков длиной около 6 дюймов и глотали их. Эти пожиратели червяков даже причмокивали от удовольствия»^[400].

Характерно, что никаких слов сожаления или сочувствия к этим людям мы у Дегрелля не находим. Он и через много лет после войны был начисто лишён рефлексии на тему, как причмокивал бы он сам, проведя три недели в стоячем положении и без куска хлеба.

Однако менее хладнокровные ветераны вермахта вспоминали пересылку советских военнопленных как чудовищное явление. Нойфер, чью прямую речь анализировали Зайкель и Вельцер, говорил: *«Перевозка русских в тыл от Вязьмы из её окрестностей была ужасной»^[401].* Его сосед Раймон подтверждал: *«Ужасно. То есть действительно, я сам был свидетелем транспортировки из Коростине почти до*

Львова. Их выгоняли из вагонов как животных – ударами палок, чтоб они оставались в строю, когда их вели на водопой. На станциях там были такие корыта, и они бросались на них как звери и пили воду. Затем им давали чуть-чуть поесть. Затем опять загоняли в вагоны, а именно – по 60–70 человек в один вагон для перевозки скота. На каждой остановке они вытаскивали по 10 мертвых, потому что люди задыхались от недостатка кислорода. Я это слышал. Я ехал в железнодорожном вагоне лагерной охраны и спросил фельдфебеля – студента, человека в очках, который был интеллектуалом: “Сколько времени вы уже это делаете?” “Ну, я занимаюсь этим 4 недели. Но я долго так не выдержу, мне надо уйти, я больше этого не вынесу”»[\[402\]](#).

Сами немцы оправдывали происходящее тем, что СССР не подписал Женевскую конвенцию 1929 года о военнопленных. В своей пропаганде германское руководство пыталось представить дело так, что Советский

Союз вообще не признает нормы международного права и потому его солдаты не могут рассчитывать на цивилизованное отношение. Эти утверждения стоит проанализировать подробно.

В первую очередь необходимо заявить, что Кремль действительно не присоединился к Женевскому соглашению о военнопленных. Означало ли это, однако, что большевики априори исходили из принципа «пленных не брать»? На этот вопрос можно однозначно ответить отрицательно. Причиной неприсоединения к конвенции было несоответствие некоторых её статей духу советского государства и права. В 1931 году СССР принял и ратифицировал собственное Положение о военнопленных, которое в основных статьях повторяло Женевскую конвенцию. В нем, однако, были и отличия: отсутствовали льготы для офицерского состава, воспрещалось денщичество, принималась выплата жалованья для всех военнопленных, а не только для офицеров,

военнопленным из рабочего класса разрешались политические объединения, военнопленные разных национальностей могли содержаться в одном месте. Тем не менее установленный режим содержания пленных принципиально не отличался от Женевского, поэтому справедливым кажется замечание советского юридического эксперта Малицкого о том, что с таким документом *«принцип взаимности может быть распространён без ущерба как для СССР, так и для отдельных военнопленных»*^[403]. То есть в момент ратификации этого акта советское правительство имело основания считать, что в случае войны Положение будет восприниматься как гарантия обращения с военнопленными согласно международным законам.

Важнейший для нашей темы прецедент дала советско-финская война 1939–1940 годов. Финляндия, так же как и СССР, **не являлась** страной-подписантом Женевского соглашения 1929 года. Несмотря на это, *«как только в*

ноябре 1939 года начались боевые действия на финско-советской границе, Suomi заявила через Международный Красный Крест, что будет придерживаться основных норм ведения войны, выработанных мировым сообществом»^[404]. И действительно, в целом оба противника соблюдали эти нормы, в частности по отношению к военнопленным. Так, автор специальной работы на данную тему Д.Д. Фролов отмечает, что не обнаружил ни одного факта расстрела финских военнослужащих при пленении в ходе Зимней войны. По словам учёного, с обеих сторон «в приёмных пунктах и лагерях были созданы хотя и не совсем хорошие, но более или менее приемлемые санитарно-бытовые условия. И не случайно в лагерях для военнопленных не было эпидемических заболеваний»^[405]. Таким образом, государства считали себя обязанными соблюдать базовые правовые законы, равно как и основные гуманистические императивы и не присоединяясь к Женевской конвенции 1929 года.

Из этого примера видно, что Женевская конвенция носила дополняющий и конкретизирующий характер к нормам международного права, которые продолжали действовать и без её ратификации. В первую очередь речь шла о естественном праве пленного на жизнь. Наиболее чётко принцип этого права ещё в эпоху Просвещения сформулировал Жан-Жак Руссо в трактате «Об общественном договоре»^[406]: *«Если целью войны является разрушение вражеского Государства, то победитель вправе убивать его защитников, пока у них в руках оружие; но как только они бросают оружие и сдаются, переставая таким образом быть врагами или орудиями врага, они вновь становятся просто людьми, и победитель не имеет более никакого права на их жизнь»*^[407]. Этот принцип был признан всеми цивилизованными государствами и применялся уже в войнах XIX века, оформляясь внутренним законодательством или двусторонними соглашениями.

Кроме того, Женевская конвенция не отменяла всех предшествующих документов о законах и обычаях войны, в первую очередь Гаагскую конвенцию 1907 года, где имелась обширная часть об отношении к военнопленным. О готовности соблюдать соглашение в Гааге на принципах взаимности нарком иностранных дел СССР Вячеслав Молотов сообщил германскому правительству через нейтральную Швецию 17 июля 1941 года, а всем правительствам, с которыми у СССР были дипломатические отношения, – 8 августа 1941 года (впоследствии он подтвердил это в ноте НКВД от 25 ноября 1941 года, а 27 апреля 1942 года сообщил, что СССР выполняет правила Гаагской конвенции де-факто)^[408]. Помимо этого 1 июля 1941 года Советский Союз ратифицировал новое внутреннее Положение о военнопленных, которое ещё более сближалось с Женевской конвенцией^[409]. Наконец, 25 ноября 1941 года СССР в ответ на запрос Соединённых Штатов Америки объявил, что, не подписывая

Женевскую конвенцию, он солидаризируется со всеми её положениями и принципами, кроме одного пункта статьи 9, который декларирует разделение военнопленных по национальному признаку и этим противоречит Конституции СССР^[410].

Шаги Советского Союза были направлены на опровержение нацистской пропаганды и вынуждали Берлин реагировать. В ответ на предложение взаимно соблюдать Гаагскую конвенцию 1907 года немецкий МИД в августе 1941 года агрессивно ответил, что Германия, само собой разумеется, соблюдает международное право и что это Советский Союз запятнал себя зверскими расправами над пленными и его войска утратили право считаться армией цивилизованного государства. Чтобы вести разговор о соглашении, если оно возможно, СССР должен сначала доказать, что желает и обладает возможностями изменить своё отношение к немецким военнопленным^[411].

Очевидно, эта германская нота носила

двуличный характер. Как мы видели выше, руководство рейха заведомо приняло решение о том, что нормы международного права не относятся к советским военнопленным; уверение, что эти нормы повсеместно соблюдаются, было откровенным обманом. Что касается убийств немецких военнопленных Красной армией, то они действительно имели место, но, во-первых, не в таких количествах, как пыталась представить немецкая сторона, а во-вторых, как справедливо замечает Штрайт, в основном это были акты возмездия за исполнение преступных приказов немцами^[412].

Неискренность нацистской дипломатии ярко высвечивает коллизия с протестом юридического эксперта ОКХ, сотрудника абвера Хельмута Джеймса графа фон Мольтке. Будущий участник антигитлеровского заговора Мольтке в начале осени подготовил аналитическую записку о положении пленных, а его шеф адмирал Вильгельм Канарис 15 сентября 1941 года подал её от

своего имени Кейтелю. До сведения ОКВ доводилось, что между Германией и СССР действуют основные положения общего международного права об обращении с военнопленными. «Эти последние сложились с XVIII столетия в том направлении, что военный плен не является ни мстью, ни наказанием, а только мерой предосторожности, единственная цель которой заключается в том, чтобы воспрепятствовать военнопленным в дальнейшем участвовать в войне. Это основное положение развилось в связи с господствующим во всех армиях воззрением, что с военной точки зрения недопустимо убивать или увечить беззащитных»^[413]. Фон Мольтке и Канарис указывали, что *«имеющиеся в приложении № 1 распоряжения об обращении с советскими военнопленными исходят, как это видно из вступительных фраз, из совершенно иных предпосылок»*^[414]. Очень важно, что абвер обращал внимание ОКВ на выгодные отличия советского

законодательства: «В приложении № 2 приводится перевод русского закона о военнопленных, который соответствует основным положениям общего международного права и более того – положениям Женевского соглашения о военнопленных»^[415]. Авторы записки оговаривались в духе господствующих у нацистской элиты представлений, что «этот закон, бесспорно, не соблюдается русскими войсками на фронте, тем не менее и русский закон, и немецкие распоряжения предназначены главным образом для глубокого тыла. Если даже русский закон вряд ли соблюдается в русском глубоком тылу, то всё же остаётся опасность, что немецкие распоряжения попадут в руки вражеской пропаганды и будут последней противопоставлены русскому закону»^[416]. Таким образом, командование ОКВ получило экспертную оценку о том, что общее международное право продолжает защищать

жизнь военнопленных и без подписания Женевской конвенции их государством. Знало оно и о том, что в СССР существует адекватное внутреннее Положение о военнопленных. Тем не менее Кейтель игнорировал доводы Мольтке и Канариса, мотивируя это тем, что сейчас речь идёт *не о рыцарской войне, а об уничтожении мировоззрения*^[417].

Важное свидетельство того, какая судьба уготована советским пленным, – полное отсутствие их учёта ОКВ до января 1942 года, надёжно установленное Штрайтом^[418]. Это показывает связь действий нацистов с классической практикой поселенческой колонизации: этих людей для завоевателей как бы не существовало, поэтому ни их жизнь, ни их смерть не имело смысла отражать в документах. Особое, колониальное, отношение выразилось и в чудовищном факте клеймения красноармейцев, которое во всех цивилизованных странах если и применялось в середине XX века, то исключительно к скоту.

Тем не менее в январе 1942 года ОКВ предписало «каждому советскому военнопленному нанести ляписом клеймо на внутренней стороне левого предплечья». Однако вскоре тип клейма был изменен: оно приобрело «форму острого угла примерно в 40 градусов с длиной сторон в 1 сантиметр, расположенного острием кверху, которое ставится на левой ягодице на расстоянии ладони от заднего прохода»^[419]. Наконец, факт вопиющий: нацисты охотно использовали советских военнопленных как материал для бесчеловечных медицинских опытов. Описание одного из них сохранилось в показаниях Вальтера Неффа, санитаря, служившего в концлагере Дахау при докторе Зигмунде Рашере, изучавшем влияние холода на тело.

«Это был самый худший из всех экспериментов, которые когда-либо проводились. Из тюремного барака привели двух русских офицеров. Рашер приказал раздеть их и сунуть в чан с ледяной водой.

Хотя обычно испытуемые теряли сознание уже через шестьдесят минут, однако оба русских находились в полном сознании и по прошествии двух с половиной часов. Все просьбы к Рашеру усыпить их были тщетны. Примерно к концу третьего часа один из русских сказал другому: “Товарищ, скажи офицеру, чтобы пристрелил нас”. Другой ответил, что он не ждёт пощады “от этой фашистской собаки”. Оба пожали друг другу руки со словами: “Прощай, товарищ”... Эти слова были переведены Рашеру молодым поляком, хотя и в несколько иной форме. Рашер вышел в свой кабинет. Молодой поляк хотел было тут же усыпить хлороформом двух мучеников, но Рашер вскоре вернулся и, выхватив пистолет, пригрозил нам... Опыт продолжался не менее пяти часов, прежде чем наступила [смерть](#)»^[420].

Отметим, что, столкнувшись с необходимостью вуалировать политику уничтожения, в августе 1941 года Германия неофициально пустила представителей

Международного Красного Креста в специально подготовленный к их приезду показательный лагерь Хаммерштайн и передала им список из 297 фамилий советских пленнх. Список этот был подготовлен очень небрежно: в нём отсутствовали имена и отчества, указания воинского звания, места рождения, сведения о состоянии здоровья военнопленных, что произвело крайне отталкивающее впечатление на советскую сторону. Однако лицемерность нацистского руководства лучше всего иллюстрирует другой факт. Заигрывая с Красным Крестом, Германия ровно в то же время готовилась к испытаниям массового истребления людей с помощью газа циклон Б. Список из Хаммерштайна пришёл в Москву 29 августа 1941 года, а 3 сентября в Освенциме были впервые уничтожены методом газации 600 советских военнопленных и 250 поляков. Вскоре циклоном Б истребили следующую группу в 900 красноармейцев.

«Русских заставили раздеваться в

коридоре, и они совершенно спокойно вошли в морг, так как им было сказано, что будет проведена санобработка против вшей... Дверь заперли и через отверстия пустили газ. Как долго длилось убийство, я не знаю. Некоторое время ещё был слышен зуммер. При пуске кто-то крикнул: "Газ", в ответ раздался вой и стук в обе двери. Но они выдержали напор. Только через несколько часов открыли и проветрили. Я впервые увидел трупы погибших от газового удушья в таком количестве. Мне сделалось не по себе до дрожи, хотя я представлял себе смерть от газа ещё хуже. Я полагал, что это мучительная смерть от удушья. Но трупы были без каких-либо признаков судорог. Как мне объяснили врачи, синильная кислота действует парализующе на лёгкие, и это воздействие настолько внезапное и сильное, что дело не доходит до явлений удушья, как это имеет место при применении светильного газа или при откачке кислорода из воздуха. Об уничтожении русских

военнопленных я тогда не задумывался. Было приказано, и я должен был выполнять приказ»^[421], – так рассказывал об этом впоследствии комендант Освенцима Рудольф Хёсс.

В начале января 1942 года фюрер отверг предложение Красного Креста о дальнейшем составлении списков военнопленных с красноречивой мотивацией. «Первая причина заключается в том, что он [Гитлер] не желает, чтобы в войсках на Восточном фронте сложилось мнение, что в случае их пленения русскими с ними будут обращаться согласно договору. Вторая причина состоит в том, что из сравнения имён русских военнопленных русское правительство может установить, что в живых остались далеко не все из попавших в руки немецких солдат».

Установить это было бы нетрудно: к этому моменту в лагерях погибли почти два миллиона человек. Всего же за годы войны в немецком плену, только по официальным документированным данным, умертвили 3

миллиона 300 тысяч советских военнопленных, то есть 57 % от общего числа^[422]. Однако эта цифра неокончательна: она не полностью учитывает гибель советских пленнх в 1941 году, которая во многих случаях просто не отражалась в документах. Думается, что точнее цифры А. Даллина и В. Земскова, оценивавших число жертв немецкого плена в 3,8 или 3,9 миллиона человек. Людей убивали голодом, дикими условиями содержания, неоказанием помощи, непосильным трудом, моральными издевательствами, газом и садистскими экспериментами. При этом цели уничтожить всех военнопленных поголовно нацисты, конечно, не ставили; речь шла скорее о прореживании, экстремальном социал-дарвинистском естественном отборе, в результате которого выжившие получали право работать на «Тысячелетний рейх». Впрочем, главным фактором торможения этой программы стал срыв гитлеровского блицкрига. Одержатъ победу по плану

«Барбаросса» не удалось – Восточный фронт, наоборот, поглощал всё больше и больше живой силы. Рейху катастрофически не хватало рабочих рук. Это заставило Гитлера принять решение о более *рациональном* использовании военнопленных СССР. О тех, кто уже погиб из-за его бесчеловечной политики, фюрер просто не думал. Здесь действовал старый принцип *«они были бесполезны и все умерли»*. Но теперь *они* понадобились – и можно было позаботиться о том, чтобы поддержать их жизни, во всяком случае на период их полезности. Практику уничтожения стоило перенести на тех, кто менее нужен и более опасен «для Великой Германии».

Голод на Украине, в блокадном Ленинграде и оккупированной Ленинградской области как следствие плана Бакке

Слухи о планируемом голоде проникли в среду военных уже с первых дней вторжения. Капитан Вильфрид Штрик-Штрикфельдт запомнил, как в расположение группы армий «Центр» прибыли высокопоставленный чиновник из министерства Розенберга и некий партийный деятель. За обедом, на который их пригласил фельдмаршал Федор фон Бок, гости беспечно пересказали содержание секретных директив, корни которых уходили в разработки штаба «Ольденбург». По словам мемуариста, они открыто говорили, «что русских на сорок миллионов больше, чем нужно, и они должны исчезнуть. “Каким образом?” – “Голодной смертью. Голод уже стоит у дверей”. – “А если

удастся решить проблему голода?» – «Всё равно сорок миллионов населения лишние»»^[423].

Шокированный этим фон Бок отправил Штрик-Штрикфельдта в Берлин, чтобы прояснить ситуацию. В министерстве восточных территорий его успокоили: *«Смертность от голода, конечно, возможна. Но само собой разумеется, о преднамеренном убийстве никто не думает»*^[424]. Это была циничная ложь. Возможно, что Гитлер и Гиммлер, которые смотрели на Розенберга свысока, не говорили ему всего, но о планах лишить коренное население продовольствия он знал прекрасно. Наивно думать, что автор идиомы «окончательное решение еврейского вопроса» не понимал последствий. Этот «самоуверенный прибалт» и сам, обращаясь к подчиненным 20 июня 1941 года, декларировал: «Мы не берём на себя никакого обязательства по поводу того, чтобы кормить русский народ продуктами из этих [плодородных] областей изобилия. Мы знаем,

что это является жестокой необходимостью, которая выходит за пределы всяких чувств»^[425].

Хотя документы штаба «Ольденбург» говорили о продовольственной блокаде потребляющих областей («лесистой зоны»), принцип изъятия ресурсов не мог не применяться и в черноземье. В распоряжении группы армий «Юг» к плану Бакке относились благосклонно. Фельдмаршал Герд фон Рундштедт говорил: «Мы должны будем уничтожить по меньшей мере одну треть населения присоединённых территорий. Самый лучший способ для достижения этой цели – недоедание»^[426]. Посетив оккупированный Киев осенью 1941 года, группенфюрер СС Фриц Заукель повсюду слышал от соотечественников разговоры о том, что десять, а может и двадцать миллионов местных жителей должны умереть от голода^[427].

Любопытно, что изначально германский

диктатор планировал разрушить столицу Украины жесточайшими бомбардировками. 18 августа Франц Гальдер записал в дневнике: «Киев будет превращен “в пепел и развалины” (указание Гитлера)»^[428]. В этом намерения фюрера относительно «матери городов русских» были схожи с теми, что он имел по поводу Ленинграда и Москвы. Однако выполнить этот дьявольский план не удалось, и оккупационные войска столкнулись с 400-тысячным населением, судьба которого была решена на совещании штаба «Восток» в духе предшествующих решений «Ольденбурга». 16 сентября Геринг, Бакке и другие чиновники согласились с тем, что *«на оккупированных землях следует руководствоваться принципом, согласно которому надлежащее питание будут получать только те, кто работает на нас»*^[429]. Учитывая, что многие учреждения, например магазины, библиотеки, значительное число больниц, институтов и училищ, были закрыты, множество людей оказались брошены на произвол судьбы.

Устроиться на работу к немцам (даже при большом желании) могла лишь часть из них, и в основном речь шла о второстепенных постах вроде сторожа, посудомойки или кухарки. Для занимавших такие должности рекомендовался недельный паёк в 1500 граммов хлеба, 2000 граммов картофеля и 70 граммов сала. Детям и неработающим взрослым можно было надеяться ещё на меньшее: 750 граммов хлеба, 1500 граммов картофеля и 35 граммов сала. Однако это были не обязательные показатели, а, как отмечает историк Карел Беркгоф, «программа-максимум», с которой при определённых оговорках немцы могли согласиться в некоем будущем^[430].

Последствия разработок штаба «Восток» сказались очень быстро. 17 октября киевская художница Ирина Хорошунова записала в дневнике: «У нас начинается настоящий голод. Хлеба нет. Его выдали дважды по 200 граммов на человека и уже больше недели ничего не выдают. Пустили слух, что хлеб отравлен, и потому его не дают населению. Но сами

немцы всё время едят хлеб, очевидно не боясь отравиться. Купить до сих пор ничего нельзя. Магазины все закрыты»^[431]. Похожую картину рисует и писатель Анатолий Кузнецов, который был ребёнком в годы нацистской оккупации: «Магазины стояли разбитые, ничто нигде не продавалось, кроме как на базаре, но если бы даже и магазины открылись, то на что покупать? До войны хлеб стоил в магазине 90 копеек килограмм. Теперь на базаре иногда продавали самодельный хлеб по 90 рублей за килограмм. Столько денег раньше мать получала чуть ли не за целый месяц работы. А сейчас у нас денег не осталось вообще»^[432].

В поиске продовольствия большая часть населения была полностью предоставлена сама себе. Киевляне собирали каштаны, ловили кошек, птиц, а также рыбу в Днепре. Шанс на выживание давали обмен или покупка продуктов по баснословным ценам. Это можно было сделать либо на базаре, где хозяйничали спекулянты, либо в деревнях.

Последнее, однако, было сопряжено с опасностью: перспектива вернуться домой после начала комендантского часа грозила расстрелом. Но главное, с ноября полиция начала блокировать провоз и даже пронос продовольствия из деревни в город. В донесении генералу Томасу от 2 декабря 1941 года о том, что крупные украинские города вообще не получают продовольствия, открыто говорится как о способе избавления от лишних ртов^[433].

Общая ситуация ухудшалась. 18 ноября 1941 года Хорошунова пишет: «Вокруг уже много распухших голодных. Глядя на них, не можешь есть, кусок останавливается в горле. А помочь нечем. И мысли о голоде вытесняют все остальные. И ещё страшно, что голод лишает нас человеческого облика. Кажется, что за тарелку похлёбки, за кусочек хлеба готов отдать всё... В жалких столовых невозможно есть, потому что горящие глаза ожидающих очереди, кажется, сжигают тех, кто ест. И счастливых таких очень мало. И

едят они не так, как обычно, а едят стыдась, склоняясь низко над тарелками. Глодают быстро, чтобы скорее уйти. Столовых мало. Они одна за другой закрываются. И есть они только при немногих так называемых учреждениях»^[434].

Наступление весны не принесло выжившим киевлянам облегчения. 15 апреля Хорошунова занесла в дневник душераздирающую запись: «Голод приобретает ужасные размеры. На базарах ничего, а то, что появляется, абсолютно недоступно... Погода ужасная. Позавчера валил мокрый снег, и снова всё было засыпано снегом. А вчера и сегодня едкий молочный туман. Он сейчас съедает снег и людей вместе с ним. Люди умирают без конца. Никто не может сосчитать количества умерших людей... Люди падают от голода, и не видно просвета»^[435]. Учительница Л.Г. Нартова в то же время пришла к определенному выводу: «Опять запретили торговать на базарах... Что же делать людям, как жить? Возможно, они

хотят уморить нас медленной смертью. Очевидно, неудобно всех пострелять»^[436].

Впрочем, после провала блицкрига голод стал использоваться не только как средство уничтожения. Теперь он превратился ещё и в инструмент принуждения к записи в оstarбайтеры. Пропагандистские листовки намекали киевлянам, что в Германии их ожидает спасение от голода.

Коренное население пыталось бороться с продовольственной блокадой. Определённые возможности были у коллаборационистов, которых нацисты привлекли на службу идеями борьбы с большевизмом. В пропагандистских целях немцам приходилось иногда идти им на уступки; так, победой киевского бургомистра Владимира Багазия стало разрешение оккупантов на проезд в Киев 128 подвод с продуктами из сельской местности в октябре 1941 года. Но это был всего лишь эпизод. Впоследствии провезти еду в город неофициально стало гораздо труднее. А с лета 1942 года по указанию Эрика Коха за это

взялись с удвоенной силой; как писал коллаборационист Л.В. Дудин, «на всех ведущих в город дорогах были выставлены наряды немецкой и украинской полиции, наберёванной немцами из самых подозрительных элементов... Эти наряды должны были конфисковать продукты у едущих в город крестьян и даже у возвращавшихся из деревень голодавших горожан и передавать эти продукты в распоряжение городских властей»^[437]. В том, что власти потом не распространяли продовольствие среди горожан, Дудин винит вороватых полицаев – они якобы всё присваивали себе. На самом деле исполнители могли что-то украсть только в одном случае – если истинные хозяева положения, руководители оккупационной администрации, смотрели на это сквозь пальцы.

Население Киева более чем с 400 000 в сентябре 1941 года (Кузнецов даёт цифру 423 000^[438]) сократилось до 180 000 к моменту освобождения, то есть примерно на 240 000

человек, больше чем вполовину^[439]. Около трети потерь приходится на систематические казни, в первую очередь еврейского населения в Бабьем Яру. Не менее 70 000 граждан Киева были угнаны на принудительные работы в Германию. Остальные стали жертвами голода, холода, отсутствия медицинской помощи, карательных акций и бытового насилия. Похожая ситуация была в Харькове, где зимой 1941–1942 годов также свирепствовал голод. «Гітлер-візволитель» – писал мемуарист Константин Власов, освободивший харьковчан от большинства жизненно важных вещей, освободил их и от необходимости употребления пищи... Вопрос, как выжить, стоял перед многими. «У нас в коридоре жили две пары пожилых супругов. Одна пара куда-то исчезла, и больше я её никогда не видел. Другой, видно, некуда было исчезнуть, и она тихо умирала от голода. Я вначале делился с ними лепешками, а потом и сам стал пухнуть от голода... В ноябре чета Новсковых скончалась, и взрослые на тачках их куда-то

увезли. Такими трагедиями был переполнен весь город»^[440]. Исследователь Норберт Мюллер оценил число жертв голода в Харькове только за зимние месяцы в 23 000 человек^[441].

Игорь Баринов, автор диссертации об оккупационном режиме нацистов на Украине, справедливо указал на то, что спланированный голод «вызвал массовые вспышки инфекционных заболеваний, в ряде мест переросших в эпидемии. Так, зимой 1941/42 гг. эпидемия сыпного тифа охватила Донбасс, Днепропетровск и Кривой Рог. В целом за время оккупации по сравнению с довоенным уровнем в 15 раз увеличилась заболеваемость сыпным тифом и 18 раз – дифтеритом»^[442]. Как поясняет учёный, «доступ к медицинскому обслуживанию по указу рейхскомиссара Коха от 1 мая 1942 г. имели только лица, работавшие на рейх, причём зачастую оно было платным: так, цена обычной перевязки доходила до 40

карбованцев. Ситуацию усугубляли и карательные действия ведомств Гиммлера по отношению к заболевшим. СД уничтожала больных прямо в больницах, а те, кто успевал скрыться, только способствовали распространению инфекционных заболеваний». Таким образом нацистская верхушка готовила почву для колонизации Украины. В меморандуме штаба «Восток» в июне 1942-го уже прозвучал леденящий кровь эвфемизм: в отношении населения Украины предпочтительна «не эвакуация, а замена»^[443].

Но ещё более радикальная «замена», в соответствии с майскими решениями «Ольденбурга», планировалась для населения крупных городов так называемой «лесистой зоны». Первым из них на пути вермахта был город на Неве.

Как ни странно, связь блокады Ленинграда с общей национал-социалистической политикой уничтожения исследована мало. Среди историков, которые занимаются вопросами нацистского геноцида,

есть относительный консенсус о том, что «уничтожение путём блокады мирного населения Ленинграда изначально было запланировано нацистами»^[444]. Однако даже автор этой цитаты Александр Дюков не проводил прямой связи между весенними документами хозяйственного штаба «Ольденбург» и теми директивами, которые получала группа армий «Север» от ОКВ и ОКХ с июля по октябрь 1941 года.

На наш взгляд, любой разговор о трагедии Ленинграда стоит начинать с того, что продовольственную блокаду города на Неве программировало распоряжение Бакке – Томаса от 23 мая 1941 года. Менее чем через месяц, 16 июня, штаб военно-экономического планирования исторг из бюрократического чрева документ, в котором о будущей судьбе Северной столицы СССР говорилось с помощью прозрачного эвфемизма:

*«Особые условия в великорусском Ленинграде, городе, который **весьма трудно прокормить**, с его ценными верфями и*

близлежащей *алюминиевой*
промышленностью, требуют особых
мероприятий, которые будут предприняты
своевременно»[\[445\]](#).

В этой цитате особенно красноречивы слова *«который весьма трудно прокормить»*. А про особые мероприятия более откровенно сказал сам Гитлер на совещании с военными 8 июля. В этот день Франц Гальдер, как обычно бесстрашно, записал в своём дневнике: *«Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землёй, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае потом мы будем вынуждены кормить в течение зимы... Это будет народное бедствие, которое лишит центров не только большевиков, но и москвитов (русских) вообще»*. 16 июля Гальдер вновь отметил желание фюрера *«сровнять Ленинград с землёй»*[\[446\]](#).

Таким образом, хотя военный план «Барбаросса» и подразумевал **взятие**

Ленинграда, из приведённых цитат видно, что Гитлер скорее подразумевал под этим его уничтожение, что не противоречило логике плана Бакке, главный смысл которого – отнять пропитание у местных жителей в пользу немцев. На то, что фюрер изначально следовал предначертаниям статс-секретаря министерства продовольствия и планировал *очищать территории с помощью голода*, указывает следующий факт: уже 15 июля ОКХ сообщило в штаб группы армий «Север» о задаче не брать Ленинград, а пока *блокировать его*. Командующий группой армий фельдмаршал Вильгельм фон Лееб отметил в дневнике 26 июля: *«Ленинград не должен быть взят, его следует только окружить»*^[447].

Для Лееба, человека консервативных взглядов, окружение подавалось как рациональный способ измором принудить город к капитуляции. Поэтому в самой группе армий долгое время рассматривался вариант, что вермахт войдёт в Ленинград, и даже

разрабатывались детали его оккупации.

28 августа, когда немцы оказались близки к тому, чтобы блокировать Ленинград с суши, ОКХ отдало приказ пресекать попытки населения прорваться сквозь кольцо, пока ещё неполное. 1 сентября Кейтель сообщил фон Леебу, что кормить гражданское население города Германия не может, хотя сам он знал об этом уже давно. А уже спустя четыре дня Гитлер к неудовольствию Лееба санкционировал переброску части войск из-под Ленинграда в группу армий «Центр» для наступления на Москву. Положение вермахта на севере и так казалось фюреру достаточным для его намерений: спустя три дня немцы взяли Шлиссельбург и замкнули сухопутную блокаду. В этот период планы относительно ленинградцев стали уже окончательно явными: Лееб их не оспорил. Наоборот, 11 сентября командующий 18-й армией Георг фон Кюхлер запросил у командования группы армий информацию, как войска будут снабжать горожан после капитуляции, и

получил ответ: *«Это абсолютно не предусмотрено. Группа армий “Север” не заинтересована кормить целый город всю зиму»*^[448]. Принципиальный Кюхлер с этим не смирился и внёс предложение направить в оккупированный Ленинград одиннадцать эшелонов низкосортного продовольствия. На этот раз вразумлять военного с его представлениями о рыцарской войне пришлось самому генерал-квартирмейстеру ОКХ Эдуарду Вагнеру. Напомним, что Вагнер в мае присутствовал на совещании штаба «Ольденбург», где согласовал с генералом Томасом продовольственную блокаду промышленных центров в нечернозёмной зоне России. Именно Вагнер установил убийственные нормы питания для военнопленных по линии ОКХ. Неудивительно, что его отклик на предложение Кюхлера был категоричным: *«Командование 18-й армии не должно предпринимать каких-либо мер для снабжения Ленинграда»*^[449]. Вскоре на совещании в ОКХ

Вагнер заявит: *«Не подлежит сомнению, что именно Ленинград должен умереть голодной смертью, так как нет возможности прокормить этот город. Единственная задача командования – держать войска на удалении от всего того, что в нём происходит»*^[450].

Всё это было в первую очередь мнением самого фюрера. 16 сентября Гитлер, проявляя постоянство, внушал германскому послу в Виши Отто Абетцу:

«Ядовитое гнездо Петербург, из которого в Балтийское море так долго “бьет ключом” яд, должен исчезнуть с лица земли. Город уже блокирован; теперь остаётся только обстреливать его артиллерией и бомбить, пока водопровод, центры энергии и всё, что необходимо для жизнедеятельности населения, не будет уничтожено. Азиаты и большевики должны быть изгнаны из Европы, период 250-летнего азиатства должен быть закончен».

Думается, нет сомнений в том, кого фюрер подразумевает под азиатами, однако

сейчас для нас важнее, что эта политика не встречала сопротивления в гитлеровском командовании. «Мы в город не входим и не можем его кормить», – так 20 сентября заявил Кейтель начальнику штаба ГА «Север» генералу Курту Бреннеке.

Кульминация наступила 10 октября: в этот день ГА «Север» получила судьбоносный приказ ОКВ, в котором наиболее чётко просматривается связь с майской директивой Бакке – Томаса.

«Фюрер решил, что капитуляция Ленинграда не будет принята, даже если противник её предложит... Ни один немецкий солдат не должен входить в город. Попытки жителей пройти через нашу линию фронта следует пресекать, открывая огонь. Открытые узкие коридоры, которые позволят населению бежать вглубь России, следует, напротив, приветствовать»^[451].

Последнее замечание не стоит расценивать как проявление гуманности. Далёко ли могли уйти истощённые пешие

беженцы, особенно в таком скудном с точки зрения плодородия краю, как Северо-Запад России, осенью-зимой 1941 года? К тому же выталкивать их предлагалось в ту самую нечернозёмную «лесистую зону», население которой после победы Германии нацисты не собирались снабжать продовольствием. Таким образом, речь в приказе ОКВ шла об особой, хотя и завуалированной форме массового убийства.

Тесную связь этого распоряжения с директивой Бакке – Томаса демонстрирует распространение принципа обезлюживания методом голода и насильственного сгона с территорий во все русские мегаполисы, которыми вермахту ещё предстояло овладеть.

«Для всех остальных городов действует правило, что перед взятием они должны быть разрушены артиллерийским огнём и атаками авиации, а население должно быть принуждено к бегству. Ставить на карту жизнь немецких солдат для спасения русских городов от опасности пожаров или кормить

их население за счёт немецкой родины – безответственно»^[452].

В тот же день в группе армий «Центр» получили аналогичную директиву ОКВ относительно Москвы.

Впрочем, нельзя сказать, что в войсках под Ленинградом эти приказы восприняли бесстрастно. Инспекция генштаба показала, что солдат весьма беспокоит перспектива стрелять по голодным женщинам и детям, если те начнут прорываться через немецкий фронт. Командир 58-й дивизии полагал, что его бойцы всё же откроют огонь, сознавая «невозможность кормить местных жителей за счёт Великой Германии», но беспокоился насчёт психики личного состава в послевоенное время. Фон Лееб, наоборот, боялся актов неповиновения. В ответ на это ОКХ рекомендовало устроить перед немецкими позициями минные поля, чтобы, как писал командующий группой армий, «избавить войска от ведения непосредственных боёв с гражданским

населением»^[453]. Вскоре это и было сделано.

В свете изложенных фактов совершенно нелепыми и безответственными предстают заявления о том, что Ленинград следовало сдать немцам и это якобы могло сохранить жизни горожан. Объяснить их можно либо невежеством, либо политическим ангажементом. Напомним, что из блокадного города было эвакуировано около 1 059 000 человек (659 000 в период с сентября 1941 года по апрель 1942-го, 403 000 с апреля по октябрь 1942-го, а около 800 000 оставались во вторую блокадную осень в городе-фронте, поскольку снабжение уже наладили)^[454]. Очевидно, что такое число людей никак не смогло бы выйти через «узкие коридоры», которые упоминались в приказе ОКВ. При этом в реальной истории блокадников поддерживал совершенно недостаточный, скудный, но тем не менее паёк, который немцы никому давать не собирались. Эвакуация осуществлялась организовано на авиа-, авто- и водном транспорте, что просто несравнимо с пешими

маршами, особенно в условиях осенне-зимнего времени. Наконец, в тылу истощённых ленинградцев откармливали, размещали в пригодных для жизни помещениях, им оказывалась медицинская помощь. Ничего подобного нацистский сценарий не предусматривал. Ленинградцы были просто не нужны Гитлеру, так же как и советские военнопленные.

Кроме того, стоит безоговорочно согласиться с Львом Лурье и Леонидом Маляровым, авторами книги «Ленинградский фронт», которые пишут: *«Какова была бы судьба Ленинграда, окажись он под немцами? Мы можем не гадать об этом, потому что Ленинград был в оккупации: Стрельна, Красное Село, Петергоф, Павловск, Пушкин... Немцы могли занять, по их данным, не более 10 % трудоспособного населения. Это значит, что 90 % было обречено на вымирание»*^[455].

Ситуация осени-зимы 1941–1942 года в предместьях города совершенно не отличалась

от того, что происходило в самом Ленинграде. План голода действовал тут на полную мощность. «С приходом немцев мы не получали никаких продуктов, – вспоминала Кира Сретенцева, которая перед началом войны окончила четвёртый класс в Пушкине. – Люди очень скоро стали умирать от голода целыми семьями. До марта 1942 г. немцы совершенно не думали о продовольствии для населения. В Пушкине в самое голодное время развилась сильная спекуляция... Семья продала костюм отца из японского бостона за 5000 рублей. Но что это значило, если немецкая буханка хлеба стоила от 800 до 1200 рублей»^[456].

Журналистка Олимпиада Полякова (псевдоним Лидия Осипова), несмотря на подчёркнуто антисоветские взгляды, запечатлела жизнь в Пушкине и поведение оккупантов в своём дневнике без всяких прикрас. 14 октября она отметила: «Немцы нами, населением, совершенно не интересуются, если не считать комендантов,

которые меняются чуть ли не еженедельно, да ещё мелкого грабежа солдат, которые заскакивают в квартиры и хватают что попало»^[457]. 12 ноября Осипова пишет, что «голод принял уже размеры настоящего бедствия». В этих условиях «совершенно сказочные богатства наживают себе повара при немецких частях»^[458].

20 декабря в её дневнике появляется запись: «Жить становится всё ужаснее. Сегодня идём на работу в баню, вдруг распахивается дверь в доме, и из неё выскакивает на улицу старуха и кричит: “Я кушать хочу, поймите же, я хочу кушать!” Мы скорее побежали дальше. Слышали выстрел»^[459]. Спустя неделю автор дневника сообщает, что старики из дома инвалидов попросили немцев разрешить им употреблять в пищу тела умерших. После этого комендант приказал немедленно вывезти стариков в тыл, а германский военный переводчик из белых эмигрантов пояснил Осиповой, что эта

«эвакуация» закончится общей могилой в Гатчине. В феврале она пишет, что Пушкин вымирает: «...каждое утро получаешь такую моральную зарядку – 3 или 4 подводы, груженые, как попало, совершенно голыми трупами. И это не какие-то отвлечённые трупы, а твои знакомые и соседи. И всякий раз спрашиваешь себя: не повезут ли завтра и меня таким же образом, или, ещё хуже, Колю?»^[460]

Чтобы не умереть с голоду, люди не брезговали и падалью. Так, житель Стрельны Вячеслав Иванков рассказывал: «В декабре удалось найти и выкопать убитую осенью лошадь. Мать нарубила уже разлагающегося мяса и на санках привезла его домой. Мясо выветривали и вымачивали, но всё равно при жарке его стоял ужасный запах. Эти “ароматные” котлеты ели все, никто не отказывался, – нужно было выживать»^[461]. Вера Фролова, тоже жительница Стрельны, вспоминала, что в первый день оккупации солдаты вермахта ради забавы убили её собаку.

Спустя несколько месяцев в разгар зимы её родственник, обезумев от голода, вырыл труп собаки и съел. Однако его это не спасло^[462].

Тех, кто не работал на оккупационные органы, немцы не только не кормили, но и отнимали у них всё что можно. Так, с пушкинской девочки Люси Хардикайнен немецкий солдат в высокоградусный мороз прямо на улице снял валенки, и домой она бежала в носках^[463]. Другая жительница Пушкина, Антонина Дадоченко, вспоминала, как немец отнял у неё сахар: *«Перед ноябрьскими праздниками нас всех выгнали из подвала на площадь у дворца, выстроили в каре, заставили поставить перед собой вещи. Немцы подходили к нашим вещам и копались. А что могло быть у беженцев? У нашей семьи взяли пилёный сахар... Когда немецкий солдат взял кусочки сахара, я, конечно, была сражена»*^[464]. Лидия Осипова тоже рисовала картину хотя и мелких, но постоянных грабежей: *«То котёл для варки белья утянут,*

то керосиновую лампу, то какую-либо шерстяную тряпку. Усиленно покупают за табак и хлеб золото и меха. За меховое пальто платят две буханки хлеба или пачку табаку. Но платят. Жадны и падки они на барахло, особенно на шерстяное, до смешного. Вот тебе и богатая Европа. Даже не верится»^[465].

К моменту освобождения от гитлеровской оккупации регион, включавший современные Ленинградскую, Новгородскую и Псковскую области, уже переживал настоящую демографическую катастрофу. В границах одной только современной Ленобласти население сократилось с 1 миллиона 618 тысяч 509 человек до 482 963 человек, причём последняя цифра даётся на 1 января 1945 года, когда часть эвакуированных граждан вернулась в родные места^[466]. В границах современной Псковской области население уменьшилось с 1,5 миллиона человек до 264 882^[467]. Более 700 000 граждан из Северо-

Западного региона нацисты угнали в Германию в качестве невольников (из современных границ Ленобласти – 404 000) [\[468\]](#). Более-менее надёжно документированы 750 000 жертв нацистского управления на территории края, включая узников лагерей для военнопленных. Однако жертвы среди гражданского населения пока изучены недостаточно. По словам немецкого историка Герхарта Хасса, *«число людей, умерших от голода, физического истощения, непосильного труда на оккупантов, покончивших жизнь самоубийством, не поддаётся учёту»* [\[469\]](#). Тем не менее очевидно, что мечты гитлеровских элит об очищении территорий от коренного населения начали воплощаться в жизнь.

Хорошей иллюстрацией, ярким частным случаем нацистской техники обезлюдивания может служить судьба знаменитых исторических центров Пушкина и Павловска (Слущка). К концу 1942 года в обоих городах оставалось, по самым оптимистичным оценкам, лишь несколько сотен коренных

жителей. Так, в Пушкине под оккупацию попали 35–37 тысяч человек. Примерно половина из них, 18 638, погибла, причём 9500 от голода, 6267 были расстреляны, 1105 повешены, 1205 умерли после истязаний и только 285 от попадания авиабомб. Ещё 17 968 человек были депортированы в Германию в качестве рабочих невольников^[470]. Данных о числе вернувшихся нет, но, даже если фантастично предположить, что возвратились все, процент истреблённых граждан составит половину от всех пушкинцев, бывших в оккупации.

В Павловске (Слуцке) к началу немецкой оккупации оставалось около 15 000 человек. Из них за время немецкого господства в самом городе погибли 6742 жителя, причём 6400 (43 %) – именно от голода. Ещё 6200 человек были угнаны на принудительные работы в Германию, из этого числа скончались 3500 человек^[471]. Таким образом, больше 60 % жителей Павловска, оставшихся под оккупацией, стали жертвами нацистской

политики уничтожения, а подавляющее число остальных оказалось на чужбине в качестве рабочей силы для «расы господ».

План голода не был исполнен в полном объёме по нескольким причинам. Во-первых, в 1941 году немецкие войска не сумели занять все территории, откуда планировался вывоз ресурсов, и, соответственно, отсечь от них города нечернозёмной зоны. Во-вторых, в условиях продолжающейся войны Германии не хватало войск для полноценной продовольственной блокады советских городов, хотя зимой 1941–1942 года она была частично организована даже для Киева и Харькова, что резко усилило смертность в этих советских мегаполисах. В-третьих, ожесточённое сопротивление Красной армии и провал блицкрига увеличивали коэффициент *полезности* местного населения: там, где можно было бы использовать освободившиеся войска, необходимо было привлекать коренных жителей. Это замедляло уничтожение. Однако замыслы Бакке и Томаса всё равно унесли

жизни не менее двух миллионов человек. Среди тех, кто умер от голода вне блокадного Ленинграда, были такие известные люди, как писатель-фантаст, автор «Человека-амфибии» Александр Беляев, выдающийся русский историк профессор Владимир Чернов, дядя Александра Блока архитектор Бекетов и многие другие, о которых мы обязаны помнить.

Истребление по линии СС и вермахта: карательные операции с избыточным насилием, холокост и преступные приказы в контексте плана Бакке

Голод был не единственным средством уничтожения «излишних» гражданских лиц. Гиммлер энергично приступил к зачистке оккупированных территорий, письменно, а порой и устно отдавая самые радикальные приказы на уничтожение всё больших групп населения.

В Нюрнберге генерал Бах-Зелевский показал: рейхсфюрер не исключал, что для ликвидаций можно привлекать даже немецких уголовников-рецидивистов^[472]. Одно такое «преступное» соединение – бригада СС «Дирлевангер» во главе с откровенным маньяком Оскаром Дирлевангером – и правда

воевало на Восточном фронте. О том, насколько беспощадной к мирному населению была политика его карательных операций, видно, например, из приказов начальника тыловой службы группы армий «Центр» генерала Макса фон Шенкендорфа летом 1942 года. Шенкендорф находился в реальной обстановке оккупации – в Белоруссии, где партизанское движение заявило о себе особенно громко, и своими глазами видел, что безграничное насилие в ситуации провалившегося блицкрига ведёт лишь к росту сопротивления. В первых числах июня 1942-го он впервые попытался запретить расстрел женщин и детей, за исключением женщин с оружием в руках (он подтвердил этот запрет ещё раз 3 августа 1942-го)^[473]. Однако 16 июня силы СС, полиции и вспомогательных частей вермахта в ходе операции возмездия за убийство партизанами 15 полицейских из 51-го батальона уничтожили крупную, состоящую из нескольких посёлков деревню Борки со всеми жителями. Были убиты 2022

человека – преимущественно женщины, дети и старики. В последующие две недели подчинённые Дирлевангера сожгли ещё больше десятка деревень. Узнав об этом, Шенкендорф вызвал к себе главного руководителя СС в регионе Бах-Зелевского и пообщался с ним на повышенных тонах. Однако действия это не возымело. По словам Д. Жукова и И. Ковтуна, «высший фюрер СС не мог наказать Дирлевангера и штурмбаннфюрера Рихтера, так как за ними стояли сильные и влиятельные руководители “Чёрного ордена”»^[474]. Когда Бах-Зелевского уже на суде спросили, почему предложения прекратить истребление, направленные Гиммлеру «с мест», игнорировались, генерал ответил: «Очевидно, потому что эти изменения были нежелательны»^[475].

Впрочем, каким бы мерзавцем ни был Дирлевангер, действия других карателей не сильно отличались от того, что творил он. Деревни со всеми их жителями сжигались в России, на Украине, в Белоруссии, причём

основанием могли стать даже провальные действия партизан. Так, в ноябре 1943 года на mine подорвалась машина с генералом Альбертом Фричем – он был лишь легко ранен. В ответ гитлеровцы уничтожили всё население – 280 человек – деревни Красуха близ старинного русского города Порхов^[476]. И так было повсеместно. В период отступления вермахта ликвидация приобрела уже несколько иные мотивы – не «очищение земель и избавление от лишних ртов», а уничтожение «биологической силы противника». Но суть её оставалась та же – массовые убийства.

Причём и на первом, и на втором этапе геноцида этнический мотив уничтожения в действиях СС и полицейских часто озвучивался публично, что видно, например, из сообщения капитана Межгрависа из 321-го латышского полицейского батальона: «Я выполнял приказ генерала Еккельна, который приказал уничтожить всё русское на своём пути, я сжёг более 200 сёл и деревень, сжигали

также детей и стариков, так как с ними некогда было возиться, полегло их тут тысяч 10, а может быть, и больше, всего разве упомнишь... Их и не следует щадить, а уничтожать всех до единого, приказ Еккельна есть приказ фюрера, и мы должны защищать их интересы»^[477]. Офицер тыла РОА В. Балтиньш сообщал в Ригу полковнику В. Позднякову: «В 1944 году я приехал в деревню Морочково. Вся она была сожжена. В погребах хат расположились латышские эсэсовцы... Я спросил у одного из них – почему вокруг деревни лежат непогребённые трупы женщин, стариков и детей – сотни трупов, а также убитые лошади. Сильный трупный запах носился в воздухе. Ответ был таков: “Мы их убили, чтобы уничтожить как можно больше русских”»^[478].

Ещё один служащий подчинённых Гиммлеру ведомств – старший ефрейтор вспомогательной нацистской полиции Рейнгард Рецлав – вспоминал, что прослушал «несколько лекций руководящих чиновников

германской тайной полевой полиции, которые прямо утверждали о том, что народы Советского Союза, и в особенности русской национальности, являются неполноценными и должны быть в подавляющем большинстве уничтожены, а в значительной своей части использованы немецкими помещиками в качестве рабов»^[479]. Рецлав усвоил материал и отметился затаскиванием заключённых харьковской тюрьмы в машины-душегубки.

Настроения, которые внушались чинами ГФП (тайной полевой полиции), были широко распространены. Так, русский эмигрант Ростислав Завадский, попавший в валлонский легион – будущую дивизию СС «Валлония», удручённо записал в дневнике: «Не подать ли прошение по начальству о переводе куда угодно, но подальше отсюда. Становится тяжело, нам здесь не место. Мы не ко двору. Нетактичные намёки и разговоры одних, видимая нелюбовь других. **Мы, русские – гунны, дикари, народ, который вообще**

надо уничтожить и проч.»^[480].

Был ли холокост частью «вернихтургскриг» или его следует считать отдельной, независимой программой уничтожения? И да и нет. С одной стороны, он несомненно вытекал из того антисемитизма, который возвели в ранг государственной политики Нюрнбергские законы. Адепты Гитлера считали евреев главным источником мирового зла, биологическими носителями идеи разрушения. «Славяне – низшая раса, евреи – вообще не люди»^[481], – так охарактеризовал нацистское мировоззрение Бах-Зелевский. Именно этот дискурс в итоге привёл к Ванзейской конференции в январе 1942 года, где бонзы рейха утвердили решение тотально уничтожить евреев Европы.

С другой стороны, советские евреи даже среди «НЕ людей» вызывали у последователей фюрера особую ненависть: считалось, что в России еврейство, оперируя идеологией большевизма, обрело всю полноту власти и повелевает аморфной славянской массой. В

глазах нацистов это делало евреев СССР опаснее всех прочих.

Уже летом 1941 года в Берлине была издана брошюра «Письма с фронта», где жизнь в СССР изображалась весьма однообразно и карикатурно. Одним из постоянных мотивов этой пропагандистской макулатуры было господство и процветание евреев при советской власти. Так, некий капрал медицины Пауль Ленц убеждал адресата: *«Только еврей может быть большевиком; для этих кровопийц нет ничего лучше, если их некому остановить. Куда ни плюнь, кругом одни евреи, что в городе, что в деревне. Насколько мне известно (мы спрашивали людей, чтобы знать правду), ни один еврей не работал в “рае рабочих”». Даже самые маленькие кровопийцы имели должности с большими привилегиями. Они жили в лучших домах, если их можно назвать домами. Настоящие рабочие жили в маленьких домишках или в бараках для скота так же, как чернорабочие в старой России.*

Нет никакой разницы, что в деревне, что в городе с 300-тысячным населением типа Минска – всюду бараки. Даже перед самой войной большинство рабочих испытывало только голод, нищету и рабство. Некоторым будет интересно, что тут были театры, оперы и так далее, даже большие здания были, но только для богатых, а богатые – это кровососы и их прихлебатели»^[482].

Такая идеология позволяла искусственно сводить любые факты сопротивления на территории СССР к проискам евреев и, соответственно, направлять **избыточное насилие** против представителей еврейского народа. Оккупационным войскам внушалось: «Там, где партизан, там и еврей. Где еврей, там и партизан». Например, массовые казни евреев в Бабьем Яру выглядели в глазах солдат вермахта как возмездие за взрывы киевских зданий, в которых расположились органы оккупационной администрации. Мотивацию палачей отражает следующая запись немецкого пехотинца: «В Киеве из-за мин

происходит один взрыв за другим. Город горит уже восемь дней. Всё это сделали евреи. За это были расстреляны евреи от 14 до 60 лет и будут расстреляны жены евреев, иначе этому не будет конца»^[483]. Точно так же 27 октября 1942 года Пинское гетто было ликвидировано по приказу Гиммлера как «центральная база бандитского движения». Естественно, нацисты не утруждали себя доказательствами этой версии, и она использовалась как повод, а не как ошибочно понятая причина убийств. Здесь просматривается явная схожесть с приказами Гитлера и рейхсфюрера СС о коллективном возмездии гражданскому населению за действия партизан, а значит – и логика очищения земли для заселения её немцами.

В самом деле, хотя Гиммлер и говорил – в духе своего кумира Генриха Льва – об истреблении 30 миллионов **славян**, но в первую очередь он имел в виду 30 миллионов «**лишних людей**» на территориях СССР, которые надлежало колонизировать. А к

«лишним», бесспорно, могли быть причислены представители всех «низших рас», включая, разумеется, «самую низшую» с точки зрения нациста – евреев. В европейской части Советского Союза на 22 июня проживало 4 885 000 представителей библейского народа, то есть примерно 17 % от лимита, на который в течение войны следовало сократить советское население^[484]. В этом смысле евреи были идеальной мишенью для нацистов. Во-первых, иррациональная ненависть к «жидобольшевикам» у значительной части вермахта и особенно у эсэсовских формирований была воспитана многолетней пропагандой. Нацистская армия была готова верить любым рассказам о злодеяниях евреев. Во-вторых, евреев было просто опознать по внешним признакам (чего нельзя было сделать в случае с коммунистами) и отделить от остального населения – это значительно облегчало организацию «чисток».

В пользу этой версии говорят документальные доказательства того, что

уничтожение евреев трактовалось в том числе как экономическая необходимость, то есть вполне соответствовало плану Бакке. Например, 2 декабря 1941 года генерал Георг Томас получил донесение от военного инспектора по Украине, где перечислялись меры, которые способствовали снабжению вермахта и рейха:

1) ликвидация излишних ртов (**евреи**, население крупных украинских городов, подобных Киеву, которые вообще не получают продовольствия);

2) чрезвычайное уменьшение предоставляемых норм местному населению;

3) сокращение потребления среди крестьянского населения^[485].

В Симферополе айнзацгруппа D убивала евреев по просьбе командования армии, так как этой области угрожали голод и нехватка жилья^[486]. Комендатура Керчи сообщала 27 ноября 1941 года, что «ликвидации евреев будет проведена ускоренными темпами из-за угрожающего продовольственного

положения»^[487]. То же самое зафиксировано в Джанкое, где евреев сначала согнали в концентрационный лагерь, но вскоре там возникли «голод и опасность эпидемий»^[488]. «Необходимо предпринять чистку», – сообщила комендатура, что и было сделано. Всё это позволило историку Кристиану Герлаху сделать аргументированный вывод, что евреев уничтожали в том числе и как конкурентов по потреблению^[489].

Первый нацистский директивный документ, который называет евреев в качестве отдельной группы, подлежащей уничтожению, – «Приказ о комиссарах» от 6 июня 1941 года^[490]. Однако в нём речь идёт только о евреях-военнопленных, которые действительно стали первыми советскими жертвами холокоста, – их расстрелы начались уже 22 июня. Приказ же о массовом уничтожении всех евреев, как и политических комиссаров, был, по свидетельству Олендорфа, отдан айнзацкомандам (группам особого

назначения, действующим в тылу) 17 июня^[491]. Это распоряжение Гиммлера и Гейдриха устно передал личному составу генерал-лейтенант Бруно Штрекенбах. Однако уже 2 июля письменная, то есть официальная, директива Гейдриха ограничила круг жертв: приказ предписывал убивать лишь «евреев – членов партии и состоящих на государственной службе»^[492]. Такая разноречивость вносила в действия нацистов некоторую путаницу. В результате хотя еврейское население везде жестоко унижалось немцами с первых дней оккупации, но его тотальное уничтожение в некоторых местах осуществилось далеко не сразу.

Документы и свидетельства организаторов холокоста показывают, что «мотором» истребления был именно Гиммлер. По словам того же Олендорфа, в конце июля на совещании в Николаеве глава СС чётко ориентировал членов айнзацгрупп на уничтожение всех без исключения евреев. «Он повторил им приказ о ликвидации и сказал,

что руководители и люди, которые будут проводить в жизнь это истребление, не несут личной ответственности за выполнение этого приказа. Ответственность несёт только он сам и фюрер»^[493]. Примерно то же самое рейхсфюрер повторил чуть позже, посетив казнь евреев-военнопленных в Минске.

В конце июля Гиммлер санкционировал операцию «Припятские болота» (или «Припятский марш»), в рамках которой нацистам предстояло зачистить всё нелояльное немцам население Брестской, Пинской, Полесской и Минской областей. В ходе этого варварского набега евреи и условно подозрительные славяне уничтожались одновременно. По поводу первых Гиммлер отдал найденный впоследствии приказ штурмбаннфюреру Францу Магиллю, командиру 2-го кавалерийского полка 1-й кавалерийской бригады СС: «Все евреи должны быть расстреляны. Еврейских женщин надо загонять в болота»^[494]. Как в реальности проходила эта операция, историку Алексею

Литвину рассказали выжившие очевидцы. Жители уничтоженной деревни Черничи под Гомелем сообщили: «22–23 августа 1941 года кавалеристы СС сожгли деревню. Расстреляли 20 мужчин, в том числе советских активистов. Двоим раненым удалось уцелеть. Дмитрий Маркевич умер после войны. Савчин умер от ран в Столине. В это время через деревню немцы прогнали группу евреев, которых утопили в болоте Ковино за деревней, а также в урочище Вирок. На второй день оставшихся в живых жителей деревни собрали вновь. Их построили возле кладбища, рядом с клубом. Франя Стаховская решила, что людей будут расстреливать. Она выбежала и начала что-то громко говорить по-немецки с офицером. Она сама немка. В Первую мировую войну вышла замуж за жителя деревни Петра Стаховского, который был в плену в Германии. В 20-е годы приехали с детьми и жили в д. Черничи. Немцы её послушались и не стали больше расстреливать»^[495]. В соседней деревне Кремно фольксдойче, способной поручиться

за земляков, не оказалось, и там эсэсовцы «убивали всех, кто попадался на пути». «На моих глазах убили отца. Я бежал без оглядки и успел спрятаться в кустах. Деревню сожгли. Осталось несколько домов»^[496], – рассказал чудом спасшийся тогда обитатель Кремно А.А. Кременский. Согласно отчёту, в ходе операции были уничтожены 13 778 человек, что вызвало недовольство Гимmlера – он ждал большего ^[497].

Важную роль в планах гитлеровской политики уничтожения сыграли так называемые преступные приказы вермахта. Напомним, что одним из ключевых условий, почему стал возможен повседневный геноцид индейцев Калифорнии или аборигенов Австралии, было устранение государства от наказания за эти преступления. Гитлер пошёл по этому пути ещё дальше. В его случае убивать предстояло армии, которая славилась своей дисциплиной и подчинялась системе уже устоявшихся законов и традиций. Её необходимо было развратить. Поэтому фюрер

спровоцировал своих солдат серией приказов, которые освобождали их от ответственности.

О преступных приказах вермахта написано немало, однако, на наш взгляд, они не могут быть поняты до конца вне привлечения данных психологии. Пролить свет на значение этих директив поможет уникальное исследование американца Стэнли Милгрэма, проведённое в 1963 году в Йельском университете^[498]. В эксперименте принимали участие три человека – организатор, испытуемый и профессиональный актер. При этом испытуемый не знал истинной цели происходящего и думал, что помогает изучить, как физическая боль влияет на механизмы памяти. Не знал он и того, что его визави – актёр (он принимал партнёра за обычного добровольца).

Перед началом опыта актеру зачитывали список словесных ассоциаций, которые он якобы должен был запомнить. Затем его

выводили в другую комнату и сажали в кресло с электродами. Испытуемый (в терминологии эксперимента – «учитель») произносил слово, а «ученик» выбирал правильную ассоциацию из четырёх вариантов. Ответ появлялся перед «учителем» на табло. В случае ошибки (а актёр ошибался намеренно по заданию Милгрэма) испытуемый должен был нажимать на кнопки генератора, наказывая «ученика» электрическим разрядом, причём с каждым неверным ответом разряд увеличивался. На самом деле электрический стул был бутафорией, но «учитель» об этом не догадывался. Более того, он вполне осознавал силу каждого удара тока – о ней свидетельствовали надписи рядом с кнопками: «слабый удар», «умеренный удар», «сильный удар», «очень сильный удар», «интенсивный удар», «крайне интенсивный удар», «опасно: труднопереносимый удар» (450 В). Хотя испытуемый не видел актёра, он слышал сильные удары в стену после разряда в 300 В, а затем переставал получать ответы на

табло, но Милгрэм деловито просил его продолжать опыт и трактовать 5–10-секундное молчание как неправильный ответ. Психолог никогда не угрожал «учителю», но говорил, что ответственность за ход эксперимента, в том числе за состояние человека в комнате, несёт именно ученый. В результате 65 % испытуемых (40 человек из 26) не только дошли до «труднопереносимого удара», но и применили его трижды, после чего Милгрэм закончил опыт. Прекратили экзекуцию при первых признаках страдания «ученика» только 5 % участников. Вывод ученого оказался неутешительным: большая часть людей готова к самому изощрённому насилию, если этого требует от них высший авторитет. «Если бы в Соединённых Штатах была создана система лагерей смерти по образцу нацистской Германии, подходящий персонал для этих лагерей легко можно было бы набрать в любом американском городке», – написал он ^[499].

Гитлеру мастерски удалось пробудить тёмные инстинкты человеческой природы в

той общности, которая заведомо основана на послушании высшему авторитету и выполнению необсуждаемых приказов, – в армии. Уже 30 марта 1941 года на том же совещании, где фюрер назвал грядущий поход «войной на уничтожение», он дал ОКВ указание подготовить специальные приказы, обеспечивающие особый характер войны. Важнейшим из них стоит считать «Распоряжение о воинской подсудности в районе операции “Барбаросса” и особых полномочиях войск», которое вывернуло наизнанку все традиционные правовые нормы. Распоряжение было принято 23 мая 1943 года в один день с директивой штаба «Ольденбург» о плане голода, что демонстрирует синхронность подготовки документов. Именно это распоряжение отменило известный юридический принцип неотвратимости наказания. В первых двух пунктах второго параграфа директивы говорилось:

- *Возбуждение преследования за действия, совершённые военнослужащими и*

обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок.

• При обсуждении подобных действий необходимо в каждой стадии процесса учитывать, что поражение Германии в 1918 г., последовавший за ним период страданий германского народа, а также борьба против национал-социализма, потребовавшая бесчисленных кровавых жертв, являлись результатом большевистского влияния, чего ни один немец не забыл [\[500\]](#).

Таким образом, немецким солдатам сообщили, что наказание за преступления на Востоке необязательно и существует масса причин, которые оправдают насилие над советским гражданским населением.

Марк Солонин пытается снизить значение этого факта, ссылаясь на третий параграф второго раздела директивы. «Однако даже этот вскоре отменённый, а в ряде

соединений никогда и не применявшийся преступный приказ отнюдь не освобождал солдат вермахта от ответственности за самочинные расправы с гражданскими лицами и уж тем более – не призывал к грабежам и изнасилованиям», – пишет он [\[501\]](#).

Однако из текста самого параграфа это совершенно не следует.

*«Судья (а им, согласно приказу, был вышестоящий немецкий офицер. – Е.Я.) определяет, достаточно ли в случае привлечения к ответственности военнослужащего дисциплинарного наказания или необходимо судебное вмешательство. Судья занимается разбирательством за действия против местных жителей в военно-судебном порядке **ТОЛЬКО ТОГДА**, когда требуется поддержание дисциплины или охраны войск. Речь идёт, например, о **ТЯЖЁЛЫХ** проступках, которые основаны на половой распущенности, вытекают из преступных наклонностей или являются признаком того, что войскам угрожает*

одичание. *Подлежат наказанию преступления, из-за которых в ущерб собственным войскам бессмысленно уничтожаются кров, продовольственные запасы или другое трофейное имущество»*^[502]. Этот абзац, очевидно, оставляет множество лазеек для оправдания насилия, так как совершенно не называет конкретных действий (убийство, грабёж, изнасилование), за которые следует наказание, а отделяется общими формулировками («угроза одичания») и ясно предписывает заниматься судебным разбирательством не во всех, а только в **некоторых** случаях. Определять, какое преступление является «тяжёлым», а какое – нет, и могут ли его оправдать страдания германского народа после 1918 года, должны вышестоящие офицеры, которые часто сами принимали участие в том же самом преступлении или даже возглавляли его. Таким образом, общей сути третий параграф никак не менял. А в конце приказа следовала вполне прозрачная оговорка –

«утверждать только такие приговоры, которые соответствуют политическим намерениям руководства»^[503].

Отдельно стоит обсудить заявление Солонина, что этот приказ был вскоре отменён^[504]. Здесь допущена явная ошибка. В конце июля 1941 года фельдмаршал Кейтель приказал лишь срочно уничтожить копии приказа «о воинской подсудности» в наступающих войсках, но без отмены его действия^[505]. Доподлинно сказать, чем была вызвана эта лихорадочная команда, мы не можем, но совпадения по датам указывают на связь с контрударом советских войск под Сольцами 14–18 июля. На этом событии остановился в своих мемуарах «Утерянные победы» немецкий полководец Эрих фон Манштейн, что неудивительно: впервые он «утерял победу» именно там. Войска маршала Ворошилова не только отбросили противника с плацдарма на реке Шелонь, но и захватили инструкцию по «использованию химических

снарядов и мин, а также дополнения к ней, разосланные войскам ещё 11 июня 1941 г. и содержащие указания по технике и тактике применения отравляющих веществ». 23 июля эти документы были опубликованы в «Правде» и получили широкий международный резонанс как доказательства планов Германии применить химическое оружие, запрещённое международными конвенциями. Таким образом, именно тогда к обороняющимся войскам **впервые** попал документ, содержание которого нацисты всячески хотели бы скрыть. Неудивительно, что в Берлине отреагировали нервно. «Главное командование требовало от нас объяснений, “как оказалось возможным”, что совершенно секретный документ попал в руки противника», – писал Манштейн^[506]. Весьма вероятно, что именно боязнь попадания преступного приказа «о подсудности» к советским войскам и, как следствие, использования его в пропаганде заставила Кейтеля требовать немедленного уничтожения копий.

Что же касается смысла приказа, то он не только не отменялся, но подтверждался и развивался в целом ряде нормативных актов вермахта, изданных уже в ходе войны, таких как директива Кейтеля «О продолжении операций на Востоке» от 19 июля с дополнением от 23 июля, «О расстреле заложников» от 16 сентября 1941 года, приказ фельдмаршала Рейхенау «О поведении войск на Востоке» от 11 октября 1941 года и «Приказ о бандах» от 12 декабря 1942 года, который немецкий историк Норберт Мюллер вообще назвал «вторым изданием» приказа «о воинской подсудности». Солонин о них даже не упоминает.

Рассмотрим эти приказы внимательнее. Уже 23 июля 1941 года, спустя месяц после начала войны, Гитлер приказал дополнить директиву «О продолжении военных операций на Востоке» пунктом номер шесть, в котором говорилось:

«Имеющиеся для обеспечения безопасности в покорённых восточных

областях войска ввиду обширности этого пространства будут достаточны лишь в том случае, если всякого рода сопротивление будет сломлено **не путём юридического наказания виновных, а если оккупационные власти будут внушать тот страх, который единственно способен отбить у населения всякую охоту к сопротивлению...** Не в употреблении дополнительных охранных частей, а в **применении соответствующих драконовских мер** командующие должны находить средства для поддержания порядка в своих районах безопасности»[\[507\]](#).

Однако спустя полтора месяца фюрер по-прежнему не был доволен ситуацией с покорением занятых регионов. Поэтому эзопов язык предыдущей директивы значительно конкретизировался. «Следует иметь в виду, что **человеческая жизнь в странах, которых это касается, в большинстве случаев не имеет никакой**

цены и что устрашающего действия можно добиться лишь с помощью исключительно жестоких мер. Искуплением за жизнь каждого немецкого солдата в таких случаях должна служить в общем и целом смертная казнь 50–100 коммунистов. Способы этих казней должны ещё увеличивать степень устрашающего воздействия»[\[508\]](#).

Термин «коммунист» в данном контексте не должен никого вводить в заблуждение. Перед массовыми казнями нацисты, разумеется, не требовали у жертв предъявить партбилеты. «Коммунистом» мог считаться любой человек, заподозренный в нелояльности к захватчикам, или просто житель деревни, недалеко от которой действовал партизанский отряд. Слухи о зловещем приказе Кейтеля распространились на оккупированных территориях очень быстро и были услышаны отнюдь не только членами ВКП(б). Так, замначальника Могилевской УНКВД младший лейтенант Крымов уже 30 сентября 1941 года зафиксировал: «Среди

населения заявляют, что за одного убитого немца будет расстреляно 100 чел. и сожжена деревня. В одной деревне Борзнянского р-на Черниговской области три женщины зарубили топорами трёх немецких солдат за то, что они забрали у них последних свиней. За убитых немцев вся деревня была сожжена»^[509].

Приказ Кейтеля (а по сути – Гитлера) от 16 сентября 1941 года отличителен тем, что в нём откровенно декларируется «малоценность» местного населения – колониальный расизм в чистом виде, когда цена жизни «белого господина» может быть рассчитана в десятках или сотнях жизней туземцев. Он окончательно оформил правовые основания для геноцида на оккупированных территориях. Отныне убийство **любого** местного жителя можно оправдать его враждебностью, но степень враждебности, которая уже позволяла убивать, была официально сведена к минимуму формулировкой, что на Востоке «жизнь ничего не стоит». Как сказал Гитлер ещё 15 июля

1941-го, отзываясь на советский приказ о развёртывании партизанской войны, «это даёт нам возможность уничтожать каждого, кто косо на нас посмотрит»^[510].

Спустя ещё месяц фюрера очень порадовал расистский приказ командующего 6-й армией фельдмаршала фон Рейхенау «О поведении войск на Востоке». Рейхенау в нацистском духе считал Россию Азией и целью войны называл искоренение «азиатского влияния на европейскую культуру»^[511]. Методы такого искоренения, однако, были дополнены.

Во-первых, приказ в условиях наступления зимы законодательно обеспечивал план голода. «Пленные русские офицеры рассказывают с язвительной усмешкой, что агенты Советов свободно ходят по улицам и зачастую питаются из походных немецких кухонь. Подобное отношение войск объясняется только полным легкомыслием. Руководству сейчас нужно своевременно разъяснить смысл настоящей борьбы.

Снабжение питанием местных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью»^[512]. Во-вторых, директива разрешила уничтожать любые произведения культуры и искусства, чётко определив: **«Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения»**^[513]. Гитлеру настолько понравился этот приказ по 6-й армии, что он распространил его действие на все вооружённые силы Германии.

Но всех этих драконовских приказов оказалось мало. 16 декабря 1942 года Кейтель издал беспрецедентную директиву «О борьбе с бандами», в которой за борьбу или какое бы то ни было содействие борьбе против оккупантов разрешалось **«применять... любые средства без ограничения также против женщин и детей, если это только способствует успеху»**^[514].

Отдельно следует упомянуть приказ Кейтеля «О комиссарах», который

санкционировал убийство политических работников в армии. В первом же пункте начальник генштаба вермахта напоминал своим подчинённым: *«Щадить в этой борьбе подобные элементы и обращаться с ними в соответствии с нормами международного права – неправильно»*. Во втором пункте следовало указание: *«...если они будут захвачены в бою или окажут сопротивление, их, как правило, следует немедленно уничтожить»*^[515]. В крайнем случае их следовало передавать органам СД, которые производили расправу самостоятельно.

После войны генералитет вермахта заявлял о саботаже этого приказа, однако исследования немецких историков опровергли эти слова. Профессор Гейдельбергского университета Кристиан Штрайт установил, что вермахт не только не уклонялся от исполнения приказа «О комиссарах», но даже способствовал расширению базы уничтожения. В середине августа в ОКХ от нижестоящих инстанций поступил запрос:

имеет ли приказ в виду только непосредственно комиссаров или политруки (их помощники) тоже подпадают под его действие? Руководство вермахта отвечало, что подпадают, тем самым значительно расширяя категорию лиц, предназначенных к уничтожению.

«Этот случай весьма показателен, — отмечает Штрайт. — Так, в приказе о комиссарах политруки вообще не были упомянуты. А теперь соответствующая группа армий, равно как и руководство сухопутных сил сами содействовали тому, чтобы группа политруков, которая была гораздо многочисленнее группы комиссаров, также была включена в акции, направленные на уничтожение... Если бы войсковые командиры были настолько заинтересованы в невыполнении приказа, как они это утверждали после войны, то они молчали бы в этом случае. Этот случай является примером того, что до радикализации дело дошло благодаря тому, что подчинённые

ведомства поставили руководство перед необходимостью выбора, причём постоянно принимались самые радикальные из представленных к решению вариантов»^[516].

Замечание историка об одобрении самых радикальных предложений снизу очень важно. Так, верхушка рейха и аффилированное с ней верховное командование посылали своим солдатам сигналы, как правильно вести себя на Востоке. Цели своей они добились: оккупированные территории охватила эпидемия повседневного насилия, которая стала ещё одним, помимо голода и избыточного насилия, способом зачистки жизненного пространства.

Так, белорусская мемуаристка М.Б. Деревянко вспоминала, что «оккупанты расправлялись с мирным населением Речицы (её родного города. – *Е.Я.*) без всякого повода, расстрелы проводились повсюду и постоянно. Рассказывали, как парень ловил рыбу на Днепре. В это время в городском парке, расположенном на возвышенности, находился

немецкий солдат, который пытался заигрывать с белорусской девушкой. Увидев рыбака на воде, солдат предложил окружающим оценить его способности как стрелка. Он вскинул винтовку, прицелился и выстрелил. Пятнадцатилетний мальчик упал замертво на дно челнока. Человек для них был просто мишенью»^[517].

Лидия Осипова 20 декабря 1941 года отметила в своём дневнике обыденный для оккупированных территорий случай: *«На днях одна женщина против управы собирала щепки... Напротив квартируется команда СС. Часовой что-то кричал этой женщине, но ни она, ни кто другой не могли понять, чего же он хочет. Тогда он приложился и застрелил её. Как курицу. Днём. На глазах у всех»*^[518].

Насилие как форма развлечения часто применялось без скидок на пожилой возраст. Жительница Подмосковья Дина Новикова рассказывала, что однажды немцы зашли на кухню к её бабушке, «где на столе стояли крынки с молоком. Выпив молоко, они

надевали крынки на руку и, уходя, каждый наносил бабушке удар по голове. Бабушка потеряла сознание, а после этого её парализовало»[\[519\]](#).

Бытом оккупантов стало не только насилие над стариками, но и убийство детей. Эта страшнейшая тема, о которой тяжело не просто писать, но даже думать. Тем не менее и умолчать об этом нельзя.

«В апреле 1942 года был жестоко, зверски убит мой одноклассник Юрий, – вспоминала мемуаристка Вера Фролова. – Его, убогого (он от рождения был горбатым), привязали к вожжам и погнали лошадь вскачь. Лошадь долго волочила окровавленного, но ещё живого Юру по мерзлым буграм. После чего “цивилизованные освободители” отвели лошадь в конюшню, а Юру добили выстрелом в упор. За что? За то, что обезумевший от голода мальчик решился украсть какую-то малость из немецкой кухни»[\[520\]](#).

Большое удовольствие нацистам доставляла травля детей собаками. Так,

вдоволь поиздевавшись над матерью, фашисты напустили овчарок на маленькую Галю Змитрович. «Те принесли её по кусочку, – рассказывала её сестра. – Мама ещё была живая, мама всё понимала... На её глазах...»[\[521\]](#)

Видеть подобные сцены приходилось и узнице концлагерей, повару Анне Павловой: «Собаки рвали детей... Сядем над разорванным дитяtkой и ждём, когда сердце у него остановится... Тогда снегом прикроем... Вот ему и могилка до весны...»[\[522\]](#)

Жительница Белоруссии Надежда Савицкая вспоминала, что в 1944 году после ухода немцев *«пооставалось много немецких овчарок, они бросались на людей, загрызали детей маленьких. Они же были приучены к человеческому мясу, к человеческой крови. К её свежему запаху... Если мы шли в лес, то собирались большими группами. Человек двадцать... Матери нас учили, что надо ходить по лесу и кричать, тогда собаки пугаются. Пока корзину ягод насобираешь, так накричишься, что голос потеряешь.*

Охрипнешь. У нас раздувалось горло. А собаки большие, как волки»^[523].

Зафиксирована масса случаев, когда оккупанты убивали младенцев только за то, что они мешали им отдыхать. «В избе, где нас приютили хозяева, расположились на ночлег фашистские бандиты. Среди ночи мой брат шести лет что-то настойчиво просил у матери. Он даже плакал, нарушая покой фашистских извергов. Они взяли моего брата, увели за сарай и там расстреляли», – рассказывала школьница Колчанова^[524]. Аналогичные случаи предал гласности в Нюрнберге советский обвинитель Леонид Смирнов. «В районном центре Волово Курской области, в котором немцы находились четыре часа, немецкий офицер ударил головой о стену и убил двухлетнего сына Бойковой за то, что ребёнок плакал. В Злобинском сельсовете Орловской области фашисты убили двухлетнего ребёнка колхозников Кратовых за то, что он мешал своим плачем им спать»^[525].

О подобном случае через много лет вспоминали и ветераны РККА. Так, Михаил Лукинов рассказывал: «В... деревне плачущий грудной ребенок мешал спать немецким солдатам. Они пронзили его штыком в колыбели, а рыдающую мать выгнали из избы на мороз раздетую. Заперли дверь и спокойно заснули»^[526].

Другой эпизод, о котором рассказал москвич М. Чаусов, к счастью закончился спасением младенца. «Разболелся как-то наш грудничок Ваня, и всё бы ничего, но в избу, в которой он оказался под присмотром моей мамы, пришли на ночлег два солдата. Посреди ночи младенец расплакался, и маме никак не удавалось его успокоить. Разбуженные вояки начали нервничать, особенно тот, который помоложе. Вот он уже не просто кричит что-то угрожающее, а, схватив винтовку с откинутым штыком, решительно направляется к малышу с недвусмысленным намерением. Мама, вся в слезах, склонившись над колыбелью, прикрывает ребёнка своим телом,

а фашист ищет место, куда точнее нанести удар. В самый критический момент, когда трагическая развязка казалась неизбежной, неожиданно не выдерживает второй солдат: он срывается с постели и с руганью отталкивает в сторону взбесившегося маньяка. Я не запомнил лица этого солдата, но почему-то думаю сейчас, что у него дома тоже были жена и дети и что, если ему посчастливилось остаться в живых, он стал одним из тех немцев, с участием которых впоследствии осуществлялось возрождение Германии в её современном качестве»[\[527\]](#).

81-летний житель Подмосковья В. Гладышев сообщил на конференции, посвящённой сожжённым деревням и городам Европы, ужасные подробности детоубийств, которые он видел собственными глазами: «Помню, как фашисты в 10-ти метрах от меня утопили девочку 3–4-х лет, она шла в колонне узников и была очень измождена и уставшей. Ноябрь был очень холодным, ребенка утопили в проруби только что замёрзшей реки. На моих

глазах в замороженном помещении девочку 2–3-х лет проткнули штыком, а потом её убийца, проходя мимо меня и других бойцов, лежащих и замерзающих от холода, вытер кровь со штыка о нашу одежду. Я был свидетелем убийства двух мальчиков-братьев, они были чуть-чуть постарше меня и моего брата, они погибли за то, что решили поднять печенье со снега, которое только что уронили фашисты. И когда голодные дети вместе со снегом стали запихивать печенье в рот, их сразу расстреляли»^[528].

В оккупированной смоленской деревне Клушино немец Альберт, которого местные жители за жестокость прозвали Чёртом, для забавы повесил на дереве мальчика Борю, сделав петлю из собственного шарфа. Матери в последний момент удалось спасти ребенка и почти бездыханного принести домой. Это был брат будущего космонавта Юрия Гагарина^[529].

Невыносимые ужасы творились в концентрационных лагерях. Так, комендант Яновского концлагеря во Львове, где

содержались евреи, поляки и украинцы, патологический садист Густав Вильгауз однажды устроил шоу для своей дочери. Он заставлял подбрасывать в воздух 2–4-летних детей и стрелял в них. Его дочь Гайкен хлопала в ладоши и просила: «Ещё, папа, ещё»[\[530\]](#).

Помимо повседневных убийств приметой обращения с «низшей расой» стали изнасилования. До сих пор на русском языке нет ни одной крупной работы о сексуальном насилии оккупантов над советскими женщинами[\[531\]](#). Если в Германии, напротив, пестуется миф о «двух миллионах изнасилованных немок», то в нашей стране даже сама тема остаётся практически табуированной. Этому есть несколько причин. Во-первых, природная стыдливость, характерная для советского (как и для любого традиционного) общества, исключала выставление своего горя напоказ, а уж тем более превращение его в тему мемуаров. Во-вторых, невозможно представить, насколько

болезненно для жертв было переживать эту трагедию внутри себя раз за разом. Война закончилась, и о плохом хотелось забыть. Наконец, в-третьих, любое напоминание о сексуальном насилии было травматично и для мужчин, в которых оно пробуждало чувство вины за то, что не уберегли своих женщин, и, разумеется, для советских властей, которые не смогли остановить врага на дальних подступах. Поэтому 70 лет после окончания войны в СССР и постсоветской России старались не бередить ещё кровоточащие раны. Однако, как бы ни было больно, мы должны осветить и эту сторону нацистской политики, так как преступные приказы и общая идеология господства повлекли за собой вакханалию надругательств над женщинами.

Насилие было обычным делом. Оно могло произойти среди бела дня просто из-за прихоти «расы господ». Невольным свидетелем такого случая стала жительница Ростова-на-Дону А. Радченко. «В соседнем

квартале жила одна девочка, – рассказывала она. – Просто красавица! На затылке узлом золотая коса уложена. Стройненькая. Было в ней что-то по-особенному привлекательное. До прихода немцев ходила в легком сарафанчике из тонкой материи. Ткань плотно фигурку облежала. Идёт, а груди в такт шагам подрагивают. Крупные, упругие. Чего она из Ростова не уехала? Говорили: не хотела бабушку больную бросать. Шла она раз по улице. Ещё, запомнилось, узелок какой-то в руке несла, а на голове платок намотан, прямо по самые глаза, чтобы внимания меньше к себе привлекать. Да ещё и прихрамывала нарочно. Навстречу шли немцы. Человек пять-шесть. Гогочут. Пьяные, наверное. Один на неё пальцем и показал. Окружили они её, затащили в наш двор. Она кричать, да кто поможет? Немцы её раздели. Двое за руки держали, двое за ноги – на весу... Сначала она пыталась барахтаться, а потом затихла. Они так и оставили её во дворе. Одедась она, села. И долго-долго плакала. Я подошла, она даже

голову не подняла. Её потом в Германию на работы угнали»[\[532\]](#).

То, как подобного рода надругательство выглядело со стороны немцев, демонстрируют слова военнопленного Мюллера, записанные в лагере британской прослушкой: «Там, где Донец впадает в Дон, нам часто приходилось летать. Там я побывал везде. Прекрасные виды, природа. Везде ездил на грузовике... Но ни на что не смотрели, а только на женщин, согнанных на работы. Они ремонтировали дороги. Чертовски красивые девушки. Мы проезжали, просто затаскивали их в легковушку, прямо там раскладывали, а потом снова выталкивали. Ты бы слышал, как они ругались!»[\[533\]](#)

Более осторожные насильники старались действовать вдали от посторонних глаз. Жительница Пушкина Люси Хордикайнен доверила дневнику свою трагедию: «Морозный солнечный день 41 года. Я иду по Колпинской. Немец подзывает меня: “Хлеб! Хлеб!” Зовёт с собой. Он переводит меня на

другую нежилую сторону, где для населения начинается запретная зона, ведёт в дом. Усаживает на диван в пустой большой комнате. Мне кажется, что он хочет отнять у меня мамин английский двухцветный дореволюционный шерстяной шарф, и я не даю ему расстегнуть пальто, спасаю шарф... Немец насилует меня... Видимо, кто-то шёл по улице, мои крики испугали немца (в окнах не было стёкол), и он оставляет меня»[\[534\]](#).

Деревни также были ареной сексуального издевательства, примером может служить эпизод из книги Светланы Алексиевич. У избы Андреевых в белорусской деревне сломалась немецкая машина, и солдаты заявили в дом. Выгнав бабушку и пятилетнего ребёнка в другую комнату, они заставили мать прислуживать им за столом. Когда завечерело, мать вдруг ворвалась в комнату, схватила дочь и, выскочив с ней на улицу, спряталась вместе с малышкой под машиной. Немцы бросились искать беглянку и, не найдя, рассвирепели. Любе Андреевой было тогда всего пять.

Спустя много лет она рассказывала будущему лауреату Нобелевской премии: «Утром, когда немцы уехали и мы вошли в дом... Бабушка наша лежала на кровати... привязанная к ней верёвками... Голая! Бабушка... Моя бабушка! От ужаса... От страха я закричала. Мама вытолкнула меня на улицу... Я кричала и кричала... Не могла остановиться...»[\[535\]](#)

Изнасилование было нормой во время карательных операций. Миколай Руденя вспоминал, как на постой в их деревню встал отряд, присланный для зачистки: «Они посматривали так, чтоб что-нибудь сделать... Чтоб какую девушку молодую поймать... Такие процедуры были, конечно... Делали. Насиловали...» Часто такое издевательство было изощрённым, сдобренным какой-то особенно отвратительной деталью. «Из нашей деревни уловили девушку. Они над нею надругались, – рассказывала писателю Алесю Адамовичу жительница Витебской области Мария Гладыш. – На кладбище потом нашли её. Уже неживая лежит и конфета... в

зубах»[\[536\]](#).

Бывали случаи, что русские девушки вступали с немцами в романтические отношения. Но хватало и ситуаций, в которых даже доступных женщин оккупанты воспринимали как вещь, с которой можно делать всё что угодно. Лидия Осипова в канун Нового 1942 года писала в своём дневнике: «В городе одна забава кончилась трагически. Немцы были у своих краличек. Офицеры напились и начали издеваться над девушками. Те защищались, и во время драки упал светильник и дом загорелся. Девушки бросились бежать, офицеры стали за ними охотиться, как за кроликами, – трёх убили, а одну ранили. Повеселились»[\[537\]](#).

Часто принуждение к сексу осуществлялось с явным или скрытым намеком на то, что женщина таким образом покупает себе жизнь. Особенно это касалось еврейских девушек. Найцель и Вельцер приводят такую историю солдата вермахта: «Я как-то был в расположении СС. В одной

комнате лежал эсэсовец без мундира, в одних брюках, на кровати. Рядом с ним, то есть на краю кровати, сидела молоденькая симпатичная девушка. Я видела, как она гладила эсэсовца по подбородку. Я слышал, как девушка сказала: “Франц, правда, ты меня не расстреляешь?” Девушка была совсем молоденькой и говорила по-немецки совсем без акцента. Я спросил эсэсовца: действительно ли эту девушку расстреляют? Тот мне ответил, что расстреляют – всех евреев без исключения. Эсэсовец сказал об этом в том смысле, что ему жалко. Иногда у них была даже возможность передавать таких девушек другой расстрельной команде. Но чаще всего для этого не было времени, и они должны были делать это сами»[\[538\]](#).

Что касается женщин, которые сопротивлялись, то их участь была ужасна. Вот одна из солдатских историй, рассказанных ветеранами Восточного фронта в британском плену: «Противотанковый ров под Киевом. Один господин из гестапо – высокий фюрер

СС, – у него была прекрасная русская. Он хотел её поиметь, но она ему не дала. На следующий день она уже стояла на краю противотанкового рва. Он сам её расстрелял из автомата, потом мёртвую трахал». Другим примером такого рода может быть история русской девушки Людмилы, попавшей в лагерь военнопленных в Дрогобыче. По словам одного из её товарищей по несчастью, «капитан Штроер – комендант лагеря – пытался её изнасиловать, но она оказала сопротивление, после чего немецкие солдаты, вызванные капитаном, привязали Люду к койке, и в таком положении Штроер её изнасиловал, а потом застрелил».

Насилие над женщинами-военнопленными в лагерях вообще было обыденностью, однако в лагере Миллерово в Ростовской области творились вещи дичайшие даже по нацистским меркам. Советских пленных девушек пытались превратить в сексуальных рабынь для утех администрации: за пол-литра алкоголя комендантша-

фольксдойч выдавала любую узницу на выбор. Тех, кто противился, не только насильовали, но и подвергали садистским пыткам. Одна из них называлась «красный пожарник», когда жертвам во влагалище вставляли вывернутый красный горький перец, сжигавший им внутренности. Другой вид истязания заключался в том, что девушке в задний проход вставлялся крестообразный деревянный кол. Её заставляли положить ноги на табуретку и в течение трёх минут держать тело на весу, ухватившись за крестовину.

До 1943 года солдаты вермахта и СС могли насильовать на оккупированных территориях практически безнаказанно. Их действия априори трактовались как право завоевателя. Только после поражения под Сталинградом командование попыталось пресекать наиболее вопиющие случаи, чтобы улучшить отношение с местным населением и ослабить социальную поддержку партизан. На втором этапе войны состоялось несколько десятков судов над военными-насильниками,

однако (и это документально установлено) ни один из них всё равно не закончился вынесением смертного приговора. Второй особенностью этих судов, по словам профессора Олега Будницкого, было то, что женщина априори считалась виновной, *«поскольку русские женщины утратили понятие о немецкой чести, не может быть и речи о том, чтобы немецкий суд их защищал»*^[539].

Конечно, не все солдаты и офицеры вермахта поддались гитлеровскому развращению. Многие до самого конца не освободились от химеры, именуемой совестью, или во всяком случае пытались оставаться людьми в суровых военных условиях. К примеру, семья Юрия Гагарина вспоминала немолодого уже солдата, который угощал детей шоколадом и горевал по собственным родным, оставшимся в далекой от Смоленска Германии^[540]. Подобные проявления человечности не имели никакого отношения к собственно нацистской

политике, совсем не того ждал от своей армии фюрер. Поощрение Гитлера и его ближайшего идейного окружения получали лишь те военные чины, которые настаивали на господстве и укреплении германской нации. Разумеется, в их нацистской, колониальной, а стало быть – истребительной трактовке.

План «Ост»: пересмотр мифов

Рассуждая о политике уничтожения на территории СССР, необходимо рассмотреть тему так называемого генерального плана «Ост». В отечественной литературе ещё с советских времён встречается ошибочная точка зрения, что именно этот план был теоретической основой для истребления граждан Советского Союза во время войны. Типичный пример: Алесь Адамович, Янка Брыль и Владимир Колесник в известной книге о карательных операциях нацистов в Белоруссии писали: *«Осуществлялся расистский замысел истребления славянских народов – Генеральный план “Ост”»*^[541].

В реальности «Ост» касался колонизации восточного пространства в послевоенное время и никак не мог воплощаться в 1941, 1942 или 1943 году. В этот период советских граждан убивали в рамках «войны на

уничтожение», которую радикализировал план Герберта Бакке. И хотя «Ост» должен был стать логическим продолжением «вернихтунгскриг», его окончательных контуров мы не знаем и не узнаем никогда. Не потому, что этот документ спрятан в архивах или уничтожен нацистами во время заметания следов. А потому, что его окончательный вариант так и не был написан и, соответственно, не был доложен Гитлеру и одобрен: после Курской битвы ход боевых действий сделал любое планирование по освоению Lebensraum на Востоке бессмысленным.

С другой стороны, черновые наброски, которыми располагают исследователи, также дают немало пищи для размышлений. Работа над генеральным планом «Ост» была начата ещё в 1939 году – сразу после успешной польской кампании вермахта. В это время восточное пространство ограничивалось завоёванной территорией Речи Посполитой. Продумать её освоение должен был

рейхскомиссариат по укреплению германской государственности, которым руководил Генрих Гиммлер. Непосредственно разработкой занимался отдел планирования во главе с профессором Конрадом Майером, параллельно возглавлявшим Институт сельского хозяйства Германии. Его сотрудники за всё время подготовили четыре «остовских» документа: из них непосредственно будущее России затрагивал только один, поданный Гиммлеру в мае 1942 года.

Этот предварительный план касался колонизации лишь трёх областей на территории бывшего СССР. *«На переднем крае борьбы немецкой народности с русачеством и азиатчиной можно выделить ряд территорий, играющих особую роль в решении задач Рейха, – писал Майер. – ...Этими территориями являются в первую очередь Готенгау (Крым) и Ингерманландия (Северо-Запад России). Кроме того, предлагается рассматривать и Мемельско-Наревскую область (Литва-Белосток) в качестве*

таковой»^[542]. Эти области, которые предлагалось организовать в форме маркграфств, отдавались под управление СС. Регионы предстояло освоить в течение ближайших 25–30 лет.

В своём варианте плана Майер совершенно открыто постулировал социально-этническую сегрегацию жителей: *«Квоты на онемечивание в городах будут выполняться за счёт руководящего слоя городского населения: административные и самые важные производственные посты займёт немецкий человек. Оставшееся народно-чуждое население будет рассредоточено в пределах более низких социальных слоёв»*^[543]. При этом он подчеркивал, что *«лица чуждых [то есть не немецких] народностей не могут быть владельцами городских земельных участков»*. В конце Майер делал вывод:

«Задача по онемечиванию будет считаться выполненной в том случае, если, во-первых, земля целиком и полностью перейдёт в немецкие руки, во-вторых, когда

владельцы собственного дела, чиновники, служащие, квалифицированные рабочие и их семьи будут немецкими»^[544].

Любопытно, что, согласно документу, население городов Ингерманландии предписывалось сократить с 3 000 000 до 200 000. О том, что должно произойти с остальными 2 800 000, автор умалчивал; однако, судя по всему, Майер учёл, какую судьбу фюрер прочил Ленинграду и его предместьям. Что касается коренного сельского населения, то, хотя ранее предполагалась его «эвакуация», теперь профессор предлагал переместить его с земель, отобранных для немецких поселенцев, на другие колхозные и совхозные земли с правом пользования (но не владения) ими. Майер объяснял это тем, что *«сейчас невозможно отказаться от сотрудничества с коренным населением восточных областей»*^[545]. Впрочем, оговорка «сейчас» свидетельствует, что эвакуация просто переносилась на будущее.

Доклад Майера ничего не говорил о судьбе остального населения европейской части СССР. Однако такие суждения мы находим в другом «остовском» документе за авторством доктора Эрхарда Ветцеля.

Параллельно Майеру свой вариант плана «Ост» готовило 3-е управление РСХА (имперской безопасности). Этот документ не сохранился, но его содержание известно из замечаний и предложений от министерства восточных территорий, написанных Ветцелем. В 1942 году именно это министерство управляло завоёванными пространствами, поэтому нет ничего удивительного, что документ из серии «Ост» попал на «рецензию» в ведомство Розенберга.

В преамбуле своей записки доктор Ветцель отметил: «Прежде всего бросается в глаза, что из плана выпали Ингерманландия, Приднепровье, Таврия и Крым как территории для колонизации». Чем объяснить эту странность? Напрашивается версия, что Гиммлер, который был шефом и Майера, и

планировщиков из РСХА, просто разделил задачи между своими подчинёнными: первый должен был продумать освоение одних регионов, вторые прорабатывали германизацию других (Ветцель упоминает Польшу, Прибалтику, Белоруссию, а также Житомирскую, Каменец-Подольскую и Винницкую области Украины). Вместе с тем, переходя к собственным размышлениям, он уже высказывает мысли относительно европейской колонизации территорий за Уралом, заявляя, что *«Сибирь является одним из факторов, который при правильном его использовании мог бы сыграть решающую роль в лишении русского народа возможности восстановить своё могущество»*^[546].

В Сибирь Ветцель предлагал переселить 65 % украинского населения, остальные, по его мнению, могли быть онемечены. Белорусам повезло меньше: планировалось очистить регион их проживания от 75 % населения. Впрочем, 25 % все-таки подлежало германизации. Но особые опасения у Ветцеля

вызывал русский народ ввиду «его огромной биологической силы». В связи с этим чиновник востмина (министерства восточных территорий), оставив в стороне вопрос депортаций русских, набросал целую программу её подрыва.

В первом пункте своего плана он предлагал предусмотреть разделение территорий, населенных русскими, на разные политические районы с собственными органами управления, чтобы обеспечить в них разное *национальное* развитие. Это значит, писал Ветцель, что русскому Горьковского генерального комиссариата должно быть привито чувство, что он чем-то отличается от русского Тульского генерального комиссариата (выше он писал об отдельном народе *сибиряков*). Иными словами, речь шла о насаждении психологического сепаратизма. К слову, данный пассаж при отрыве от контекста становится причиной постоянных обвинений в фальшивости всего документа, так как ни Горьковского, ни Тульского генеральных

комиссариатов в 1942 году не существовало. На самом деле ничего таинственного тут нет: Ветцель имел в виду, что для разобщения русских в будущем следует создать мелкие псевдогосударственные образования, и население должно идентифицировать себя с ними, а не с Россией в целом. Тула и Горький приведены им в качестве гипотетического примера (первым на это справедливо обратил внимание историк Игорь Петров)[\[547\]](#).

Второй пункт касался ослабления русских в расовом отношении. Ветцель писал: «Важно, чтобы на русской территории население в своём большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского типа. Оно не доставит много забот германскому руководству. Эта масса расово неполноценных, тупых людей нуждается, как свидетельствует вековая история этих областей, в руководстве». По мнению автора записки, немцам необходимо выявить и онемечить группы русских с признаками нордичности, не допустить сближения германцев с основной

массой населения и предотвратить благотворное влияние немецкой крови на примитивный русский народ через внебрачные связи [\[548\]](#).

Наиболее интересен третий пункт. Ветцель расписал целую серию политических и социальных мер по депопуляции восточных территорий. Мы упоминали о ней выше, рассмотрим её внимательнее. Чиновник предлагал развернуть широкую пропагандистскую кампанию того, что сегодня называется чайлдфри: *«Нужно показывать, каких больших средств стоит воспитание детей и что можно было бы приобрести на эти средства, нужно говорить о большой опасности для здоровья женщины, которой она подвергается, рожая детей, наряду с этим должна быть развернута широчайшая пропаганда противозачаточных средств, необходимо наладить широкое производство этих средств, распространение этих средств и аборт ни в коей мере не должны ограничиваться, следует всячески*

способствовать расширению сети абортариев».

В плане Ветцеля намечена подготовка врачей, акушерок и фельдшерниц для производства качественных аборт. По его мнению, *следует пропагандировать даже добровольную стерилизацию. Очень важно «не допускать борьбы за снижение смертности младенцев, не разрешать обучения матерей уходу за грудными детьми и профилактическим мерам против детских болезней»*^[549].

Очень важно иметь в виду, что в то же время нацистская наука активно вела поиск биологических инструментов депопуляции. В конце 1941 года свой проект сокращения числа русских Гиммлеру предложил доктор Адольф Покорный, разделявший нацистские воззрения, что врага необходимо не только победить, но и искоренить. Стимулировать бесплодие русского этноса врач предлагал с помощью южноамериканского растения *Caladium seguinum*, которое следовало

подмешивать восточным народам в еду. Покорный писал: «Сама по себе мысль о том, что три миллиона большевиков, находящихся сейчас в немецком плену, могут быть стерилизованы и в то же время будут пригодны для работы, открывает далеко идущие перспективы»^[550]. Предложение Покорного рейхсфюрер СС отверг, скорее всего, из-за невозможности добыть необходимое растение в промышленных масштабах, хотя, возможно, свою роль сыграла и неблагонадёжность доктора (когда-то он был женат на еврейке). Впрочем, Гиммлер рассчитывал на другие методы, которые в Освенциме и позже в Равенсбрюке тестировал нацистский профессор Карл Клауберг^[551]. Этот обергруппенфюрер СС начал с введения жидкой кислоты в женскую матку, что оказалось очень эффективно, но вызывало много побочных эффектов, мешавших трудоспособности. Более перспективным представлялось умеренное воздействие рентгеновскими лучами. Ими можно было

стерилизовать сразу массы народа, причём делать это совершенно незаметно, не вызывая подозрений и сопротивления. Систематическое проведение таких экспериментов свидетельствует, что, рассуждая о будущем коренного населения СССР, мы не можем ограничиваться только анализом черновиков плана «Ост».

Несомненно, что последнее слово относительно судьбы славянских народов после победы рейха оставалось бы за Гитлером. Фюрер, как мы видели выше, в этом вопросе был настроен весьма радикально. Его собственные воззрения, как это часто бывало, шли дальше разработок чиновников востмина и даже СС.

В первую очередь Гитлер был противником совместного проживания немецких колонистов и русских людей в одних и тех же населённых пунктах. Для коренного населения он настаивал на резервациях, в которых был бы законсервирован самый примитивный образ жизни: без современной

науки, техники, образования и медицины. Это отразилось в директиве Розенбергу (формально от лица Мартина Бормана) 23 июля 1942 года: «Немцы будут жить в заново построенных городах и деревнях, строго изолированных от русского (украинского) населения». В ближнем кругу фюрер по этому поводу говорил:

«Ни под каким видом не следует застраивать русские или украинские города или пытаться сделать более красивым их облик. Ибо в нашу задачу не входит улучшить жизнь местного населения. В перспективе для немцев будут построены новые города и посёлки, и они никак не будут соприкасаться с русским или украинским населением»^[552].

Вождь рейха отмечал, что это должны быть прекрасные города, ничуть не хуже, чем в других частях Великой Германии. То же самое касалось и германских посёлков. «Вокруг города в радиусе 30–40 километров раскинутся поражающие своей красотой немецкие деревни, соединённые самыми

лучшими дорогами. Возникнет другой мир, в котором русским будет позволено жить, как им угодно. Но при одном условии: господами будем мы. В случае мятежа нам достаточно будет сбросить пару бомб на их города, и дело сделано»^[553].

В своих суждениях о колониальном господстве фюрер много внимания уделял образовательной политике, а точнее – её отсутствию для коренного населения. «Ни один учитель не должен приходить к ним и тащить в школу их детей. Если русские, украинцы, киргизы и пр. научатся читать и писать, нам это только повредит. Ибо таким образом более способные туземцы смогут приобщиться к некоторым историческим знаниям, а значит, и усвоят политические идеи, которые в любом случае хоть как-то будут направлены против нас. Гораздо лучше установить в каждой деревне репродуктор и таким образом сообщать людям новости и развлекать их... Только чтобы никому в голову не взбрело рассказывать по радио покорённым

народам об их истории; музыка, музыка, ничего, кроме музыки»^[554]. Эта сентенция была доведена до Розенберга в более мягкой форме: «Ни в коем случае не следует давать местному населению более высокое образование. Если мы совершим эту промашку, мы сами породим в будущем сопротивление против нас. Поэтому, по мнению фюрера, вполне достаточно обучать ненемецкое население, в том числе так называемых украинцев, только чтению и письму»^[555]. Любопытно, что в реальной образовательной политике на оккупированных территориях черты гитлеровских намерений проявились уже в ходе войны, несмотря на то что уделять много внимания этому оккупационная администрация не могла. Нигде в оккупации не работала средняя школа, с 1942 года занятия посещали только ученики 1–4 классов. Хотя поначалу преподавание истории для них продолжалось, но, как правило, – в контексте той огромной пользы, которую немецкое влияние приносило

славянским народам. Однако русская история, в которой были Александр Невский, взятие Берлина в 1761 году и Суворов, говоривший «русак пруссака всегда бивал», оказалась очень неудобна для реализации гитлеровских планов. В 1943 году нацисты официально вывели этот предмет из школьной программы^[556].

Немецким нововведением в бывшей советской школе стал Закон Божий, но гитлеровская поддержка православной церкви была абсолютно лицемерной и продолжалась лишь до тех пор, пока священнослужители выказывали полное одобрение оккупационной политике. Свои потаённые мысли Гитлер высказывал в близком кругу: *«Следует избегать создания единых церквей на более или менее обширных русских землях. В наших же интересах, чтобы в каждой деревне была своя собственная секта со своими представлениями о боге. Даже если таким образом жители отдельных деревень станут, подобно неграм или индейцам, приверженцами*

магических культур, мы это можем только приветствовать...»^[557] Гиммлер в письме шефу РСХА Эрнсту Кальтенбруннеру 21 июля 1944 года отмечал, что православие неизбежно приведёт русских к мыслям о национальном возрождении. Взамен его рейхсфюрер предлагал использовать для умиротворения коренного населения секту «Свидетелей Иеговы», которая сочетает пацифизм с ненавистью к евреям^[558].

Особо настаивал фюрер на том, чтобы отторгнуть коренное население от медицины и гигиенических знаний. *«Почему мы должны им делать прививки? Действительно, нужно применить силу в отношении наших юристов и врачей: запретить им делать туземцам прививки и заставлять их мыться. Зато дать им инапсу и табаку сколько пожелают... Даже речи не может быть о вакцинации местных жителей и тому подобных мерах по укреплению их здоровья. В их головах нужно убить даже мысль о них. И со спокойной душой всячески способствовать*

распространению среди них суеверного представления о том, что все эти прививки и тому подобные вещи крайне опасны»^[559]. Для Гитлера, который, как мы видели выше, стремился использовать «колонизаторские и биологические средства» для уничтожения славян, всё это было не более чем инструментом депопуляции. Очень точно мысли фюрера отразили слова внутренней директивы востмина, изданной 19 августа 1942 года по итогам письма Бормана Розенбергу:

«Славяне должны работать на нас, если же они нам больше не нужны, пусть умирают»^[560].

Очевидно, что, несмотря на всю разницу, между проектом Майера, записками Ветцеля и суждениями Гитлера есть некоторые общие базовые черты. Во-первых, все они исходят из того, что никакой русской государственности, во всяком случае в европейской части СССР, больше никогда не будет. Во-вторых, покорённые территории будут заселены

немцами. В-третьих, германцы будут занимать на этой территории господствующее социальное положение. В-четвертых, на покорённом пространстве предстоит провести депопуляцию коренного населения (правда, у Майера об этом сказано скромно и только на примере городов Ингерманландии). Не подлежит сомнению, что эти четыре составляющие были бы реализованы в случае победы Германии. Более того, они уже начали воплощаться в жизнь. В августе 1942 года рядом со ставкой Гиммлера возле Житомира было основано три немецких посёлка под общим названием Хегевальд, где разместили советских фольксдойчей^[561]. Вскоре на Волыни была образована ещё одна колония – Хальбшадт (бывший Молочанск), где также обосновались поселенцы из числа украинских немцев: поддержать братьев и сестёр по крови прибыло около восьмидесяти медсестёр из Красного Креста Германии^[562]. Украинские крестьяне исполняли при фольксдойчах роль батраков. Таким образом, процесс

колонизации захваченных земель стартовал. Уже одно это объясняет, почему войну против нацистов со стороны народов СССР мы не можем не считать Отечественной.

Оценивая сроки и характер воплощения «остовских» планов, на наш взгляд, следует иметь в виду, что в ходе войны на Востоке Гитлер, как правило, выбирал самые радикальные варианты политики, что вытекало из духа гитлеровского национал-социализма. К примеру, фюрер жёстко блокировал прагматичную линию Розенберга на провозглашение марионеточного украинского государства и даже запретил открывать университет в Киеве. Куда больше по душе Гитлеру пришлась откровенно террористическая политика украинского рейхскомиссара Эрика Коха, с которым фюрер установил прямой контакт через голову министра восточных территорий.

Другим примером может служить поддержка людоедского приказа фельдмаршала фон Рейхенау, о котором мы

говорили выше. 24 ноября 1941 года командир 3-го моторизованного армейского корпуса Эберхард фон Макензен издал директиву, в которой призвал своих солдат не рассматривать местное население как «объект эксплуатации»^[563]. Но из Берлина вооружённым силам было предписано руководствоваться именно видением Рейхенау, а не Макензена. Наконец, первое место в этом ряду занимает санкция Гитлера на «окончательное решение». Его фюрер предпочел плану высылки евреев на Мадагаскар, который в 1940 году реально прорабатывал один из главных в будущем организаторов холокоста Адольф Эйхман^[564]. Таким образом, вряд ли стоит сомневаться, что «тренд» на радикальность не отразился бы на судьбе народов СССР в случае победы нацистов.

Озвученные планы Гитлера и его окружения являются очевидным случаем старой кальвинистской традиции «общества, которое исключает». Усиленно работая над

созданием «расы господ», нацисты задумали параллельно вывести и «расу рабов», загнав русский и другие народы СССР в далекое средневековье. Исходя из этого ответ на вопрос о тождестве нацизма и коммунизма – отрицательный, так как советский строй, при всей кровавости и запредельном трагизме репрессий, являлся для русских проектом модерна, устремлённым в будущее. В его основу были заложены индустриализация, фундаментальная наука, всеобщее образование и просвещение. Нацистский проект был, наоборот, проектом полного регресса: он нёс деиндустриализацию, невежество и торжество суеверий. Рейх не собирался признавать автохтонов гражданами (и нести за них полную ответственность), а если они не могли быть полезны как рабочая сила – то и учитывать их существование вообще. Здесь просматривается самая тесная связь с освоением Северной Америки и Австралии, о котором мы подробно говорили в первой главе. Лишение источников питания, блокировка

доступа к медицине, отсутствие государственной опеки – всё это очень быстро создало бы условия для скачка уровня смертности коренного населения. Кроме того, активное немецкое переселенчество не смогло бы обойтись без конфликтов со славянами, что неизбежно влекло бы за собой карательные рейды с избыточным насилием. Освоение Дикого Востока, конечно, имело бы своего Джона Чивингтона, закалённого в карательных налётах, скажем, под Брянском, и своего Фрэнка Баума, удачно трудоустроенного в ведомстве Геббельса и мечтающего на досуге написать добрую сказку для детей. Конечно же, для немецких, расово безупречных детей с чистой нордической кровью.

Заключение

Нацистская война на уничтожение в качестве одной из базовых целей включала изъятие всех продовольственных ресурсов СССР в пользу рейха. Это позволило бы Германии эффективно продолжить борьбу с Англией, не снижая уровня потребления внутри страны и сохраняя общественное спокойствие. Аналитики военно-экономического штаба «Ольденбург» ещё в мае 1941 года предвидели, что в ходе решения этой задачи голодной смертью умрут миллионы жителей Советского Союза из нечернозёмной зоны, которую предстояло полностью отторгнуть от поставок продовольствия. Число людей, которые стали бы лишними при «новом порядке», оценивалось примерно в тридцать миллионов. Эта программа массового убийства, разработанная статс-секретарем министерства

сельского хозяйства и продовольствия Гербертом Бакке, была согласована всеми заинтересованными сторонами, включая военно-экономический штаб «Ольденбург», министерство восточных территорий, ведомство имперской безопасности и вермахт. План голода более чем отвечал стратегическим целям Гитлера, так как завоевание Lebensraum было неминуемо связано с полным или частичным очищением земли от коренного населения.

10 июня 1941 года Герберт Бакке имел продолжительную встречу с Генрихом Гиммлером. После неё глава «Чёрного ордена» отправился в замок Вевельсбург, где объявил высшим чинам СС, что целью войны на Востоке будет уничтожение тридцати миллионов славян (это число он мог узнать у Бакке). В связи с этим эсэсовские руководители получили «особые задания», смысл которых состоял в том, чтобы поддержать план голода акциями насильственного уничтожения.

Важно понимать, что Гиммлер как глава рейхскомиссариата по укреплению германской государственности был фактическим руководителем расовой политики рейха и упор делал на истреблении именно *славян*, которых рейсхфюрер в основной своей массе считал низшей расой, о чём заявлял неоднократно. В конце 1941 года, когда встал вопрос о широком привлечении в Германию рабочей силы с Востока, именно Гиммлер осуществил включение славянства в систему Нюрнбергских законов о расе. Славянские народы были официально исключены из понятия «родственная кровь»: браки с ними оказались под запретом, а сексуальная связь жестоко каралась как угрожающая загрязнению расовой чистоты немецкого народа. Вместе с тем Гиммлер признавал, что ввиду многовекового соседства немцев со славянами в некоторых из них есть «капля германской крови». Эта оговорка позволяла привлекать относительно небольшую часть антисоветски настроенных местных жителей в

соединения СС и использовать их для уничтожения других местных жителей на благо «Великой Германии».

Практическая реализация плана голода началась уже с первых дней вторжения Германии в СССР. Директивы штаба «Ольденбург» об изъятии продовольствия были доведены до чинов ОКВ и ОКХ, которые исходя из них санкционировали минимальные рационы питания для советских военнопленных. Таким образом они были поставлены в ситуацию экстремального социал-дарвинистского естественного отбора – самые слабые умирали, а самые сильные получали возможность работать на империю Гитлера. Всего нацисты уничтожили 3,8 миллиона военнослужащих РККА.

Другим воплощением стратегии голода стала блокада Ленинграда. Творение Петра Великого было первым крупным российским городом нечернозёмной зоны на пути войск вермахта. Северная столица (наряду с Москвой) упоминалась ещё в документе

«Ольденбурга» от 23 мая 1941 года – в том ключе, что население следует отсечь от продовольственного снабжения. С начала июля Гитлер планировал окружить город, уничтожить его системы жизнеобеспечения артиллерией и авиацией, частично уморить население, а частично выдавить вглубь нечернозёмных земель (где ленинградцев позднее ждала голодная смерть). Лишь упорное сопротивление Красной армии позволило пресечь эти замыслы и не допустить сдачи Москвы, которой была уготована та же судьба.

Вместе с тем истребительные планы нацистов реализовались на оккупированных территориях под Ленинградом, где зимой 1941–1942 года население голодало не меньше, чем в блокадном городе. В тот же период немцы осуществляли организованный голод в городах чернозёмной зоны, Киеве и Харькове. В документации нацистских чиновников о нём говорится как о методе избавления от лишних ртов, причём население крупных городов

упоминается в этом контексте рядом с евреями. Это позволяет предположить, что, хотя ненависть к евреям со стороны нацистов была беспрецедентной, решение о поголовном уничтожении представителей этого народа на Востоке складывалось не без влияния плана Бакке. Поскольку нацисты априори исходили из того, что на территории СССР живет тридцать миллионов *ненужных людей*, следовало определить, по каким критериям их отделять от *полезных*, которых в дальнейшем можно будет использовать как рабов. Агрессивный нацистский антисемитизм и мифологема о жидобольшевизме подсказывали, что первой группой в составе этих миллионов должны стать советские евреи. Инициатором их истребления был Гиммлер – именно он впервые отдал приказ о тотальном убийстве евреев в конце июля 1941 года на эсэсовском совещании в Николаеве.

Получив инструкции в Вевельсбурге, организации СС включились в истребительную политику с самого начала

войны. В тылу немецких войск айнзацкоманды уничтожали евреев, комиссаров, наиболее активных большевиков, а войска СС приступили к карательным рейдам. Нельзя не упомянуть так называемый Припятский марш, в рамках которого евреи истреблялись поголовно, а белорусские крестьяне – в зависимости от настроения эсэсовцев. Данная операция была проведена ещё до развертывания партизанского движения и не может считаться антипартизанской акцией, но, несомненно, является акцией уничтожения. В дальнейшем все карательные операции имели характер *избыточного насилия* – немецкие войска убивали не конкретное число заложников, а максимум населения. На втором этапе войны, во время отступления немцев, политика изменилась: теперь целью была не ликвидация лишних ртов, а уничтожение биологической силы противника. Но суть осталась та же – массовые убийства населения, которое нельзя использовать для военной выгоды.

В стороне от политики уничтожения не оставалось и верховное командование вооружённых сил Германии. Под влиянием фюрера ОКВ издало приказ «О воинской подсудности в районе операций “Барбаросса”», который освободил немецких солдат от ответственности за преступления против гражданских лиц. Симптоматично, что директива появилась 23 мая 1941 года – в один день с документом штаба «Ольденбург» о плане голода (это свидетельствует о синхронности их подготовки). Приказ о воинской подсудности дал толчок к вспышке повседневного геноцида на оккупированной территории СССР. Вместе с тем, очевидно, не в полной мере. Главной причиной стал провал гитлеровского блицкрига, который повисил в глазах руководства Третьего рейха ценность местного населения и подтолкнул его к мысли использовать жителей оккупированных территорий и военнопленных как рабочую силу. Ещё более поменял ситуацию Сталинград: после него Берлин предпринял

отчётливые шаги к сотрудничеству с жителями покорённых, как казалось из немецкой столицы, земель. Но вынужденность и ситуативность этих мер были очевидны даже для тех, кто первоначально питал иллюзии по поводу нацистской власти. К тому же остановить маховик колониального насилия в короткие сроки было невозможно. А по мере наступления Красной армии, которое усиливало сопротивление в оккупации, он, наоборот, раскручивался с новой силой.

Каким же оказалось число нацистских жертв из числа советских гражданских лиц? Следует признать, что большая работа по уточнению этих цифр ещё предстоит ученым. Имеющиеся на сегодня данные позволяют прояснить ситуацию только примерно.

Чрезвычайная государственная комиссия по расследованию нацистских злодеяний пришла к выводу, что на оккупированных территориях немцы и их пособники преднамеренно истребили около 6 800 000 мирных жителей^[565]. Сюда входят почти три

миллиона советских евреев, жертвы сожжения деревень и карательных операций в городах, несколько десятков тысяч цыган, несколько десятков тысяч поляков, истреблённых в ходе Волынской резни, несколько десятков тысяч душевно и неизлечимо больных, люди, уничтоженные в ходе повседневного насилия, нарушители комендантского часа, подпольщики, часть ушедших в партизаны из числа гражданских лиц и просто нелояльно настроенные к нацистскому режиму граждане. Сюда же, как правило, зачислялись гражданские жертвы непосредственно боевых действий, то есть погибшие от обстрелов и бомбёжек. По мнению профессора А.А. Шевякова, сотрудники ЧГК на местах были лишены «политического чутья» и необходимой квалификации, что не позволило им достоверно отразить масштаб гитлеровских преступлений; они якобы представили заниженную цифру^[566]. На наш взгляд, эта точка зрения грешит голословием. Думается, что люди с отсутствием политического чутья

вряд ли могли стать следователями в сталинском СССР. Вместе с тем очевидно: ЧГК, фиксирующая явные преступления, не могла полноценно учесть сверхсмертность в результате гуманитарной катастрофы (гибель людей от неоказания медицинской помощи, переживаний, отчаяния, потери воли к жизни). Это возможно только в ходе последующих демографических исследований. Однако есть правота и в словах В.Н. Земскова, который, в противоположность Шевякову, настаивал на том, что цифра в 6,8 миллионов прямых жертв оккупации не занижена, а завышена! По его мнению, следователи часто заносили в число убитых тех, кто успел эвакуироваться или был угнан в неволю, а после вернулся или, наоборот, эмигрировал из СССР». Таким образом недоучет жертв сверхсмертности от ухудшения условий жизни, судя по всему, компенсируется переучетом жертв прямого террора.

Коллектив современных исследователей во главе с генералом Г.Ф. Кривошеевым

оценил число преднамеренно истреблённых гражданских лиц на оккупированной территории близко к данным ЧГК (7,4 миллиона человек). Однако в исследовании фигурируют ещё 4,1 миллиона погибших от ухудшения условий жизни, то есть общее число, по версии авторов, составило 11,5 миллиона человек^[567]. По обоснованному мнению В.Н. Земскова, происхождение второй цифры совсем сомнительно^[568]. Она во многом дублирует первую, которая, по мнению ученого, и без того завышена. В этом смысле наиболее взвешенную оценку общих жертв оккупации дал военный историк В.Ф. Филимошин: 8,5 миллионов человек.

Цифры ЧГК и Кривошеева косвенно подтверждают результаты демографических исследований профессора Гарвардского университета Сергея Максудова, который рассчитал сумму демографических (не прямых!) потерь гражданского населения под германским господством в 7,2 миллиона человек, куда входят гражданские жертвы

сверхсмертности, холокоста и потерь от боевых действий^[569]. Последнее, правда, включает и прифронтовую неоккупированную территорию СССР, но очевидно, что на её долю приходится всё же меньшая часть потерь от обстрелов и общей картины это не меняет: число демографических жертв всё равно оценивается близко к 7 миллионам. Число реальных жертв при этом очевидно выше, так как от нацистского террора гибли и те, кто умер бы своей смертью, не начнись война.

В недавней работе о демографических потерях СССР в Великой Отечественной войне исследователь Н.Н. Савченко обосновал, что сверхсмертность (то есть смертность, превышающая норму) только женщин, стариков и детей до 1939 года рождения на оккупированных территориях составляет 4,05 миллиона человек^[570]. Представляется, однако, что на самом деле эта цифра выше, так как автор ошибочно включил в призывные возраста 1889 год и 1928 год, что автоматически увеличивает смертность детей

и стариков. Кроме того, в указанной цифре не учтены потери детей младше 1939 года рождения, которые, по демографическим расчётам, составили 1,3 миллиона. Основные демографические потери детей старшего возраста пришлись именно на оккупированные территории: в тылу показатель потерь этой категории вообще оказался отрицательным (-0,3 миллиона), что, конечно, объясняется не только массовой эвакуацией, но и самоотверженным трудом врачей. Думается, мы вправе предположить, что в целом та же картина наблюдается и по младшим возрастам, то есть подавляющая часть демографической убыли в 1,3 миллиона приходится на земли под нацистским господством. С учётом этих данных можно говорить, что не менее 5,2–5,5 миллиона только стариков, женщин и детей стали жертвами оккупантов.

Однако от рук немцев и их пособников, несомненно, массово гибли также гражданские мужчины призывного возраста,

которые не успели мобилизоваться в связи с быстрыми темпами оккупации, были освобождены от призыва по причине занятости в промышленности, болезни, инвалидности или достигли призывного возраста уже после начала оккупации. Около 600–700 тысяч из них приходится на граждан еврейской национальности, десятки тысяч составляют подлежавшие плановому истреблению цыгане, душевно, тяжело и неизлечимо больные, а также поляки, уничтоженные в ходе Волынской резни. Не подлежит сомнению, что на оккупированной территории уничтожались мужчины призывных возрастов русской, украинской, белорусской и любой другой национальности, причём в некоторых ситуациях их убивали в первую очередь (по сравнению с женщинами и детьми).

Проиллюстрировать это утверждение может немецкий приказ штаба II армейского корпуса, изданный в конце 1941 года; согласно ему за сопротивление реквизициям в сельской

местности следовало немедленно уничтожать все мужское население в возрасте от 16 до 50 лет^[571]. О том же говорит отчёт генерального комиссара Риги Отто-Генриха Дрекслера, посвящённый действиям нацистских карателей в ходе операции «Зимнее волшебство»: *«Кампания разворачивалась следующим образом: входя в село (вначале не было никакого сопротивления), тотчас расстреливали подозреваемых в партизанской деятельности. Таковыми считались почти все мужчины в возрасте от 16 до 50 лет»*^[572].

Доказательства несложно найти и в документах, освещающих нацистские карательные операции с советской стороны. Так, начальник НКВД Витебского района А.П. Максименко летом 1942 года докладывал, что немцы сортировали захваченное население, «всех трудоспособных мужчин и женщин и молодых девушек забирали с собой. Мужчин по дороге в г. Витебск и д. Лужина расстреливали, а женщин и девушек

увозили»^[573]. Ещё один доклад гласит: «Ворвавшись в дер[евню] Пристань Минской области, фашистские мерзавцы собрали 230 мужчин и здесь же за деревней всех их расстреляли, а затем окружили деревню и зверски расправились с детьми, женщинами и стариками»^[574].

В ходе отступления, когда нацисты широко применяли тактику выжженной земли, всё мужское население от 16 до 60 вермахт пытался угнать за оборонительные линии, чтобы использовать как рабочую силу и одновременно не допустить их призыва в РККА. В случае, когда мужчины пытались бежать или угнать их по каким-то причинам оказывалось невозможно, их убивали. Но и те, кто уходил с немцами, гибли от непосильной работы на строительстве укреплений, от плохого питания, изнурительных пеших маршей, эпидемий. Кроме того, к призывным возрастам принадлежало подавляющее большинство мужчин-коммунистов, подпольщиков, организаторов сопротивления,

которые также подлежали немедленному уничтожению.

С учетом этих данных расчеты Савченко подводят нас к мысли, что число жертв нацистской оккупации находится в одном порядке с теми, что озвучили его коллеги.

Думается, что по всем причинам, включая гуманитарную катастрофу, в оккупации погибло от 7 до 8,5 миллионов гражданских лиц, то есть примерно каждый десятый попавший под нацистское иго. К этим цифрам нужно приплюсовать недавно уточнённую цифру жертв блокадного Ленинграда, что было заранее цинично учтено в плане Бакке. Последние исследования показывают, что жертвами блокады города на Неве стали 1 413 000 человек^[575], из которых около миллиона скончались в самом Ленинграде, а остальные, подобно Тане Савичевой, уже в эвакуации.

Кроме того, следует помнить, что план голода в известной степени сработал и на тыловых территориях Советского Союза. Разрушение системы продовольственных

цепочек вкупе с мобилизацией мужчин-кормильцев, массовым призывом медиков и сверхнапряжением военного труда женщин и детей убивало советских граждан и вдалеке от фронта. В 1942 году голод поразил прифронтовые Вологодскую и Архангельскую области, Якутию, другие регионы Советского Союза. Очевидно, что его жертвы – это не прямые военные потери, и В.Н. Земсков справедливо указал на это^[576], но с другой стороны, умершие в тылу также входили в число тех, о ком в нацистском меморандуме штаба «Ольденбург» говорилось как о потенциально лишних; их гибель перед началом вторжения учёл и запланировал Герберт Бакке, а его стратегию всецело одобрил фюрер. Эти утраты стали следствием конкретного и ясно выраженного намерения агрессоров. Как отметил С. Максудов, «исключение из оценки таких косвенных потерь, возможно, оправдано в других странах, но неприемлемо для СССР, поскольку целью немецкой политики было сокращение

советского населения любимыми способами»^[577].

О сверхсмертности на неоккупированных территориях мы располагаем лишь приблизительными цифрами. Н.Н. Савченко рассчитал сверхсмертность только среди женщин, детей до 1939 года рождения и стариков – 3 340 000 человек^[578]. Однако списывать эти жертвы на ухудшение жизненных условий в тылу абсолютно некорректно, так как к тыловым территориям автор курьёзно причислил... всю прифронтовую местность, включая блокадный Ленинград. Поскольку выше мы уже посчитали умерших ленинградцев, их следует вычесть. По самым минимальным оценкам, к детям, женщинам и старикам относилась $\frac{2}{3}$ погибших блокадников. Вычитая 940 000 из этой цифры, получаем 2 398 000. Надо иметь в виду, что отнюдь не все эти люди погибли от ухудшений условий жизни. Сталинград, Мурманск, Воронеж и другие города были осаждены и подвергались ожесточённым

бомбардировкам, в некоторых развернулись уличные бои. Таким образом, часть их приходится на гражданские потери от обстрелов и разрушений.

Можно ли считать эту общую цифру полностью отражающей число гражданских жертв на неоккупированных территориях? Нет. Там сверх нормы умирали и гражданские мужчины призывного возраста, занятые в промышленности и сельском хозяйстве, демобилизованные фронтовики, а также имевшие бронь по работе, болезни или иной причине. Так, недавнее исследование О.Ю. Бушуевой установило, что в тыловой Куйбышевской области сверхсмертность мужчин призывного возраста была выше, чем сверхсмертность женщин. В 1942 году она составила среди мужчин в возрасте от 15 до 59 лет 33,4 %, а среди женщин того же возраста – 21,8 %^[579]. Следует также учесть массовую смертность заключённых ГУЛАГа в 1941–1943 годах. Мы допускаем, что общая сверхсмертность на тыловых территориях (за

вычетом умерших в эвакуации ленинградцев) может составлять 3,5 миллионов человек.

Что касается погибших на территории Германии остарбайтеров, на наш взгляд, наиболее взвешенные данные привёл В.Н. Земсков – примерно 200 000 человек.

Таким образом, количество гражданских жертв на оккупированной территории оценивается в диапазоне от 7 до 8,5 миллионов, включая около 3 миллионов жертв холокоста; жертв блокадного Ленинграда – около 1 400 000; остарбайтеров – около 200 000 (только на территории Германии); гражданских жертв боевых действий на прифронтовых, но неоккупированных территориях плюс сверхсмертность в тылу (без учёта ленинградцев) и на освобождённых территориях – около 3,5 миллионов. Итого 12,1–13,6 миллиона человек. Однако, как мы упоминали выше, нацисты убили ещё около 3 800 000 советских военнопленных. Хотя пленные входят в военные потери СССР, однако следует учесть, что они погибли не на

поле боя, а были уничтожены нацистами осознанно и являются жертвами преступления против человечности.

Таким образом, общее число жертв нацистского геноцида граждан СССР находят в диапазоне 15,9–17,4 миллиона человек. Эта цифра выглядит наиболее достоверной, хотя и нуждается в дальнейшем уточнении.

Кратко скажем, ещё об одном факторе убыли советского населения. Это эмиграция и оптация, то есть послевоенный обмен населением с соседними странами (самый крупный с Польшей, куда с территорий Западной Украины и Белоруссии выехали советские поляки, а в СССР въехали польские украинцы и белорусы). По подсчетам Н.Н. Савченко, на эту категорию приходится 1, 37 млн. потерь населения. Хотя это и не относится к нашей основной теме, коснёмся также военных потерь Советского Союза, требующих скрупулёзных исследований. В данный момент нам представляется, что правы те авторы, которые оценивают

демографические военные потери вместе с военнопленными в диапазоне от 11,5 до 13,5 миллиона человек (С. Максудов, В. Земсков, М. Солонин). Следует учесть, что как минимум 220 000 из них – это бывшие советские военнослужащие, погибшие в рядах коллаборационистских формирований, и их скорее следовало бы учесть как потери противника. Таким образом, даже если взять верхнюю границу общих военных потерь в 13,5 миллиона, военные потери Советского Союза погибшими (без военнопленных и коллаборационистов) составляют примерно 9,5 миллиона человек (из них около 550 000 умерли от болезней, несчастных случаев и прочих небоевых причин). Аналогичные официальные потери Германии и её союзников (сильно заниженные, без точных данных по вермахту за 1945 год, без фольксштурма, гитлерюгенда и несоветских «хиви») на Восточном фронте составили 4 272 000 человек, а с учетом коллаборационистов – 4 492 000. Таким образом, соотношение

демографических военных потерь без военнопленных – 1 к 2,1 в пользу противника (и это при высшей границе советских потерь; низшая даёт соотношение 1 к 1,6); по канонам военной науки это не даёт никакого повода для самобичевания. Соотношение же потерь с учётом погибших военнопленных – 1 к 2,6, но лишь потому, что СССР не собирался превращать Германию в Lebensraum для русской нации и не уничтожал немецких военнопленных намеренно. Здесь уместно процитировать профессора Гарварда Сергея Максудова, отметившего, что *«меньшей цифрой немцев, умерших в советских лагерях, по сравнению с численностью погибших советских военнопленных следует не стыдиться, а гордиться, хотя это обстоятельство ухудшает соотношение военных потерь»*^[580]. Таким образом даже соотношение высокой (!) реалистичной оценки советских военных потерь с минимальной (!) оценкой военных потерь противника не даёт фантастических 1 к 10 и

даже 1 к 5, о которых было так много написано и сказано в 1990-е годы.

Итак, основное число жертв Великой Отечественной войны – люди, уничтоженные целенаправленно, чья смерть была просчитана и учтена нацистами ещё до начала агрессии. Более того, при оглашении цифры жертв немецкого геноцида в 16–17 миллионов человек следует иметь в виду, что логика завоевания жизненного пространства не остановила бы нацистов на этой цифре.

После завоевания восточных земель в действие должен был вступить генеральный план «Ост». Его итоговый вариант так и не был написан и не передавался на ознакомление Гитлеру. Однако даже черновики связывают будущее российских пространств с однозначным немецким господством и депопуляцией славянских народов. Особенно зловещими в этом контексте выглядят эксперименты по массовой стерилизации, которые велись в 1942–1945 годах в Освенциме и Равенсбрюке.

Таким образом, Адольф Гитлер следовал классическим колониальным рецептам очищения жизненного пространства от «низших рас», которые были выработаны в ходе освоения европейцами Австралии и Северной Америки. Слова Джона Хэммонда («Тасманийцы были бесполезны и все умерли») созвучны нацистскому заявлению о «миллионах лишних, которые будут вынуждены умереть или переселиться в Сибирь» и той цитате, что вынесена в эпиграф нашей книги. Отторжение местных жителей от жизненно важных ресурсов по принципу «мы здесь одни», избыточное насилие, повседневный геноцид, расистская и господская риторика – все эти инструменты нацистская система попыталась воспроизвести при завоевании европейской России. Но потерпела сокрушительное поражение.

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне позволила сохранить Россию на карте мировой истории, русскую

культуру – как живой и развивающийся феномен, а самих русских – как народ. Однако значение 9 Мая выходит за национальные и даже межнациональные рамки. Это было торжество не только армий, но идей. Армия, вдохновлённая идеями человеческого равенства, одержала верх над армией, основанной на идеях человеческого неравенства, господства и порабощения. На величайшей ценности этого подвига в конечном счёте сойдутся и коммунист, и христианин, который повторит за Лас Касасом его аргумент (прозвучавший в споре с предтечей нацистов – Сепульведой): «Зачем нам Аристотель, если у нас есть Христос?»

В этом и состоит исторический смысл Победы, который переживёт наших детей, внуков и правнуков.

Избранная библиография

1. *Адамович А.* Я из огненной деревни. – М., 1979.
2. *Айхольц Д.* Цели Германии в войне против СССР // Новая и новейшая история. 2002. № 6.
3. *Александров Г.Н.* Суд истории: репортажи с Нюрнбергского процесса. – М., 1966.
4. *Алексиевич С.* Последние свидетели. – М., 2008.
5. *Алексиевич С.* У войны не женское лицо. – М., 1988.
6. *Алентьева Т.В.* Война с Мексикой в 1846–1848 годах и американское общественное мнение // Вопросы истории, № 8, август 2006.
7. *Альтман И.* Жертвы ненависти. – М., 2002.
8. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. – М.,

1996.

9. *Баринов И.И.* Оккупационный режим нацистской Германии на территории Украины, 1941–1944 гг. – М., 2013.

10. *Безыменский Л.* Человек за спиной Гитлера. – М., 2000.

11. *Безыменский Л.* Особая папка «Барбаросса». – М., 1972.

12. *Беркгоф К.* Голод в Киеве // http://scepsis.net/library/id_3673.htm

13. *Бивор Э.* Сталинград. – Смоленск, 1999.

14. *Блюментрит Г.* Московская битва. – М., 1958.

15. *Браун Д.* Схороните мое сердце у Вундед-Ни. Хабаровск, 1988.

<http://www.mezoamerica.ru/indians/north/deebrow>

16. *Бунин И.А.* Собрание сочинений. Т.8. Из дневниковых записей; Окаянные дни. – М., 2009.

17. *Будницкий О.* Сексуальные преступления вермахта //

<http://echo.msk.ru/programs/netak/693919-echo/>

18. *Бушуева О.Ю.* Безвозвратные людские потери Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 4.

19. *Васильченко А.* Кинематограф Третьего рейха. – М., 2010.

20. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z00002>

21. *Вельцер Х., Найтцель З.* Солдаты вермахта. – М., 2013.

22. *Ветте В.* Война на уничтожение: вермахт и холокост // Новая и новейшая история. 1999. № 3.

23. *Ветцель Э.* Замечания и предложения «Восточного министерства» по генеральному плану «Ост» // http://scepsis.net/library/id_703.html

24. *Видукинд Корвейский.* Деяния саксов. – М., 1975.

25. *Власов К.П.* Война глазами харьковского подростка. – Харьков, 2015.

26. *Вольфгангер В.* Беспощадная бойня Восточного фронта. – М., 2010.
27. *Воробьёв К.Д.* Крик. – М., 1984.
28. *Воробьёв К.Д.* Убиты под Москвой. Повести, рассказы. – М., 1994.
29. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. – М., 1968–1971.
30. *Гейльбрунн О., Диксон Ч.О.* Коммунистические партизанские действия. – М., 1957.
31. *Гельмольд.* Славянская хроника. – М., 1963.
32. *Гладышев В.Г.* Я видел, как поджигали дома вместе с людьми // Уничтожение городов и деревень в Европе в годы Второй мировой войны: сборник материалов международной конференции. – М., 2015.
33. *Гобино Ж.А. де.* Опыт о неравенстве человеческих рас. – М., 2001.
34. *Голь Ш. де.* Военные мемуары: призыв 1940–1942. – М., 2003.

35. *Голомшток И.Н., Синявский А.Д.* Пикассо. – М.: Знание, 1960.
36. *Горшенин К.П.* Нюрнбергский процесс, сборник материалов. Т.1. – М., 1955.
37. *Гюнтер Г.* Мои впечатления об Адольфе Гитлере. – М., 2013.
38. *Давидсон А.* Что это? Предостережение миру? // Иностранная литература. 2001. № 12.
39. *Данилкин Л.* Гагарин. – М., 2011.
40. *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. Т. 1–2. – М., 1973.
41. *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера – путь к катастрофе. Т.1. – М., 2005.
42. *Двинов Б.* Власовское движение в свете документов. – Нью-Йорк, 1950.
43. *Дегрелль Л.* Гитлер на тысячу лет // <http://fatuma.net/text/degrelle.pdf>
44. *Дегрелль Л.* Эсэсовский легион Гитлера. – М., 2012.
45. *Деникин А.И.* Мировые события и русский вопрос. – Париж, 1939.

46. *Деревянко М.Б.* Война и оккупация. – Воронеж, 2011.

47. *Диас Дель Кастильо Б.* Правдивая история завоевания Новой Испании. – М., 2000.

48. *Диверге В.* Советский Союз глазами немецких солдат. Письма с Востока // <http://militera.lib.ru/propaganda/german/feldpostbr>

49. *Доллман Е.* Переводчик Гитлера. Десять лет среди лидеров нацизма. 1934–1944. – М., 2008.

50. *Дорст Ж.* До того как умрёт природа. М., 1968.

51. *Дрюон М.* Это моя война, моя Франция, моя боль. – М., 2012.

52. *Дрюон М.* «Я поклоняюсь вашим ветеранам» // Аргументы и факты. № 34. 24.08.2005 // <http://www.aif.ru/archive/1641532>

53. *Дудин Л.В.* В оккупации // Сборник «Под немцами». – СПб., 2011.

54. *Дюков А.Р.* Die Aktion Kaminskiy: Локотское «самоуправление» и создание бригады РОНА // Мифы Великой

Отечественной. – М., 2008.

55. *Дюков А.Р.* За что сражались советские люди. – М., 2007.

56. *Дюков А.* Нацистский геноцид. Блокада Ленинграда // <http://www.rus-obr.ru/rus-club/1756>

57. *Дюков А.Р.* Операция «Зимнее волшебство». Нацистская истребительная политика и латвийский коллаборационизм. – М., 2011.

58. *Ермаков А.* Вермахт против евреев: война на уничтожение. – М., 2009.

59. *Жуков Д., Ковтун И.* Русские эсэсовцы. – М., 2010.

60. *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Охотники за партизанами. Бригада Дирлевангера. – М., 2013.

61. *Завадский Р.* Своя чужая война. Дневник русского офицера вермахта 1941–1942 гг. – М., 2014.

62. *Звягинцев А.Г.* Главный процесс человечества. – М., 2012.

63. *Звягинцев А.* Нюрнбергский набат. –

М., 2010.

64. *Зенькович Н.* Пушкин в оккупации // <http://tsarselo.ru/yenciklopedija-carskogo-sela/velikaja-otechestvennaja-voina-i-okkupacija-pushkina/nina-zenkovich-pushkin-v-okkupacii.html#.WEKXhIqg8dU>

65. *Земсков В.Н.* О масштабах людских потерь СССР в Великой Отечественной войне // Военно-исторический архив. 2012. № 9.

66. *Зиновьев А.* Русская судьба, исповедь отщепенца. – М., 1999.

67. *Иванков В.Ф.* Жизнь на линии фронта // Вестник Петродворцового района. 2015. № 4.

68. *Иванченко Н.Ю.* Последствия фашистской оккупации на территории Ленинградской области: Диссертация на соискание научной степени к.и. н. СПб., 2004.

69. *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. Т 2. – М., 1952.

70. *Ильин И.А.* Собрание сочинений. Т. 13. – М., 2000.

71. *Кара-Мурза С.Г.* Россия не Запад, или

Что нас ждёт. – М., 2011.

72. *Кара-Мурза С.Г.* Кто такие русские. – М., 2012.

73. *Лас Касас Б. де.* История Индии: Сокр. пер. с испан. – Л., 1968.

74. *Керстен Ф.* Пять лет рядом с Гиммлером. Воспоминания личного врача. 1940–1945. – М., 2004.

75. *Кершоу Р.* 1941 год глазами немцев. – М., 2010.

76. *Клауссманн Г.* Воспоминания немецкого ефрейтора // <http://liewar.ru/epizody-vojny/56-vospominaniya-nemetskogo-efrejtora.html>

77. *Кларк А.* Барбаросса. – М., 2004.

78. *Ковалёв Б.Н.* Повседневная жизнь мирного населения на оккупированной территории. М., 2011.

79. *Ковалёв Ю.В.* Золотая Калифорния Фрэнсиса Брета Гарта. – М., 1988.

80. *Коняев Н.М.* Власов. Два лица генерала. – М., 2003.

81. *Косик В.* Україна і Німеччина у другій

світовій війні. – Львів, 1993.

82. *Костомаров Н.И.* Правда полякам о Руси // *Основа*. – СПб., 1861. № 10.

83. *Котляр Л.* Воспоминания еврей-красноармейца. – М., 2011.

84. *Кошелев А.* Я дрался с самураями. – М., 2005.

85. *Кривошеев Г.Ф.* Россия и СССР в войнах XX века: потери вооруженных сил. – М., 2001.

86. *Кривошеина Н.* Четыре трети нашей жизни. – М., 1999.

87. *Кузнецов А.В.* Бабий Яр. – М., 1991.

88. *Куняев С.Ю.* Мои печальные победы. – М., 2007.

89. *Кюстин А.* Россия в 1839 году. – СПб., 2008.

90. *Лебедев Ю.* Ленинградский блицкриг. – М., 2011.

91. *Левит Н.Э.* Вступление Румынии в войну против Советского Союза. // *Крестовый поход на Россию*. – М., 2005.

92. *Ленин В.И.* Полное собрание

сочинений. Т. 27. Империализм как высшая стадия капитализма. М., 1969.

93. *Литвин А.* Убийцы //

<http://www.sb.by/strana/article/ubiysy.html>

94. *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. –

СПб., 2002.

95. *Лукинов М.И.* Воспоминания //

<http://iremember.ru/memoirs/artilleristi/lukinov-mikhail-ivanovich/>

96. *Лурье Л., Маляров И.* Ленинградский

фронт. – СПб., 2012.

97. *Май К.* Белый брат Виннету. – М., 2015

98. *Магаева С.В., Симоненко В.Б.*

Статистика жертв ленинградской блокады //

<http://www.spbumag.nw.ru/2009/08/6.shtml>

99. *Мадайчик Ч.* Существовала ли

синхронность окончательного решения с

планом ОСТ //

<http://pandia.org/text/79/149/69618.php>

100. *Максудов С.* Больше или меньше //

Демографическое обозрение. 2015. № 1.

101. *Манчестер У.* Стальная империя

Крупнов. – М., 2003.

102. *Маништейн Э.* Утерянные победы. – М., 2014.
103. *Мень А.* Трудный путь к диалогу. – М., 2001.
104. *Метельман Г.* Сквозь ад за Гитлера. М., 2009.
105. *Миронов Б.Н.* Развитие грамотности в России и СССР за тысячу лет. X – XX вв. // <http://annales.info/rus/small/gramotnost.htm>
106. *Мор Т.* Утопия. – М., 1935.
107. *Моуэт Ф.* Конец бизоньей тропы // Вокруг света. 1988. № 7 (2574).
108. *Мюллер Р.-Д.* Враг стоит на Востоке. – М., 2013.
109. *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация (1941–1944). – М., 1974.
110. *Никулин Н.* Воспоминания о войне. – СПб., 2014.
111. *Новикова Д.* Воспоминания об оккупации // <http://zavtra.ru/blogs/vospominaniya-ob-okkupatsii>
112. *Оруэлл Дж.* Скотный двор. – М.,

1989.

113. *Осипов В.О.* Политрук Клочков. – Саратов, 1982.

114. *Осипов В.О.* Шолохов. – М., 2010.

115. *Осипова Л.* Военный дневник // http://militera.lib.ru/db/osipova_l/index.html

116. *Павлинская Л.Р.* Особенности русской колонизации Сибири (XVII – начало XVIII в.) // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX в.). – СПб., 2014.

117. *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. – Петроград, 1923.

118. *Панченко И.Я.* Порхов. – Л., 1979.

119. *Петров И.* К вопросу об отзыве доктора Ветцеля на генеральный план «Ост» // <http://labas.livejournal.com/1043384.html>

120. *Петрова В.Д.* Деятельность общества «Друзей Радио» в Якутии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4.

121. *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера. – Смоленск, 1998.

122. *Пиотровский А.Б.* Тасманийцы // Народы Австралии и Океании. – М., 1956.
123. *Пленков О.Ю.* Третий рейх. Арийская культура. – СПб., 2005.
124. *Пленков О.Ю.* Третий рейх: война, кризис и крах. Кн. 2. – СПб., 2005.
125. *Пленков О.* Третий рейх: война до критической черты. – СПб., 2005.
126. *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. – М., 2002.
127. *Полян П.М.* Недостающее звено в предыстории Холокоста // <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/po16.html>
128. *Потёмкина М.Н.* Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 2002. № 3.
129. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений. Т.3. – М., 1948.
130. *Раевский А.Н.* Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов. – М., 1822.

131. *Раушининг Г.* Говорит Гитлер. Зверь из бездны. – М., 1993.
132. *Рейнгардт К.* Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года. – М., 1980.
133. *Ржевская Е.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. – М., 2004.
134. *Ржевская Е.М.* Ближние подступы. – М., 1985.
135. *Риббентрон И. фон.* Между Лондоном и Москвой: воспоминания и последние записи. – М., 1996.
136. *Рис Л.* Нацисты. Предостережение истории. – М., 2014.
137. *Розенберг А.* Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени. – Таллинн, 1998.
138. *Руденко Р.А.* Забвению не подлежит // Правда. 1969. 24 марта.
139. *Руссо А.* Франция Виши и Франция сопротивления // Вокруг света. 2010. № 10.
140. *Руссо Ж-Ж.* Об общественном договоре. – М., 1998.

141. *Рюле О.* Исцеление в Елабуге. – М., 1969.
142. *Савченко Н.Н.* Подробно о потерях Великой Отечественной // <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0559/tema>
143. *Саркисянц М.* Английские корни немецкого фашизма. – СПб., 2003.
144. *Сатиоров Г.И.* Русский человек и перед лицом смерти не пасует // Отечественные архивы. 2003. № 6.
145. *Сей Л.* Философия американской истории. – М., 1984.
146. *Смирнов В.* Ростов под тенью свастики. – Ростов н/Д, 2006.
147. *Стародубцев А.* Дважды невидимый фронт. – М., 2010.
148. *Стингл М.* Индейцы без томагавков. – М., 1978.
149. *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. – М., 2002.
150. *Соловьев А.И.* Я помню. Герои Великой Отечественной войны // <http://iremember.ru/memoirs/razvedchiki/solovev->

151. *Солонин М.* Мозгоимение. – М., 2008.

152. *Такман Б.* Первый блицкриг. Август 1914 года. – СПб., 1999.

153. *Тарле Е.В.* Восточное пространство и фашистская геополитика // Против фашистской фальсификации истории: сборник статей. – М.; Л., 1939.

154. *Твен М.* Собрание сочинений. Т. 11. – М., 1961.

155. *Терапиано Ю.* «Воскресенья» у Мережковских и «Зелёная лампа». Дальние берега. Портреты писателей эмиграции. Мемуары. – М., 1994.

156. *Тернон И.* Размышления о геноциде // <http://www.hrights.ru/text/b8/Chapter5.htm>

157. *Тимофеева Н.П., Данченко Е.Л.* Принудительный труд «восточных рабочих» в аграрном секторе экономики нацистской Германии (1941–1945 гг.). – М., 2001.

158. *Тойнби А.* Постигжение истории. – М., 2010.

159. *Толстой Л.Н.* О голоде. Полное

собрание сочинений. Т 29. – М., 1954.

160. *Тумаркин Д.* Миклухо-Маклай. – М., 2012.

161. *Уайт Дж. М.* Индейцы Северной Америки. – М., 2006.

162. *Ферро М.* Как рассказывают детям историю в разных странах мира. – М., 1992.

163. *Филюшкин А.* Изобретая первую войну России и Европы: балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. – СПб., 2013.

164. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. – М., 2008.

165. *Фрëлих С.Б.* Рядом с Власовым. – Кëльн, 1990.

166. *Фролов Д.Д.* Советско-финский плен 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки. – СПб., 2009.

167. *Фролов Д.Д.* Советские и финские военнопленные 1939–1944 гг. – Петрозаводск, 2005 // <http://www.kaur.ru/docs/frolov.php>

168. *Фролова В.П.* Ищи меня в России. СПб., 2003.

169. *Хасс Г.* Германская оккупационная политика в Ленинградской области (1941–1944 гг.) // Новая и новейшая история. 2003. № 6.

170. *Хёне Х.* Чёрный орден СС. История охранных отрядов. – М., 2003.

171. *Хмельницкий Д.* Нацистская пропаганда против СССР. – М., 2010.

172. *Хорошунова И.* Киевские записки 1941–1943 // <https://horshunova.dreamwidth.org/>

173. *Хюртер Й.* Вермахт под Ленинградом. Боевые действия и оккупационная политика 18-й армии осенью и зимой 1941/42 годов // <http://archive.is/GRU22>

174. *Цеткин К.* Воспоминания о Ленине. – М., 1933.

175. *Цыпин В.* Город Пушкин в годы войны. – СПб., 2010.

176. *Цыпин В.* Павловск в годы оккупации // <http://vpavlovsk.ru/pavlovsk-v-god-okkupac/>

177. *Чаусов М.Л.* Воспоминания свидетеля // Уничтожение городов и деревень в Европе в годы Второй мировой войны:

сборник материалов международной конференции. – М., 2015.

178. *Чемберлен Х.С.* Основания девятнадцатого столетия. Т. 1–2. – СПб., 2012.

179. *Черноморская Д.А.* Философия освобождения: интеллектуалы и политическая практика // <http://www.science-education.ru/pdf/2015/2-3/260.pdf>

180. *Четверикова О.* О духовном отце Единой Европы // http://communitarian.ru/publikacii/novyy_mirovoy

181. *Шарый А.* Знак W: вождь краснокожих в книгах и на экране. – М., 2007.

182. *Шевяков А.А.* Гитлеровский геноцид на территориях СССР // Социологические исследования. 1991. № 12.

183. *Ширер У.* Взлёт и падение Третьего рейха. Т 2. – М., 2010.

184. *Шнеер А.* Шпандау: тайный дневник. – М., 2014.

185. *Штейдле Л.* От Волги до Веймара. – М., 1975.

186. *Штрайт К.* «Они нам не

товарищи...» Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. – М., 2009.

187. *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Против Сталина и Гитлера. – М., 1993.

188. *Щербакова И.* Пути следования: российские школьники о миграциях, эвакуациях и депортациях XX века. – М., 2011.

189. *Шнеер А.* Плен. – М., 2005.

190. *Эренбург И.Г.* Война. 1941–1945. – М., 2004.

191. «Аушвиц глазами СС». Освенцим, 2008.

192. Ольденбург // Великая Отечественная война 1941–1945. – М., 1985..

193. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в современном русском переводе. – М., 2015.

194. Блокада Ленинграда. Досье. – Берлин, 2004.

195. Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. – М., 2005.

196. Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная

экспозиция города Берлина. К 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз. – Берлин, 1992.

197. Генералы и офицеры вермахта рассказывают. – М., 2009.

198. Демографические потери СССР и России в первой половине XX века. Заседание Демографической секции Центрального дома учёных РАН //

<http://demoscope.ru/weekly/2015/0645/nauka01.pl>

199. Историк Духинский из Киева и его ученики из французских сенаторов // Отечественные записки: журнал учёно-литературный и политический. – СПб., 1864. Т. CLV.

200. История России. XX век / Под ред. А.Б. Зубова. Т.2. – М., 2010.

201. История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 1–6. – М., 1974.

202. Иосиф Сталин в объятиях семьи. – М., 1993.

203. Ливонская рифмованная хроника. Стих 2070 //

204. Мировые войны. XX век. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. – М., 2002.

205. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. – М., 1990.

206. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. 1–7. – М., 1991.

207. Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). – М., 1968.

208. Письмо М. Бормана Розенбергу относительно политики на оккупированных территориях от 23.07.1942 г. // Военно-исторический журнал. 1965. № 1.

209. Положение о военнопленных // http://www.hrono.ru/dokum/193_dok/19310327ma

210. Русский архив. Т. 24 (13-2): Великая Отечественная война. Немецкие военнопленные в СССР. Документы и

материалы. 1941–1955 гг. – М., 1999.

211. Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. – М., 1967.

212. Советские люди глазами фашистов // Источник. 1995. № 3.

213. Трагедия белорусских деревень: сборник материалов // http://db.narb.by/upload/Tragedyja_vesak1.pdf

214. Уничтожить как можно больше русских: сборник документов. – М., 2009.

215. Хроника Германа Вартберга // <http://www.livonia.veles.lv/chronicles/vartberg/111326.htm>

216. «Я был на “фабрике убийц” Гиммлера». Воспоминания миллионера из Гамбурга // <http://www.aif.ru/society/history/42590>

217. Bastian T. Furchtbare Soldaten. Deutsche Kriegsverbrechen im Zweiten Weltkrieg. Verlag C.H. Beck. München. 1997.

218. Burnett John G. The Cherokee Removal Through the Eyes of a Private Soldier. December 11, 1890. //

<http://www.powersource.com/cherokee/burnett.htm>

219. Churchill W. A little matter of genocide.

San Francisco, 1997.

220. Der Untermensch. Berlin: DHM, 1942.

221. Der Kommissarbefehl // [http://www.ns-](http://www.ns-archiv.de/krieg/1941/kommissarbefehl.php)

[archiv.de/krieg/1941/kommissarbefehl.php](http://www.ns-archiv.de/krieg/1941/kommissarbefehl.php)

222. Der Generalplan Ost // [http://gplanost.x-](http://gplanost.x-berg.de/gplanost.html)

[berg.de/gplanost.html](http://gplanost.x-berg.de/gplanost.html)

223. *Diamond J.* The rise and fall of the third chimpanzee. London, 1991.

224. *Dr. Joseph Goebbels.* Das eherne Herz. Zentral verlag der NSDAP, 1943.

225. *Dunbar-Ortiz R.* Yes, Native Americans Were the Victims of Genocide //

<http://historynewsnetwork.org/article/162804#sthash>

226. *Diamond J.* Guns, Germs and Steel.

W.W. Norton, 1999.

227. *Espinoza Soriano W.* La Pachaca de Puchu en el reino de Cuismanco: siglos 15 y 16 //

Bulletin de l'Institut français d'études andines. III.

Nº 1. Lima, 1964.

228. *Gerlach C.* Kalkulierte Morde: Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in

Weissrussland 1941 bis 1944 (German Edition).
Hamburger Edition, 1999.

229. *Hagemann J.* Die Presselenkung im
Dritten Reich. Bonn, 1970.

230. *Heinemann I., Oberkrome W.,
Schleiermacher S., Wagner P.* Wissenschaft,
Planung, Vertreibung. Der Generalplan Ost der
Nationalsozialisten //
http://www.dfg.de/pub/generalplan/planung_1.html

231. *Hitler A.* Mein Kampf. Hurst and
Blackett Ltd, 1939.

232. *Hochschild A.* King Leopold's ghost. A
Story of Greed, Terror and Heroism in Colonial
Africa. Boston, 1999.

233. *Jackson H.H.* A century of dishonour.
NY, 1889.

234. *Kay Alex J.* Exploitation, Resettlement,
Mass Murder: Political and Economic Planning for
German Occupation Policy in the Soviet Union,
1940–1941. New York/Oxford, 2006.

235. *Landwehr R.* French volunteers of the
Waffen-SS. Oregon, 2006.

236. *Lang J.D.* An historical and statistical

account of New South Wales. London, 1837.

237. *Lewy G.* Were American Indians the Victims of Genocide? // <http://historynewsnetwork.org/article/7302>

238. *Lifton R.J.* The Nazi doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocid, Basic Books, 2000.

239. *Lüdtke F.* König Heinrich I. Berlin, 1936.

240. *Mann K.* Cowboy Mentor of the Fuhrer // The Living Age. November 1, 1940.

241. *Mason J.* A Brief History of the Pequot War: Especially of the Memorable Taking of their Fort at Mistick in Connecticut in 1637. Carlisle, Mass., 2009.

242. *Milgram S.* Behavioural Study of Obedience (1963) // <http://www.holah.karoo.net/milgramstudy.htm>

243. *Moorehead A.* The fatal impact: an account of the invasion of the South Pacific, 1767–1840. NY, 1966.

244. *Mühlhäuser R.* Eroberungen. Sexuelle Gewalttaten und intime Beziehungen deutscher

Soldaten in der Sowjetunion 1941–1945.
Hamburger Edition, Hamburg 2010.

245. *Pryce-Jones D.* Paris in the Third Reich.
NY, 1981.

246. *Secrest W.B.* When the great spirit died.
Sanger, 2003.

247. *Stannard David E.* American Holocaust:
The Conquest of the New World. Oxford
University Press, USA, 1993.

248. Tales of the Grand Teutons: Karl May
Among The Indians //
nytimes.com/1987/01/04/books/tales-of-the-grand-teutons-karl-may-among-the-indians.html

249. *Thornton R.* History, Structure, and
Survival: A Comparison of the Yuki (Ukomno'm)
and Tolowa (Hush) Indians of Northern California
// Ethnology. 1986. Vol. 25. №. 2.

250. *Tooze A.* The Wages of Destruction: The
Making and Breaking of the Nazi Economy.
London, 2008.

251. *Uhlig H.* Der verbrecherische Befehl.
Eine Diskussion und ihre historisch-
dokumentarischen Grundlagen // Vollmacht des

Gewissens. Bd. 2. Frankfurt a.M. – M., 1965.

252. *Wallace A.* The Long, Bitter Trail: Andrew Jackson and the Indians. Macmillan, 2011.

253. What Hope for an End to War? // Awake! 1993. 4/22.

notes

СНОСКИ

См.: *Ветте В.* Война на уничтожение: вермахт и холокост // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 72–79.

Hitler A. Mein Kampf. Hurst and Blackett
Ltd, 1939. S. 119.

Безыменский Л. Особая папка
«Барбаросса». – М., 1972. С. 39.

Ржевская Е. Геббельс. Портрет на фоне
дневника. – М., 2004. С. 165.

Мюллер Р.-Д. Враг стоит на Востоке. – М., 2013. С. 54.

Мюллер Р.-Д. Враг стоит на Востоке. – М., 2013. С. 102.

Преступные цели – преступные средства:
Документы об оккупационной политике
фашистской Германии на территории СССР
(1941–1944 гг.). – М., 1968. С 53.

Деникин А.И. Мировые события и русский вопрос. – Париж, 1939. С. 35.

Ильин И.А. Собрание сочинений. Т. 13. – М., 2000. С. 317.

Александров Г.Н. Суд истории: репортажи с Нюрнбергского процесса. – М., 1966. С. 228.

Преступные цели – преступные средства.

С. 38.

Дюков А.Р. Die Aktion Kaminskiy: Локотское «самоуправление» и создание бригады РОНА // Мифы Великой Отечественной. – М., 2008. С. 178.

Dunbar-Ortiz R. Yes, Native Americans

Were the Victims of Genocide //

<http://historynewsnetwork.org/article/162804#sthash>

Шарый А. Знак W: вождь краснокожих в книгах и на экране. – М., 2007. С. 45.

Шнеер А. Шпандау: тайный дневник. – М., 2014. С. 404.

Tales of the Grand Teutons: Karl May Among the Indians // The New York Times, 4 January 1987.

Шнеер А. Указ. соч. С. 404.

Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года. – М., 1980. С. 34.

Mann K. Cowboy Mentor of the Fuhere // The Living Age, November 1, 1940. P. 218.

Ibid. P. 222.

Шарый А. Указ. соч. С.8.

Май К. Белый брат Виннету. – М., 2015. С.

387.

Май К. Белый брат Виннету. – М., 2015. С.

368.

Ермаков А. Вермахт против евреев: война на уничтожение. – М., 2009. С. 215.

Май К. Виннету. – М., 2015. С. 346.

Adolf Hitler, Monologe im
Führerhauptquartier 1941–1944. Die
Aufzeichnungen von Heinrich Helms,
herausgegeben von Werner Jochmann (Hamburg,
1980) S. 91: 17. Oktober 1941 // Цит. по:
Саркисянц М. Английские корни немецкого
фашизма. – СПб., 2003. С. 179.

Ibid. S. 377: 29. August 1942 // Цит. по:
Саркисянц М. Английские корни немецкого
фашизма. – СПб., 2003. С. 179.

Ibid. S. 91: 17. Oktober 1941 Цит. по:
Саркисянц М. Английские корни немецкого
фашизма. – СПб., 2003. С. 178.

Der Untermensch. Berlin: DHM, 1942. S.5.

Churchill W. A little matter of genocide. San Francisco, 1997. P. 92.

Арендт Х. Истоки тоталитаризма. – М., 1996. С. 262.

Тернон И. Размышления о геноциде //

<http://www.hrighs.ru/text/b8/Chapter5.htm>

Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма. – СПб., 2003. С. 179.

Тумаркин Д. Миклухо-Маклай. – М., 2012.

С. 301.

Саркисянц М. Указ. соч. С. 172.

MYALL CREEK MASSACRE //

<https://www.parliament.nsw.gov.au/Hansard/Pages/1323879322-22077>

MYALL CREEK MASSACRE //

<https://www.parliament.nsw.gov.au/Hansard/Pages/1323879322-22077>

MYALL CREEK MASSACRE //

<https://www.parliament.nsw.gov.au/Hansard/Pages/1323879322-22077>

Тумаркин Д. Указ соч. С. 301.

Нюрнбергский процесс. Сборник
материалов. Т.2. – М., 1955. С. 206.

Диас Дель Кастильо Б. Правдивая история завоевания Новой Испании. – М., 2000. С. 325.

Stannard D.E. American Holocaust: The Conquest of the New World. Oxford University Press, USA, 1993.

Stannard D.E. American Holocaust: The Conquest of the New World. Oxford University Press, USA, 1993.

Espinoza Soriano W. La Pachaca de Puchu en el reino de Cuismanco: siglos 15 y 16 // Bulletin de l'Institut français d'études andines. III. Nº 1. Lima, 1964. P. 11.

Браун Д. Схороните мое сердце у Вундед-
Ни. Хабаровск, 1988. С. 109 // <http://www.mezoamerica.ru/indians/north/deebrow>

Преступные цели – преступные средства.

С. 111–112.

См.: *Моуэт Ф.* Конец бизоньей тропы // *Вокруг света.* 1988. № 7 (2574). С. 32–34.

Уайт Дж. М. Индейцы Северной Америки. – М., 2006. С. 227.

Дорст Ж. До того как умрёт природа –
М., 1968. С. 54.

Ферро М. Как рассказывают детям историю в разных странах мира. – М., 1992. С. 296.

Moorehead A. The fatal impact: an account of the invasion of the South Pacific, 1767–1840. NY, 1966. P. 170.

Пиотровский А.Б. Тасманийцы // Народы Австралии и Океании. – М., 1956. С. 273.

Diamond J. The rise and fall of the third chimpanzee. London, 1991. P. 252.

Саркисянц М. Указ. соч. С. 170.

Саркисянц М. Указ. соч. С. 171.

Diamond J. Op. cit. P. 254.

Саркисянц М. Указ. соч. С. 172.

Lang J.D. An historical and statistical account of New South Wales. London, 1837. P. 37.

Саркисянц М. Указ. соч. С. 172.

Diamond J. Op. cit. P. 254.

Саркисянц М. Указ. соч. С. 172.

Саркисянц М. Указ. соч. С. 173.

Саркисянц М. Указ. соч. С. 63.

Саркисянц М. Указ. соч. С. 177.

Лас Касас Б. де. Указ. соч. С. 139.

Stannard D.E. Op. cit. P. 266.

Лас Касас Б. де. Указ. соч. С. 162.

Stannard D.E. Op. cit. P. 116.

Diamond J. Guns, Germs and Steel. W.W. Norton, 1999. P. 374.

Secret W.B. Jarboe's War // Californians. 6

(6) 1988. P. 16–22.

Madley B. California's Yuki Indians: Defining Genocide in Native American History // *Western Historical Quarterly*. Vol. 39, No. 3 (Autumn, 2008). P. 319.

СМ.: *Thornton R.* History, Structure, and Survival: A Comparison of the Yuki (Ukomno'm) and Tolowa (Hush) Indians of Northern California // *Ethnology*. 1986. Vol. 25. №. 2. P. 119–130.

Ковалёв Ю.В. Золотая Калифорния
Фрэнсиса Брета Гарта. – М., 1988. С.9.

Jackson H.H. A century of dishonour. NY, 1889. P. 381.

Jackson H.H. A century of dishonour. NY, 1889. P. 385.

Jackson H.H. A century of dishonour. NY, 1889. P. 194.

*Lewy G. Were American Indians the Victims
of Genocide? //*

<http://historynewsnetwork.org/article/7302>

Стингл М. Индейцы без томагавков. – М., 1978. С. 347.

Браун Д. Указ. соч. С. 106.

Jackson H.H. Op. cit. P. 347.

Jackson H.H. Op. cit. P. 62.

Stannard D.E. Op. cit. P. 126.

Stannard D.E. Op. cit. P. 127.

Secret W.B. When the great spirit died.

Sanger, 2003. P. 13.

Secret W.B. When the great spirit died.

Sanger, 2003. P. 352.

Secrest W.B. When the great spirit died.

Sanger, 2003. P. 14.

Интересные замечания по теме см.: *Мень*

А. Трудный путь к диалогу. – М., 2001. С. 287.

Черноморская *Д.А.* *Философия*
освобождения: интеллектуалы и политическая
практика // [http://www.science-
education.ru/pdf/2015/2-3/260.pdf](http://www.science-education.ru/pdf/2015/2-3/260.pdf)

Лас Касас Б. де. Указ. соч. С. 156.

Преступные цели – преступные средства.

С. 66.

Вебер М. Протестантская этика и дух

капитализма

//

<http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z00002>

Вебер М. Протестантская этика и дух

капитализма

//

<http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z00002>

Stannard D.E. Op. cit. P. 109.

Библия. Книги Священного Писания
Ветхого и Нового Завета в современном
русском переводе. – М., 2015. С. 37.

Сea Л. Философия американской истории. – М., 1984. С. 148.

Mason J. A Brief History of the Pequot War: Especially of the Memorable Taking of their Fort at Mistick in Connecticut in 1637. Carlsile, Mass., 2009. P. 31.

Mason J. A Brief History of the Pequot War: Especially of the Memorable Taking of their Fort at Mistick in Connecticut in 1637. Carlsile, Mass., 2009. P. 31.

Stannard D.E. Op. cit. P. 116.

Тойнби А. Постигание истории. – М., 2010. С. 102.

Алентьева Т.В. Война с Мексикой в 1846–1848 годах и американское общественное мнение // Вопросы истории, № 8, август 2006. С. 117.

Алентьева Т.В. Война с Мексикой в 1846–1848 годах и американское общественное мнение // Вопросы истории, № 8, август 2006. С. 120.

Алентьева Т.В. Война с Мексикой в 1846–1848 годах и американское общественное мнение // Вопросы истории, № 8, август 2006. С. 120.

Алентьева Т.В. Война с Мексикой в 1846–1848 годах и американское общественное мнение // Вопросы истории, № 8, август 2006. С. 120.

Алентьева Т.В. Война с Мексикой в 1846–1848 годах и американское общественное мнение // Вопросы истории, № 8, август 2006. С. 120.

Алентьева Т.В. Война с Мексикой в 1846–1848 годах и американское общественное мнение // Вопросы истории, № 8, август 2006. С. 120.

Алентьева Т.В. Война с Мексикой в 1846–1848 годах и американское общественное мнение // Вопросы истории, № 8, август 2006. С. 120.

Hitler A. Mein Kampf. S. 500.

Мор Т. Утопия. – М., 1935. С. 33.

Стингл М. Указ. соч. С. 332.

Jackson A. "To the Cherokee Tribe of Indians East of the Mississippi". Macon Weekly Telegraph, March 16, 1835. Macon, Georgia. P.2.

Burnett John G. The Cherokee Removal
Through the Eyes of a Private Soldier. December
11, 1890 // <http://www.powersource.com/cherokee/burnett.htm>

Wallace A. The Long, Bitter Trail: Andrew Jackson and the Indians. Macmillan, 2011. P. 94.

Алентьева Т.В. Указ. соч.

*Heinemann I., Oberkrome W.,
Schleiermacher S., Wagner P.* Wissenschaft,
Planung, Vertreibung. Der Generalplan Ost der
Nationalsozialisten //
http://www.dfg.de/pub/generalplan/planung_1.html

Der Untermensch. S.2.

Преступные цели – преступные средства.

С. 47.

Арендт Х. Указ. соч. С. 234.

Бунин И.А. Собрание сочинений. В 9 т. Т.

8. Из дневниковых записей; Окаянные дни. – М., 2009. С. 372.

Деникин А.И. Указ. соч. С. 36.

Деникин А.И. Указ. соч.

См.: *Гобино Ж.А. де. Опыт о неравенстве человеческих рас.* – М., 2001.

Арендт Х. Указ. соч. С. 246.

Гобино Ж.А. де. Указ. соч. С. 608.

Там же. С. 687.

Stannard D.E. Op. cit. P. 99.

Арендт Х. Указ. соч. С. 251.

Саркисянц М. Указ. соч. С. 101.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений.

Т. 27. Империализм как высшая стадия капитализма. М., 1969. С. 376.

Hochschild A. King Leopold's ghost. A Story of Greed, Terror and Heroism in Colonial Africa. Boston, 1999. P.3.

Твен М. Монолог короля Леопольда в защиту его владычества в Конго // *Собрание сочинений*. В 12 т. Т. 11. – М., 1961. С. 570.

Давидсон А. Что это? Предостережение миру? // *Иностранная литература.* 2001. № 12. С. 235.

См.: *Ветте В.* Указ. соч. С. 72–79.

Чемберлен Х.С. Основания
девятнадцатого столетия. Т.1. – СПб., 2012. С.
349.

Саркисянц М. Указ. соч. С. 166.

Саркисянц М. Указ. соч. С. 166.

Чемберлен Х.С. Указ. соч. С. 229.

Ливонская рифмованная хроника. Стих

2070

//

http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Livl_Alte_Rein_id=827

Хроника Германа Вартберга //

<http://www.livonia.veles.lv/chronicles/vartberg/111326.htm>

Филюшкин А. Изобретая первую войну России и Европы: балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. – СПб., 2013. С. 316.

Филюшкин А. Изобретая первую войну России и Европы: балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. – СПб., 2013. С. 322.

Кара-Мурза С.Г. Россия не Запад, или Что нас ждёт. – М., 2011. С. 24.

Филюшкин А. Указ. соч. С. 403.

Филюшкин А. Указ. соч. С. 465.

Филюшкин А. Указ. соч. С. 417.

Павлинская Л.Р. Особенности русской колонизации Сибири (XVII – начало XVIII в.) // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX в.). – СПб., 2014. С. 54.

Пушкин А.С. Собрание сочинений. Т.3. –
М., 1948. С. 424.

Раевский А.Н. Воспоминания о походах
1813 и 1814 годов. – М., 1822. С. 54.

Историк Духинский из Киева и его ученики из французских сенаторов // Отечественные записки: журнал учёно-литературный и политический. – СПб., 1864. Т. CLV. С. 426–448.

Костомаров Н.И. Правда полякам о Руси

// *Основа.* – СПб., 1861. № 10. С. 100–112.

Кюстин А. Россия в 1839 году. – СПб., 2008. С. 74.

Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914 года. – СПб., 1999. С. 117.

Миронов Б.Н. Развитие грамотности в России и СССР за тысячу лет. X – XX вв. // <http://Annales.info/rus/small/gramotnost.htm>

Толстой Л.Н. О голоде. Полное собрание сочинений. Т. 29. – М., 1954. С. 107.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. – Петроград, 1923. С. 94.

Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т.2.

– М., 1952. С. 271.

Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция города Берлина. К 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз. – Берлин, 1992. С. 15.

Немецкая открытка времён Первой
мировой.

Жуков Д., Ковтун И. Русские эсэсовцы. – М., 2010. С. 19.

Hitler A. Mein Kampf. Hurst and Blackett
ltd., 1939. S. 500.

Hitler A. Mein Kampf. Hurst and Blackett
ltd., 1939. S. 500.

Hitler A. Mein Kampf. Hurst and Blackett
ltd., 1939. S. 500.

Косик В. Україна і Німеччина у другій світовій війні. – Львів, 1993. С. 533.

Koepfen W. Herbst 1941 im
„Führerhauptquartier“: Berichte Werner Koepfens
an seinen Minister Alfred Rosenberg.
Bundesarchiv, 2002. S. 44.

Пленков О.Ю. Третий рейх: война, кризис и крах. Кн. 2. – СПб., 2005. С. 81.

Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой: воспоминания и последние записи. – М., 1996. С. 198.

Куняев С.Ю. Мои печальные победы. – М., 2007. С. 391.

Hitler A. Mein Kampf. Leipzig, 1943. S. 358.

Hitler A. Mein Kampf. Leipzig, 1943. S. 358.

Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. – Смоленск, 1998. С. 278.

Беляков С.С. Хорватская национальная идентичность в интерпретации идеологов усташского движения // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* – № 7. – Сер. Балканика. Вып. 2. Екатеринбург, 2010. С. 133

Пикер Г. Указ соч. С. 278.

Пленков О.Ю. Третий рейх. Арийская культура. – СПб., 2005. С. 418.

Розенберг А. Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени. – Таллинн, 1998.

Розенберг А. Указ. соч. С. 40.

Розенберг А. Указ. соч. С. 69.

Розенберг А. Указ. соч. С. 69.

Розенберг А. Указ. соч. С. 71.

Document 1919-PS: Speech by Himmler on the occasion of the SS Group leader meeting Posen, 4 October 1943. P. 118 (пер. В. Родионова).

Der Reichsführer SS zu den Ersatzmannschaften für die Kampfgruppe «Nord» am Sonntag dem 13. Juli 1941, in Stettin. Geheim. RFSS/T-175, 109/2632686 ff (пер. В. Родионова).

Нюрнбергский процесс. Сборник
материалов. Т. II. – М., 1954. С. 560.

Горшенин К.П. Нюрнбергский процесс, сборник материалов. Т.1. – М., 1955. С. 787.

Dr. Joseph Goebbels. Das eherne Herz.

Zentral verlag der NSDAP, 1943. S. 400.

Гюнтер Г. Мои впечатления об Адольфе Гитлере. – М., 2013. С. 108.

Гюнтер Г. Мои впечатления об Адольфе Гитлере. – М., 2013. С. 108.

Деникин А.И. Указ. соч. С. 33.

См.: *Оруэлл Дж.* Скотный двор. – М., 1989. С. 75–79.

Жуков Д., Ковтун И. Указ. соч. С. 431.

Heft 5/2 Rassen- und Erbpflege in der
Gesetzgebung des Reiches //
<https://archive.org/details/RassenUndErbpflegeInD>
(пер. И. Петрова).

BA NS19/3680 // цит. по: Ursprünge, Arten und Folgen des Konstrukts „Bevölkerung“ vor, im und nach dem „Dritten Reich“. 2009. S. 352–353 (пер. И. Петрова).

См. подробнее в фундаментальной работе по теме: *Полян П.М. Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине.* – М., 2002.

Док. 070-L. ИМТ, т. XXXVII. S. 506–523

(пер. И. Петрова).

IfZ

MA312

//

<http://labas.livejournal.com/1031982.html>

(пер.

И. Петрова).

IfZ

MA312

//

<http://labas.livejournal.com/1031982.html>

(пер.

И. Петрова).

IfZ

MA312

//

<http://labas.livejournal.com/1031982.html>

(пер.

И. Петрова).

«Я был на “фабрике убийц” Гиммлера».

Воспоминания миллионера из Гамбурга //

<http://www.aif.ru/society/history/42590>

«Я был на “фабрике убийц” Гиммлера».

Воспоминания миллионера из Гамбурга //

<http://www.aif.ru/society/history/42590>

Фролова В.П. Ищи меня в России. – СПб.,
2003. С. 21.

Щербакова И. Пути следования: российские школьники о миграциях, эвакуациях и депортациях XX века. – М., 2011. С. 203.

Манчестер У. Стальная империя

Крупнов. – М., 2003. С. 466.

Манчестер У. Стальная империя

Крупнов. – М., 2003. С. 466.

Kennzeichnung und Ausgrenzung (рассылка 30.10.1942, AdGA Mayrhofen, Akten 1942) // <http://www.bundesarchiv.de/zwangsarbeit/dokumentation/position=2>.

Об этом автору рассказала его родственница Галина Ивановна Скорнякова, которая была угнана на принудительные работы в Германию из Урицка (нынешнее Лигово в черте Санкт-Петербурга).

Щербакова И. Указ. соч. С. 203.

Тимофеева Н.П., Данченко Е.Л.

Принудительный труд «восточных рабочих» в аграрном секторе экономики нацистской Германии (1941–1945 гг.). – М., 2001. С. 129.

Тимофеева Н.П., Данченко Е.Л.

Принудительный труд «восточных рабочих» в аграрном секторе экономики нацистской Германии (1941–1945 гг.). – М., 2001. С. 135.

Манчестер У. Указ. соч. С. 489.

Личное интервью.

Личное интервью.

Фролова В.П. Указ. соч. С. 27.

Фролова В.П. Указ. соч. С. 27.

Личное интервью.

Тимофеева Н.П., Данченко Е.Л. Указ. соч.

С. 132.

Щербакова И. Указ. соч. С. 204.

Тимофеева Н.П., Данченко Е.Л. Указ. соч.

С. 133.

Личное интервью.

Hagemann J. Die Presselenkung im Dritten Reich. Bonn, 1970 (пер. И. Петрова) / Цит. по ЖЖ labas:

<http://labas.livejournal.com/1019605.html>.

Hagemann J. Die Presselenkung im Dritten Reich. Bonn, 1970 (пер. И. Петрова) / Цит. по ЖЖ labas:

<http://labas.livejournal.com/1019605.html>.

Hagemann J. Op. cit.

Hagemann J. Op. cit.

Кларк А. Барбаросса. – М., 2004. С. 190.

Розенберг А. Указ. соч. С. 40.

Хмельницкий Д. Нацистская пропаганда против СССР. – М., 2010. С. 162.

Осипов В.О. Политрук Ключков. – Саратов, 1982. С. 170–171.

Hagemann J. Op. cit.

Иосиф Сталин в объятиях семьи. – М.,
1993. С. 81.

Ковалёв Б.Н. Повседневная жизнь мирного населения на оккупированной территории. – М., 2011. С. 317.

Хмельницкий Д. Указ. соч. С. 196.

Hagemann J. Op. cit.

Дегрелль Л. Эсэсовский легион Гитлера. –
М., 2012. С. 142.

Hagemann J. Op. cit.

Рис Л. Нацисты. Предостережение истории. – М., 2014. С. 200.

Диверге В. Советский Союз глазами немецких солдат. Письма с Востока // <http://militera.lib.ru/propaganda/german/feldpostbr>

Фролова В.П. Указ. соч. С. 73.

Хмельницкий Д. Указ. соч. С. 206.

Цеткин К. Воспоминания о Ленине. – М., 1933. С. 71.

Der Untermensch. Berlin, 1942.

Жуков Д., Ковтун И. Указ. соч. С. 96.

Der Untermensch. S.3.

Der Untermensch. S.3.

Der Untermensch. S.3.

Der Untermensch. S.5.

См.: *Фрелих С.Б.* Рядом с Власовым. –
Кёльн, 1990.

ВА-МА РН 2/1517 (пер. И. Петрова).

ВА-МА РН 2/1517 (пер. И. Петрова).

ВА-МА РН 2/1517 (пер. И. Петрова).

NARA, T175 Roll 85 // цит. по: *Himmler H.*
Geheimreden 1933 bis 1945 und andere
Ansprachen. 1974. S. 163–166 (пер. И. Петрова).

Жуков Д., Ковтун И. Указ. соч. С. 96.

Штрик-Штрикфельдт В.К. Против

Сталина и Гитлера. – М., 1993. С. 343.

Коняев Н.М. Власов. Два лица генерала. – М., 2003. С. 231.

IfZ MA 304 (пер. И. Петрова).

Найтцель З., Вельцер Х. Солдаты
вермахта. – М., 2013. С. 216.

Найтцель З., Вельцер Х. Солдаты
вермахта. – М., 2013. С. 216.

Гальдер Ф. Военный дневник.

Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. – М., 1968–1971. С. 322.

Пикер Г. Указ. соч. С. 304.

Пленков О. Третий рейх: война до критической черты. – СПб., 2005. С. 260.

Дюков А.Р. За что сражались советские люди. – М., 2007. С. 121.

Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. – М., 2010. С. 305.

Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. – М., 2010. С. 305.

Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. – М., 2010. С. 296.

Рюле О. Исцеление в Елабуге. – М., 1969.

С. 177.

Лукинов М.И. Воспоминания //

<http://iremember.ru/memoirs/artilleristi/lukinov-mikhail-ivanovich/>

Вольфгангер В. Беспощадная бойня
Восточного фронта. – М., 2010. С. 59.

Клауссманн Г. Воспоминания немецкого
ефрейтора // [http://liewar.ru/epizody-vojny/56-
vospominaniya-nemetskogo-efrejtora.html](http://liewar.ru/epizody-vojny/56-
vospominaniya-nemetskogo-efrejtora.html)

Стародубцев А. Дважды невидимый фронт. – М., 2010. С. 107.

Лурье Л., Маляров И. Ленинградский фронт. – СПб., 2012. С. 218.

Кузнецов А. Бабий Яр. – М., 1991. С. 157.

История России. XX век / Под ред. А.Б. Зубова. Т.2. – М., 2010. С. 92.

Лурье Л., Маляров И. Указ. соч. С. 224.

Власов К.П. Война глазами харьковского подростка. – Харьков, 2015. С. 25.

Смирнов В. Ростов под тенью свастики. –
Ростов н/Д, 2006. С. 120.

Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. –
СПб., 2002. С. 456.

Кара-Мурза С.Г. Кто такие русские. – М., 2012. С. 113.

Рис Л. Указ. соч. С. 237.

Соловьев А.И. Я помню. Герои Великой

Отечественной войны //

<http://iremember.ru/memoirs/razvedchiki/solovev-aleksandr-ivanovich/>

Кузнецов А. Указ. соч. С. 114.

Сатиоров Г.И. Русский человек и перед лицом смерти не пасует // Отечественные архивы. 2003. № 6.С. 70.

Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы.

– М., 2002. С. 264.

Диксон Ч.О., Гейльбрунн О.

Коммунистические партизанские действия. – М., 1957. С. 228.

Солонин М. Мозгоимение. – М., 2008. С.

287.

Бивор Э. Сталинград. – Смоленск, 1999.

С. 412.

Бивор Э. Сталинград. – Смоленск, 1999.

С. 412.

История Второй мировой войны 1939–1945. Т.6. – М., 1974. С. 83.

Дрюон М. «Я поклоняюсь вашим ветеранам» // Аргументы и факты. № 34. 24.08.2005 // <http://www.aif.ru/archive/1641532>

История Второй мировой войны 1939–1945. Т 6.С. 83.

Бивор Э. Указ. соч. С. 410.

Диксон Ч.О., Гейльбрунн О. Указ. соч. С.

231.

Кларк А. Указ. соч. С. 202.

Кершоу Р. Указ. соч. С. 319.

Штейдле Л. От Волги до Веймара. – М., 1975. С. 111.

Алексиевич С. Последние свидетели. – М., 2008. С. 264.

Найтцель З., Вельцер Х. Указ. соч. С. 99.

Метельман Г. Сквозь ад за Гитлера. М., 2009. С. 288.

Bundesarchiv

Koblenz.

Reichssicherheitshauptamt. R 58/182. Meldungen
aus der Reich Nr. 376.15.4.43. P. 8–17 (пер. А.
Якушевского) // Источник. 1995. № 3.

Bundesarchiv

Koblenz.

Reichssicherheitshauptamt. R 58/182. Meldungen
aus der Reich Nr. 376.15.4.43. P. 8–17 (пер. А.
Якушевского) // Источник. 1995. № 3.

Bundesarchiv

Koblenz.

Reichssicherheitshauptamt. R 58/182. Meldungen
aus der Reich Nr. 376.15.4.43. P. 8–17 (пер. А.
Якушевского) // Источник. 1995. № 3.

Бюллетень Центрального статистического
управления № 64. С. 22–23.

Народное хозяйство СССР в Великой
Отечественной войне 1941–1945 гг.
Статистический сборник. – М., 1990.

Народное хозяйство СССР в Великой
Отечественной войне 1941–1945 гг.
Статистический сборник. – М., 1990.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм.

– М., 2008. С. 108.

Зиновьев А. Русская судьба, исповедь
отщепенца. – М., 1999. С. 153.

Кошелев А. Я дрался с самураями. – М., 2005. С. 168.

Осипов В.О. Шолохов. – М., 2010. С. 202.

Петрова В.Д. Деятельность общества «Друзей Радио» в Якутии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4.С. 92.

*Абаимова А.А., Варакин С.А., Гордин А.А.,
Гордина Е.Д., Рулева И.В., Таманова Е.В.*
Повседневная жизнь советского города 1930-х
годов // mngasu.ru/science/general/RID/NIR/gordin_povsed

Советские люди глазами фашистов //

Источник. 1995. № 3.С. 250.

Советские люди глазами фашистов //

Источник. 1995. № 3.С. 250.

Лукинов М.И. Указ. соч.

Никулин Н. Воспоминания о войне. –
СПб., 2014. С. 109.

Ржевская Е. Указ. соч. С. 355.

Bastian T. Furchtbare Soldaten. Deutsche Kriegsverbrechen im Zweiten Weltkrieg. Verlag C.H. Beck. München, 1997.

Манитейн Э. Утерянные победы. – М., 2014. С. 156.

Дрюон М. Это моя война, моя Франция, моя боль. – М., 2012. С. 86.

Кривошеина Н. Четыре трети нашей жизни. – М., 1999. С. 160.

Дрюон М. Указ. соч. С. 85.

Голль Ш. де. Военные мемуары: призыв 1940–1942. – М., 2003. С. 84.

Дегрелль Л. Гитлер на тысячу лет //

<http://fatuma.net/text/degrelle.pdf>

Голль Ш. де. Указ. соч. С. 100.

Руссо А. Франция Виши и Франция
Сопротивления // Вокруг света. 2010. № 10. С.
136.

Эренбург И.Г. Война. 1941–1945. – М., 2004. С. 32.

Дашичев В.И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе. Т.1. – М., 2005. С. 72.

Дегрелль Л. Гитлер на тысячу лет.

Дегрелль Л. Эсэсовский легион Гитлера.

С. 15.

Дегрелль Л. Гитлер на тысячу лет.

Дрюон М. Указ. соч. С. 85.

Кривошеина Н. Указ. соч. С. 159.

Четверикова О. О духовном отце Единой

Европы

//

http://communitarian.ru/publikacii/novyy_mirovoy_

Голомиток И.Н., Синявский А.Д. Пикассо.

– М.: Знание, 1960. С. 45.

Pryce-Jones D. Paris in the Third Reich. NY, 1981. P. 165.

Landwehr R. French volunteers of the
Waffen-SS. Oregon, 2006. P. 126.

Васильченко А. Кинематограф Третьего рейха. – М., 2010. С. 45.

Васильченко А. Кинематограф Третьего рейха. – М., 2010. С. 46.

Блюментрит Г. Московская битва. – М., 1958. С. 99.

Терапиано Ю. «Воскресенья» у Мережковских и «Зелёная лампа». Дальние берега. Портреты писателей эмиграции. Мемуары. – М., 1994. С. 21.

Парижане под оккупацией //

<http://www.world-war.ru/parizhane-pod-okkupaciej-foto/>

Штейдле Л. Указ. соч. С. 131

Пленков. О.Ю. Третий рейх. Арийская культура. С. 229.

Айхольц Д. Цели Германии в войне против СССР // Новая и новейшая история. 2002. № 6.

Раушининг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. – М., 1993. С. 111.

Раушининг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. – М., 1993. С. 44.

Левит Н.Э. Вступление Румынии в войну против Советского Союза // Крестовый поход на Россию. – М., 2005. С. 216.

Левит Н.Э. Вступление Румынии в войну против Советского Союза // Крестовый поход на Россию. – М., 2005. С. 216.

Безыменский Л. Человек за спиной Гитлера. – М., 2000. С. 69.

Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. Т.2. – М., 1973. С. 38.

Дашичев В.И. Указ. соч. С. 38.

Жуков Д., Ковтун И. Русские эсэсовцы. – М., 2010. С. 99.

346

Солонин М. Указ. соч. С. 277.

Дюков А.Р. За что сражались советские люди. С. 73.

Дюков А.Р. За что сражались советские люди. С. 237.

Gerlach C. Kalkulierte Morde: Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944 (German Edition). Hamburger Edition, 1999.

Tooze A. The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy. London, 2008 // <https://books.google.ru>

Kay Alex J. Exploitation, Resettlement, Mass Murder: Political and Economic Planning for German Occupation Policy in the Soviet Union, 1940–1941. New York/Oxford, 2006.

Штрайт К. «Они нам не товарищи...»

Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. – М., 2009.

Беркгоф К. Голод в Киеве //

http://scepsis.net/library/id_3673.html

Alex J. Kay. Op. cit. P. 39.

Tooze A. Op. cit.

Мировые войны. XX век. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. – М., 2002. С. 133.

Tooze A. Op. cit.

Блокада Ленинграда. Досье. – Берлин,
2004. С. 41.

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т.4. – М., 1991. С. 279–282.

Tooze A. Op. cit.

Alex J. Kay. Op. cit.

Ibid. P. 112.

Ibid.

Alex J. Kay. Op. cit. P. 39.

Генералы и офицеры вермахта
рассказывают. – М., 2009. С. 107.

Der Reichsführer SS zu den Ersatzmannschaften für die Kampfgruppe «Nord» am Sonntag dem 13. Juli 1941, in Stettin. Geheim. RFSS/T-175, 109/2632686 ff (пер. В. Родионова).

Gerlach C. Op. cit.

Ibid.

Хёне Х. Чёрный орден СС. История охранных отрядов. – М., 2003. С. 58.

Керстен Ф. Пять лет рядом с Гиммлером.

Воспоминания личного врача. 1940–1945. – М., 2004. С. 349.

Видукинд Корвейский. Деяния саксов. –
М., 1975. С. 147.

Хёне Х. Указ. соч. С. 265.

Lüdtke F. König Heinrich I. Berlin, 1936. S.

168.

Доллман Е. Переводчик Гитлера. Десять лет среди лидеров нацизма. 1934–1944. – М., 2008.

Керстен Ф. Указ. соч. С. 179.

Ржевская Е. Указ. соч. С. 202.

Гельмольд. Славянская хроника. – М.,
1963. С. 74.

Гельмольд. Славянская хроника. – М., 1963. С. 74.

Гельмольд. Славянская хроника. – М.,
1963. С. 74.

Тарле Е.В. Восточное пространство и фашистская геополитика // Против фашистской фальсификации истории: сборник статей. – М.; Л., 1939. С. 103.

Тарле Е.В. Восточное пространство и фашистская геополитика // Против фашистской фальсификации истории: сборник статей. – М.; Л., 1939. С. 98.

Tooze A. Op. cit.

Штрайт К. Они нам не товарищи. – М., 2009. С. 83.

Штрайт К. Они нам не товарищи. – М., 2009. С. 235.

Нормы питания советских
военнопленных 1941–45 гг. //
<http://army.armor.kiev.ua/hist/paek-sov-plenn.shtml>

Штрайт К. Указ. соч. С. 154.

Штрайт К. Указ. соч. С. 145.

Шнеер А. Плен. – М., 2005. С. 189.

Котляр Л. Воспоминания еврей-
красноармейца. – М., 2011. С. 34.

Шнеер А. Указ. соч. С. 193.

Воробьев К.Д. Крик. – М., 1984. С. 47.

Шнеер А. Указ. соч. С. 188.

Шнеер А. Указ. соч. С. 175.

Нюрнбергский процесс. Сборник
материалов. Т.4. С. 214–215.

Стародубцев А. Указ. соч. С. 105.

Найтцель З., Вельцер Х. Указ. соч. С. 102.

Воробьёв К.Д. Убиты под Москвой.

Повести, рассказы. – М., 1994. С.6.

Шнеер А. Указ. соч. С. 179.

Дегрелль Л. Эсесовский легион Гитлера.

С. 27.

Дегрелль Л. Эсесовский легион Гитлера.

С. 27.

Найтцель З., Вельцер Х. Указ. соч. С. 101.

Найтцель З., Вельцер Х. Указ. соч. С. 102.

Положение о военнопленных //

http://www.hrono.ru/dokum/193_dok/19310327ma

Фролов Д.Д. Советско-финский плен 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки. – СПб., 2009. С. 64.

Фролов Д.Д. Советские и финские военнопленные 1939–1944 гг. – Петрозаводск, 2005 // <http://www.kaur.ru/docs/frolov.php>

Руссо Ж-Ж. Об общественном договоре. –
М., 1998.

Там же. С. 204.

Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. – М., 1996. С. 45.

Положение о военнопленных //

http://www.hrono.ru/dokum/193_dok/19310327ma

Русский архив. Т. 24 (13-2): Великая
Отечественная война. Немецкие
военнопленные в СССР. Документы и
материалы. 1941–1955 гг. – М., 1999. С. 34.

Штрайт К. Они нам не товарищи. С. 240.

Штрайт К. Они нам не товарищи. С. 240.

Нюрнбергский процесс. Сборник
материалов Т.4. С. 209.

Звягинцев А.Г. Главный процесс
человечества. – М., 2012. С. 155.

Нюрнбергский процесс. Сборник
материалов Т.4. С. 209–211.

Нюрнбергский процесс. Сборник
материалов Т.4. С. 209–211.

Нюрнбергский процесс. Сборник
материалов Т.4. С. 209–211.

Штрайт К. Указ. соч. С. 247.

Звягинцев А. Нюрнбергский набат. – М., 2010. С. 352.

Ширер У. Взлёт и падение Третьего рейха.

Т.2. – М., 2010. С. 190.

«Аушвиц глазами СС». Освенцим. 2008.

С. 63.

Штрайт К. Указ. соч. С. 135.

Штрик-Штрикфельдт В.К. Указ. соч. С.

41.

Штрик-Штрикфельдт В.К. Указ. соч. С.

42.

Преступные цели – преступные средства.

С. 46.

Двинов Б. Власовское движение в свете документов. – Нью-Йорк, 1950. С. 26.

Беркгоф К. Указ. соч.

Гальдер Ф. Военный дневник. – М., 2010.

С. 312.

Беркгоф К. Указ. соч.

Беркгоф К. Указ. соч.

Хорошунова И. Киевские записки 1941–
1943 // <https://horshunova.dreamwidth.org/>

Кузнецов А.В. Бабий Яр. – М., 1991. С. 111.

Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). – М., 1974. С. 130.

Хорошунова И. Указ. соч.

435

Хорошунова И. Указ. соч.

Беркгоф К. Указ. соч.

Дудин Л.В. В оккупации // Сборник «Под немцами». – СПб., 2011. С. 301.

Кузнецов А.В. Указ. соч. С. 285.

Кузнецов А.В. Указ. соч. С. 285.

Власов К.П. Указ. соч. С. 28.

Мюллер Н. Указ. соч. С. 131.

Баринов. И.И. Оккупационный режим нацистской Германии на территории Украины, 1941–1944 гг. – М., 2013. С. 152.

Баринов. И.И. Оккупационный режим нацистской Германии на территории Украины, 1941–1944 гг. – М., 2013. С. 98.

Дюков. А. Нацистский геноцид. Блокада Ленинграда // <http://www.rus-obr.ru/rus-club/1756>

Ольденбург // Великая Отечественная война 1941–1945. – М., 1985. С. 511.

Гальдер Ф. Военный дневник. – М., 2010.

С. 125.

Лебедев Ю. Ленинградский блицкриг. – М., 2011. С. 234.

Хюртер Й. Вермахт под Ленинградом.

Боевые действия и оккупационная политика
18-й армии осенью и зимой 1941/42 годов //

<http://archive.is/GRU22>

Хюртер Й. Вермахт под Ленинградом.

Боевые действия и оккупационная политика
18-й армии осенью и зимой 1941/42 годов //

<http://archive.is/GRU22>

Хюртер Й. Вермахт под Ленинградом.

Боевые действия и оккупационная политика
18-й армии осенью и зимой 1941/42 годов //

<http://archive.is/GRU22>

Война Германии против Советского
Союза 1941–1945. С. 69.

Война Германии против Советского
Союза 1941–1945. С. 69.

Лебедев. Ю. Указ. соч. С. 328.

Блокада Ленинграда в документах
рассекреченных архивов. – М., 2005. С. 693.

Лурье Л., Маляров И. Указ. соч. С. 204.

Воспоминания Киры Сергеевны
Сретенцевой об оккупации Пушкина.

457

Осипова Л. Военный дневник //

http://militera.lib.ru/db/osipova_l/index.html

Иванков В.Ф. Жизнь на линии фронта //

Вестник Петродворцового района. 2015. №
4.С. 6.

Фролова В.П. Указ. соч.

463

Цытин В. Указ. соч. С. 104.

Лурье Л., Маляров И. Указ. соч. С. 210.

465

Осипова Л. Указ. соч.

Иванченко Н.Ю. Последствия фашистской оккупации на территории Ленинградской области. Дисс. к.и. н. СПб., 2004. С. 98.

Иванченко Н.Ю. Последствия фашистской оккупации на территории Ленинградской области. Диссертация. С. 102.

Иванченко Н.Ю. Последствия фашистской оккупации на территории Ленинградской области. Диссертация. С. 103.

Хасс Г. Германская оккупационная политика в Ленинградской области (1941–1944 гг.) // Новая и новейшая история. 2003. № 6.

Зенькович Н. Пушкин в оккупации //

<http://tsarselo.ru/yenciklopedija-carskogo-sela/velikaja-otechestvennaja-voina-i-okkupacija-pushkina/nina-zenkovich-pushkin-v-okkupacii.html#.WEKXhlqg8dU>

Цыпин В. Павловск в годы оккупации //

<http://vpavlovsk.ru/pavlovsk-v-god-okkupac/>

Цыпин В. Павловск в годы оккупации //

<http://vpavlovsk.ru/pavlovsk-v-god-okkupac/>

Война Германии против Советского
Союза 1941–1945. С. 133.

Жуков Д.А., Ковтун И.И. Охотники за партизанами. Бригада Дирлевангера. – М., 2013. С. 98.

Нюрнбергский процесс. Сборник
материалов. Т.5. – М., 1991. С. 271.

См., например: *Панченко И.Я.* Порхов. – Л., 1979.

Уничтожить как можно больше русских:
сборник документов. – М., 2009. С. 24.

Уничтожить как можно больше русских:
сборник документов. – М., 2009. С. 45.

Нюрнбергский процесс. Сборник
материалов Т.5. С. 87.

Завадский Р. Своя чужая война. Дневник русского офицера вермахта 1941–1942 гг. – М., 2014.

Нюрнбергский процесс. Сборник
материалов. Т.7. – М., 1991. С. 602.

Диверге В. Советский Союз глазами германских солдат. Письма с Востока // <http://militera.lib.ru/propaganda/german/feldpostbr>

Ермаков А.М. Вермахт против евреев. – М., 2009. С. 164.

Потёмкина М.Н. Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 2002. № 3. С. 148–156.

485

Мюллер Н. Указ. соч. С. 130.

Мюллер Н. Указ. соч. С. 144.

Ермаков А.М. Указ. соч. С. 180.

Ермаков А.М. Указ. соч. С. 181.

Gerlach C. Op. cit.

Der Kommissarbefehl // <http://www.ns-archiv.de/krieg/1941/kommissarbefehl.php>

Нюрнбергский процесс. Сборник
материалов. Т.1. – М., 1991. С. 672.

Альтман И. Жертвы ненависти. – М., 2002. С. 198.

Нюрнбергский процесс. Сборник
материалов. Т.1. С. 673.

Альтман И. Указ. соч. С. 199.

Литвин *А.* Убийцы //

<http://www.sb.by/strana/article/ubiysy.html>

Литвин

А.

Убийцы

//

<http://www.sb.by/strana/article/ubiysy.html>

Трагедия белорусских деревень. 1941–1944. Документы и материалы. – Минск; М.: 2011.

Milgram S. Behavioural Study of Obedience

(1963)

//

<http://www.holah.karoo.net/milgramstudy.htm>

Milgram S. Op. cit.

Преступные цели – преступные средства.

С. 32.

Солонин М. Указ. соч. С. 291.

Солонин М. Указ. соч. С. 291.

Преступные цели – преступные средства.

С. 33.

Солонин М. Указ. соч. С. 291.

Мюллер Н. Указ. соч. С. 86.

Манитейн Э. Указ. соч. С. 203.

Преступные цели – преступные средства.

С. 63.

Преступные цели – преступные средства.

С. 90.

Трагедия белорусских деревень. 1941–1944. Документы и материалы // http://db.narb.by/upload/Tragedyja_vesak1.pdf

Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. – М., 1967. С. 105.

Преступные цели – преступные средства.

С. 66.

Преступные цели – преступные средства.

С. 66.

Преступные цели – преступные средства.

С. 67.

Преступные цели – преступные средства.

С. 133.

Uhlig H. Der verbrecherische Befehl. Eine Diskussion und ihre historisch-dokumentarischen Grundlagen // Vollmacht des Gewissens. Bd. 2. Frankfurt a.M. – M., 1965. S. 301, 321.

Штрайт К. Указ. соч. С. 88.

Дервянко М.Б. Война и оккупация. –
Воронеж, 2011. С.6.

Осипова Л. Военный дневник //

http://militera.lib.ru/db/osipova_l/index.html

Новикова Д. Воспоминания об оккупации

// <http://zavtra.ru/blogs/vospominaniya-ob-okkupatsii>

Фролова В.П. Указ. соч. С.9.

Алексиевич С. У войны не женское лицо. — М., 1988. С. 433.

Алексиевич С. У войны не женское лицо. —
М., 1988. С. 442.

Алексиевич С. У войны не женское лицо. —

М., 1988. С. 344.

Ржевская Е.М. Ближние подступы. – М., 1985.

Нюрнбергский процесс. Сборник
материалов. Т.1. С. 513.

526

Лукинов М.И. Указ. соч.

Чаусов М.Л. Воспоминания свидетеля // Уничтожение городов и деревень в Европе в годы Второй мировой войны: сборник материалов международной конференции. – М., 2015. С. 56.

Гладышев В.Г. Я видел, как поджигали дома вместе с людьми // Уничтожение городов и деревень в Европе в годы Второй мировой войны: сборник материалов международной конференции. – М., 2015. С. 186.

Данилкин Л. Гагарин. – М., 2011. С. 39.

Нюрнбергский процесс. Сборник
материалов. Т.1. С. 521.

Mühlhäuser R. Eroberungen. Sexuelle Gewalttaten und intime Beziehungen deutscher Soldaten in der Sowjetunion 1941–1945. Hamburger Edition, Hamburg 2010.

Смирнов В. Указ. соч. С. 163.

Найтцель З., Вельцер Х. Указ. соч. С.9.

Воспоминания Киры Сергеевны
Сретенцевой об оккупации Пушкина.

Алексиевич С. Последние свидетели. – М., 2008. С. 189.

Адамович А. Я из огненной деревни. – М., 1979. С. 316.

537

Осипова Л. Военный дневник //

http://militera.lib.ru/db/osipova_l/index.html

Найтцель З., Вельцер Х. Указ. соч. С. 157.

Буницкий О. Сексуальные преступления

вермахта

//

<http://echo.msk.ru/programs/netak/693919-echo/>

Данилкин Л. Указ. соч. С. 22.

Адамович А. Указ. соч. С.3.

Der Generalplan Ost // <http://gplanost.x-berg.de/gplanost.html>

Ветцель Э. Замечания и предложения
«Восточного министерства» по генеральному
плану «Ост» //

http://scepsis.net/library/id_703.html

Петров И. К вопросу об отзыве доктора
Ветцеля на генеральный план «Ост» // <http://labas.livejournal.com/1043384.html>

Ветцель Э. Указ. соч.

549

Ветцель Э. Указ. соч.

Ширер У. Указ. соч. С. 343.

Lifton R.J. The Nazi doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocid, Basic Books, 2000. P. 269.

Пикер Г. Указ. соч. С. 450.

Пикер Г. Указ. соч. С. 37.

Пикер Г. Указ. соч. С. 197.

Письмо М. Бормана Розенбергу относительно политики на оккупированных территориях от 23.07.1942 г. // Военно-исторический журнал. 1965. № 1. С. 82–83.

Ковалёв Б.Н. Указ. соч. С. 566.

Пикер Г. Указ. соч. С. 197.

What Hope for an End to War? // Awake!

1993. 4/22. P.7.

Пикер Г. Указ. соч. С. 82.

Нюрнбергский процесс. Сборник
материалов. Т.2. – М., 1991. С. 560.

Мадайчик Ч. Существует ли синхронность между «Генеральным планом Ост» и «окончательным решением еврейского вопроса»? //

<http://pandia.org/text/79/149/69618.php>

Мадайчик Ч. Существовала ли
синхронность окончательного решения с
планом ОСТ //

<http://pandia.org/text/79/149/69618.php>

Ермаков А. Вермахт против евреев: война на уничтожение. – М., 2009. С. 172.

Полян П.М. Недостающее звено в
предыстории Холокоста //

<http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/po16.html>

Руденко Р.А. Забвению не подлежит //

Правда. 1969. 24 марта. С.4.

Шевяков А.А. Гитлеровский геноцид на территориях СССР // Социологические исследования. 1991. № 12. С.6.

Кривошеев Г.Ф. Россия и СССР в войнах XX века: потери вооруженных сил. – М., 2001. С. 233.

Земсков В.Н. О масштабах людских потерь СССР в Великой Отечественной войне // Военно-исторический архив. 2012. № 9.С. 59–71.

Демографические потери СССР и России
в первой половине XX века. Заседание
Демографической секции Центрального дома
учёных РАН //

<http://demoscope.ru/weekly/2015/0645/nauka01.pl>

Савченко Н.Н. Подробно о потерях

Великой Отечественной //

<http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0559/tema>

571

Мюллер Н. Указ. соч. С. 130.

Дюков А.Р. Операция «Зимнее волшебство». Нацистская истребительная политика и латвийский коллаборационизм. – М., 2011. С. 10.

Трагедия белорусских деревень. 1941–
1944: документы и материалы // http://db.narb.by/upload/Tragedyja_vesak1.pdf

Трагедия белорусских деревень. 1941–
1944: документы и материалы //
http://db.narb.by/upload/Tragedyja_vesak1.pdf

Магаева С.В., Симоненко В.Б. Статистика

жертв ленинградской блокады //

<http://www.spbumag.nw.ru/2009/08/6.shtml>

576

Земсков В.Н. Указ. соч. С. 65.

Максудов С. Больше или меньше // Демографическое обозрение. 2015. № 1. С. 159.

Савченко Н.Н. Указ. соч.

Бушуева О.Ю. Безвозвратные людские потери Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 4. С. 1128.

Максудов С. Указ. соч. С. 148–165.